

WARHAMMER
40,000

DAEMON WORLD

BEN COUNTER

Annotation

В глубине искаженных адских бурь Варна находится демонический мир Торвендис, планета, проклятая темными силами Хаоса. Здесь так долго бушевали яростные сражения, что в ее каменном основании залегли целые слои погибших воинов. Но прибыл странник, который грозит нарушить равновесие сил и владычество леги Харибди, принцессы Слаанеша. Недовольство перерастает в бунт, а бунт становится кровавой революцией. Но так ли прямолинейны намерения странника, как он провозглашает, или же капризным силам Хаоса предстоит сыграть еще одну, последнюю шутку?

-
- [ГЛАВА ПЕРВАЯ](#)
 - [ГЛАВА ВТОРАЯ](#)
 - [ГЛАВА ТРЕТЬЯ](#)
 - [ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ](#)
 - [ГЛАВА ПЯТАЯ](#)

- [ГЛАВА ШЕСТАЯ](#)
 - [ГЛАВА СЕДЬМАЯ](#)
 - [ГЛАВА ВОСЬМАЯ](#)
 - [ГЛАВА ДЕВЯТАЯ](#)
 - [ГЛАВА ДЕСЯТАЯ](#)
 - [ПОСЛЕСЛОВИЕ](#)
-
-

Демонический мир

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Некоторые говорят, что Арзүлеон Век прибыл на мир Торвендис, еще когда Мальстрим был юн -- очень давно, ибо эта сияющая рана в реальности поистине стара. Другие утверждают, что ныне живущие еще помнят времена его деяний на Торвендисе, и что он сам возложил на них тяжесть веков, чтобы превратить свою жизнь в легенду. Большинство, впрочем, сходится на том, что это было во время Слепого Крестового похода, когда безмозглые стада человечества были объединены в Империям Бога-Труна, и именно тогда Век начал свои завоевания. Возможно, сто и пятьдесят веков минули с тех пор, и все же наследие Арзүлеона Века все еще живет на Торвендисе, подобно тысяче шрамов на его поверхности.

Есть много историй об Арзүлеоне Веке, некоторые -- о временах до того, как он появился в Мальстриме, некоторые (которые твердят лжецы) -- о временах

после. Но большая часть посвящена войне с Последним, который силой удерживал Торвендис пред ликом благословенного Хаоса. Сражения бушевали столетиями, хитрость и преданность Хаосу Арзүлеона Века состязалась с силой и гордыней Последнего, и в жаре их соперничества было отковано больше историй, чем можно рассказать. Но одна история, которая действительно важна, повествует, как Арзүлеон Век, окончательно победив и сразив Последнего, завладел Торвендисом во имя богов Хаоса и превратил этот мир, полный символической и реальной мощи, в место, вечно прославляющее Хаос.

Некогда оголенная и иссушенная злокозненностью Последнего, ныне планета наполнилась жизнью, что затягивала шираты, оставленные сражениями. Бесплодные пустоши исчезли под бурными океанами. Поднялись горы из лотаного камня. Магнетизм новоявленной силы Торвендиса притянул на его орбиту новые луны. Темные Боги взирали на этот мир с завистью, и с каждым новым хозяином его ландшафт снова изменялся. Новые сло

добавлялись к оболочке истории, которая обкутывала планету, словно кожа, ждущая, пока ее сбросят.

Таков он, Торвендис -- мир, созданный из легенд, дарованный ужасным богом хаоса мифическим воителем, мир, которым больше десяти тысяч лет пытались овладеть различные силы, используя насилие, скрытность или обман. Повсюду на нем зияют раны истории, откуда кровью сочатся рассказы, и небо по-прежнему временами плачет кровавыми дождем, словно в память о всех, кто погиб или встретил еще худшую участь, чтобы завладеть Торвендисом. Каждый камень, каждая снежинка и капелька крови -- это история, ждущая своего времени, и всякий вздох любого живого существа -- это легенда, которая однажды откроется.

Холод. Проклятый холод. Голгоф уже взбирался на эти пики, чтобы доказать, что он тужчина и может выстоять перед ледяными бурями, одиночеством и галлюцинациями, которые порой прилетали на ветрах, поднимающихся

перед метелью. Таков был образ
инициации, который должен был пройти
каждый истинный воин племени
Узуррудного Меча — и, хотя Голгоф
никогда и ни с кем бы этим не поделился,
тогда он едва смог выжить. Теперь, даже
под защитой толстой волчьей шкуры,
наброшенной поверх многослойного
кожаного одеяния с подкладкой, он
чувствовал себя так, будто смерть
пыталась вытащить из него кости. Хотя
Голгофу было немногим более двадцати
лет, он был крупным мужчиной, и мощные
мышцы, подобно канатам, оплетали его
руки. И все же ветер пронзал его насквозь,
до самой души. Несмотря на юность,
Голгоф с его буйной гривой волос, не
знавших ножниц, и безбородым лицом,
которое начало покрываться темным
налетом щетины, знал, что выглядит
как предводитель, и не мог позволить,
чтобы люди, которые шли за ним, увидели,
как горы отнимают его силы.

Небо над головой было ясное, усеянное
острыми холодными звездами и тазками
туманностей, которые, как говорят, суть

пятна от крови богов. Горы Канис, суровые и не прощающие ошибок, возвышались вокруг, словно огромные клинки из камня. Между ними зияли провалы, столь темные, что казались бездонными. Всю свою жизнь Голгоф прожил среди этих пиков, но никогда не заходил так далеко в глубину нагорья, и даже его впечатляло грандиозное величие опасных гор.

Высоко в небе горела Песнь Резни, яркая серебряная звезда, названная в честь легендарного скакуна Аргүлеона Века — добрый знак для быстрых путешествий и скрытных переходов. На миг Голгоф забыл про обжигающую горло стужу и увидел себя вождем, горделиво возвышающимся в толпе, где сыны Узүтрүдного Меча собирались для состязаний в силе, посреди стены щитов племени, собравшегося на войну.

Уже много лет народ Узүтрүдного Меча не выходил воевать как единое целое. Они были разрознены и рассеяны по всем горам Канис. Многие жили в изолированных поселениях, которые больше контактировали с соседними племенами,

чем со своими сородичами. Проклятый
вождь племени, Грик, правил целым
городом Меча, а с остальных взимал дань.

Старейшины провозглашали, что
племя существует так же долго, как горы
и моря, но если народ Узутрудного Меча
продолжит скрываться среди хребтов, в
то время как на западе правит легион
Харибдия, скоро он погразнет в застое и
погибнет. Чтобы спасти Узутрудный Меч
от угрозы забвения, нужен был кто-то,
обладающий настоящей мощью. Нужен был
кто-то вроде Голгофа.

Он бросил взгляд назад. Десять дней
назад он начал путь с пятьюдесятью
соплеменниками, вышел нешиш из своего
родного поселения у подножия горы и
двинулся на восток. Теперь осталось
тридцать пять воинов, следующих за ним
к вершине. Вокруг них развевались волчьи
шкуры, под щитами на спинах были
закреплены топоры и мечи.

Пятнадцать погибло. Не так уж
плохо для такой погоды. Узутрудный Меч
взирает крепких сынов, гордо подумал
Голгоф. Они могут стать куда большими.

Они могут снова возвеличиться.

Хам с трудом поднялся по острой, как клинок, скале к Голгофу.

--- Кирран сломал лодыжку, --- сказал он. --- Оставить его?

Хам был старше, чем Голгоф, настолько стар, насколько мог быть воин, проживший почти сорок зим. Его лицо, озаренное светом звезд, от возраста стало темным и морщинистым, а волосы и борода --- редкими и седыми. Голос был хриплый, ему не хватало воздуха.

Голгоф окинул взглядом разбитые скалы вокруг, подобно ножам вонзающиеся в небо. Как бы враждебны не были горы, лежащий впереди путь, что проходил от пика к пику, был самым безопасным способом их пересечь. Людям Голгофа следует постараться, если они не хотят упустить след своей добычи.

--- Устроил привал через час, --- ответил он, указывая на место под выступом скалы внизу, на противоположном склоне. --- Если он не сможет столько пройти, то не заслуживает того, чтоб выжить.

Хат кивнул и потахал остальных воинам Узлрудного Меча, чтобы они шли дальше. Самому молодому, Лонну, приходилось помогать на крутых подъемах. Если бы паренек не был одним из Затронутых, Голгоф бы его не взял, или, может быть, обогнал бы его и оставил замерзать, чтобы показать остальным, как он относится к слабости. Но глаза Лонна, непрозрачные, белые с красными разводами, словно кровь в молоке, могли пронизывать тьму и туман. Он был слишком полезен, чтобы его оставить.

Мальчишку подтянули к Голгофу. Он был на целую голову ниже, чем воин. Голгоф схватил его за затылок и рыкнул: — Что ты видишь?

Лонн опустился коленями на холодный камень и уставился вниз, на расколотые камни. Холодный и резкий свет Песни Резни выхватывал из темноты острые грани, но расселины и ущелья оставались густо-черными. В воздухе звенел тонкий свист, с которым ветер проходил сквозь узкие трещины.

Щетинистое лицо Хата опустилось

к самому уху Лонна.

--- Парень, если мы их потеряли, --- прорычал он, --- то к утру нас будет на одного меньше, зато все --- с полными желудками.

Лонн протолчал, продолжая рассматривать горный ландшафт.

--- Они прошли этим путем, --- сказал он наконец. --- Потеряли еще двух человек.

--- А повозки?

--- Они по-прежнему волокут все три. Колдуны Трика, должно быть, говорят с катняли.

Голгоф был впечатлен, хотя и не собирался говорить об этом. Трик был неподходящим вождем для племени, которое жило войной, но он мог быть умным. Одиноким караван, ведомый заклятьями, которые проплавлили сквозь камень прямой путь, отправлялся в дорогу каждую третью зиму и привозил все дары и дани прямо к шатру вождя. До Трика каждое племя посылало свою дань отдельно, и многое терялось, зачастую случайно. Теперь же колдуны Трика гарантировали, что караван пройдет свой долгий путь

меж поселений племени в полной безопасности и привезет обратно все, что причиталось вождю. Но это было лишь показное богатство. Какой толк от копий из драконьей кости или выкованных демонами скелетов из золота, если они наполняют сундуки вождя, чье плетя вытирает?

--- Подождите-ка, --- встревожился Лонн. --- Рядом кто-то есть... Незнакомый...

--- Где? --- Хам припал к земле, пытаясь увидеть во тьме чужака.

Вдруг под нити, на гальном склоне, вспыхнула крошечная точка света, и, когда Толгоф пристально взгляделся в нее, он понял, что там разжигают костер. Огонь угрожал у ног сжавшегося от холода человека, одетого в мантию с капюшоном. Хотя его едва можно было разглядеть, а воины находились в глубокой тени, незнакомец, похоже, увидел их, на мгновение встопорелся, а потом приветственно помахал рукой.

--- Ты слышал когда-нибудь об отшельнике, что бродит по этим горам?

спросил Голгоф.

--- Здесь? Нет. Здесь ничто не выживет без колдовства, кроме нас, --- ответил Хам.

--- Может, он из каравана?

--- Выглядит старым, --- заметил Лонн. Он видел черты лица незнакомца, которые больше никто не в силах был разобрать. --- Разве Грик послал бы старика охранять свою дань?

--- Вряд ли, --- сказал Голгоф и повернулся к своим людям, собравшимся позади. --- Варкит, Тарн, за мной. Остальные --- идите к выступу и разбейте лагерь.

Воины Изутрудного Меча начали пробираться к месту привала, а Голгоф направился туда, где отшельник сидел у костра и грел руки, не зная, что ночь, проведенная в горах Канис --- лишь еще один способ умереть.

Голгоф уже убивал стариков. У старух, и детей, и коней и боевых псов, и практически все, что вообще могло захотеться убить. Он прокрался к

воинству Кордара, еще когда был слишком мал, чтобы заработать первое убийство, и сражался вместе со старшими соплеменниками так же яростно, как любой трижды омытый кровью воин. Восемь лет спустя Голгоф убил Кордара в состязании, которое они оба предвидели с того самого дня, когда безбородый мальчик нарушил законы, чтобы отнять свои первые жизни, и завладел поселением Каменных Клинков.

Потом были набеги и стычки, и Голгоф потерял счет людям, которых убил в скучных и тесных драках. Дни Кордара минули. Леги Харибдуга покорили все земли к западу от гор Канис. Не осталось ничего, с чем племена могли бы сражаться, не было лидеров, которые бросали бы друг другу вызовы. Времена битв стали еще одной легендой, подобной миллиону других легенд, висящих в воздухе Торвендуса, как утренний туман.

Когда Трик упрет, и Голгоф возглавит народ Узлрудного Меча, времена битв вернется.

Да, он убил достаточно много

стариков. Он был готов убить еще одного.

Конкретно этот старик выглядел вблизи не таким уж старым. Да, кожу покрывали морщины, но глаза ярко сверкали, как будто над ним потрудились погода, а не возраст. Его волосы были темны, а руки по-прежнему сильны. Голгоф мог легко отличить воина, и именно воин был перед ним — нос и скула отшельника срослись после давнего перелома, толстые костяшки пальцев были покрыты шрамами. Когда Голгоф приблизился, он не встал и продолжал сидеть у своего костерка.

— Кто ты, незнакомец? — отрывисто окликнул Голгоф, шагая вверх по склону. Варкит и Тарн следовали рядом. Отшельник поднял взгляд и слабо улыбнулся.

— Странник, идущий через горы Канис, так же, как и вы.

— Старик, никто не путешествует здесь в одиночку.

Отшельник пошевелил костер у своих ног, хотя жара от него исходило немного.

— Я не один. Со мной Торвендис. Я

так хорошо читаю его пути, что он говорит со мной, как с другом.

Голгоф шагнул чуть ближе.

--- Ты вооружен?

--- Что вы видите, --- ответил отшельник, разведя руки в стороны, --- то у меня и есть.

Он не боялся, хотя Голгоф и его товарищи выглядели довольно угрожающей троицей. Варкут был ростом в девять голов, а кулаки его были размером с голову обычного человека. Тарн, с другой стороны, когда-то работал на вождя Трика, пока не был изгнан и присоединился к Голгофу --- он глумился врагов Трика в их собственных постелях и убивал без раздумий, так же легко, как большинство людей глумит.

--- Этой дорогой прошел караван, --- сказал Голгоф, все еще не зная, что думать о незнакомце. --- Три повозки, двенадцать человек, во главе --- колдун. Что ты о нем знаешь?

--- Одиннадцать человек, --- ответил отшельник. --- У гарпии.

Тарн бросил взгляд на Голгофа, и тот понял, что они оба думают об одном

и тот же. Гарнии — дикие демонические твари с перепончатыми крыльями, которые слетались к самым холодным пикам гор, и приручить их мог лишь по-настоящему сильный человек. Самых хитрых гарний можно было увидеть, лишь если они того хотели, поэтому даже Лонн проглядел бы их, если бы не знал, что ему нужно выслатривать. Быть может, Трик рассчитывал, что Голгоф будет охотиться на караван, и направил с ним Затронутого, что наделен истинным зрением?

— Ты был достаточно близко, чтобы все это увидеть, и они позволили тебе жить? В это сложно поверить, старик.

Отшельник поднялся. Он был выше, чем ожидал Голгоф, ростом с него самого.

— У возраста есть свои преимущества, юнец. Я знаю такие вещи, которые твой народ считает давно позабытыми. Возможно, среди них есть то, чему ты можешь научиться, прежде чем погубишь себя и своих соплеменников, бросившись на врага, с которым не в силах справиться.

Едва уловимый жест Голгофа удержал Варкита и не дал ему сорвать голову отшельника с плеч. Прошло много дней с тех пор, как кто-то разговаривал с Голгофом подобным образом, и еще больше с тех пор, как такой человек оставался безнаказанным. Но Голгоф знал, что сможет убить его в любой момент, своими ли руками или руками воинов, что стояли рядом. Люди, дожившие до старости в горах Канис, встречались довольно редко, а человек, которому безнаказанно удалось проследить за караваном с данью Трику, казался и вовсе невероятным.

Голгоф заинтересовался. Поэтому старик останется жив, по крайней мере, пока что.

Его внимание привлек огонек, вспыхнувший на краю зрения. Воины разбивали лагерь вдали и разводили свой собственный костер, и Голгоф должен был вскоре присоединиться к ним, если хотел хоть немного отдохнуть до рассвета. Они будут идти еще пять дней, прежде чем доберутся до Этеинового Горла, глубокого ущелья, через которое проходил

единственный путь, огибающий населенные
демонами низкие подножья и выходящий на
другую сторону гор Канис. Они должны
оставаться напряженными и
внимательными, и нельзя позволять, чтобы
какой-то старый бродяга отвлек их от
миссии.

--- Этот человек, --- сказал отшельник,
взглянув на Тарна и переведя взгляд на
Варкита, --- убийца и ничего больше. А
этот --- животное с человеческим лицом, и
ты, я вижу, неплохо его выдрессировал. Но
ты... ты способен учиться.

Отшельник поднял руку. На кончиках
пальцев плясало бледное, бело-голубое
свечение. На глазах у Голгофа платя
поднялось и обвилося вокруг себя же, словно
веревка, образовав символ в виде змеи,
свернувшейся восьмеркой и пожирающей
собственный хвост. Голгоф зачарованно
следил, как огонь осыпался множеством
крошечных серебряных искр, каждая из
которых летела в сложном танце и
оставляла в воздухе сияющие следы,
сплетающиеся в узор света.

--- У тебя тридцать пять людей,

Голгоф. На стороне Трика половина племени, колдуны и демоны. Если ты предстанешь перед ним так, как сейчас, то умрешь. Но есть то, чему я могу тебя научить, и если ты научишься, то можешь, пожалуй, и выжить.

Световой узор собрался и сгустился в образ варвара с топором в руке. Это, без сомнения, был Голгоф, шагающий по коленам в останках своих врагов, под дублеными шкурами шатра вождя. И тут изображение исчезло, растворилось в ночи, и остался лишь неожиданно посерьезневший лик отшельника.

Не отшельника. Колдун? Затронутого? Или кого-то еще?

— Меня зовут Крон, — сказал старик. — Когда придет рассвет, мы начнем.

Это было опасно, и Голгоф это знал. Впрочем, опасно было и тайком пробираться в битву, когда у него еще не выросла борода, и бросать вызов Кордару — но с тех пор он уже сто раз омылся кровью, и челюсть Кордара по-прежнему висела на его поясе. В Кроне было что-то, что Голгоф не мог просто выкинуть из головы.

В каждом его слове горел пламень убеждения. Казалось, что воин прожил всю свою жизнь, чтобы встретить человека, который говорил бы с ним без страха. В любом случае, сказал он себе, нужен проводник, который знает эти горы, и они уже потеряли достаточно людей, чтобы у костра нашлось место еще для одного.

Голгоф повел Тарна, Варкита и старика к лагерю воинов, представляя, как он бродит по тропам лакеев Трика, и чувствовал, что нашел новую цель: сделать иллюзию отшельника реальностью.

Ему так и не пришло в голову спросить старика, откуда тот узнал его имя.

К западу от гор Канис, за пологими подножьями гор и зубчатыми берегами Черноводной дельты, находилось сердце континента, опоясанное стеной из белого как кость камня, что произрастал из расколотой земли огромными пластинами и ребрами. На стене кишели солдаты, словно насекомые, объедающие скелет, и их

ряды щетинились пиками и копьями. За стеной начинался город, похожий на паутину. Чем дальше, тем плотнее он был застроен --- сначала отдельными колоннадами и площадями поднимавшимися из земли, затем массивными кусками крепостных стен, которые тянулись вверх, будто пытаясь подбросить свои камни в желтоватое небо Торвенгуса.

Мощные дорожки каменными лентами ныряли в серо-бурую землю и выползали обратно, уходя вглубь города, который становился все более тесным и высоким, как будто нечто в его сердце питало его. Похожие на грибы вздутые из полированного камня были окружены окнами, где виднелись извивающиеся узлы конечностей, которые лишь с натяжкой можно было назвать человеческими. Нагромождения хибар жалась к более крупным зданиям, как испуганные животные, расцветали и утирали, а их обитатели шатались туда и сюда, потекаясь в заполненные благовоениями катакомбы, то высылая наружу на великие

очищения, так что земля становилась
темной от их теней. Культы
удовольствий, словно стаи зверей, бродили
там, где здания становились еще выше и
шире, и искали новых ощущений на улицах,
которые сужались и вовсе исчезали под
давлением зданий, пульсирующих подобно
гигантским каменным органам.

Дальше к центру земля
проваливалась вниз, в огромные карьеры,
вырубленные под городом, среди которых
остались стоять лишь тонкие, как
веретено, каменные столбы. Здания
приковывали к ним цепями, чтобы не
улетели, ибо это было место, насыщенное
силой, что истекала из раненой земли
вниз и сочилась от разнужданных
чувственных ритуалов, которые во
множестве творились на мостах и
платформах наверху. Шаткие громады
фабрик, похожих на перевернутые
пирамиды, тряслись, изрыгая дымы
переработанных тел. По их стенам
стекали потоки эликсира, перегнанного из
целых толп жертв, и дождем
обрушивались на вопящих культистов.

Облаченные в шелк легионеры, чья броня металлически сверкала, будто панцири жуков, следили, чтобы главные перекрестки оставались свободны от толп искателей наслаждений, и поддерживали порядок на невероятно сложных церемониях при помощи шоковых глубинок, алебард и огнестрельного оружия.

Безумно скошенные наблюдательные башни тряслись, будто от хохота, и целили тонкими антеннами механических сенсоров в небеса, выискивая новые ощущения среди узоров, выписываемых многочисленными лунами Торвендуса. Над бездонными пропастями на веревках из человеческих волос висели храмы Слаанеша — шелковые навильоны, защищенные гигантскими вращающимися лезвиями из золота и серебра, с инкрустированными бриллиантами каркасами и двигателями, внутри которых сидели связанные демоны.

Плывущие облака благовоний окрашивали небо в фиолетово-черный цвет, среди них извивались кольчатые небесные черви и трепетали знамена в

честь Бога Наслаждений. В широком
кольце вокруг самого сердца города
поднимались покрытые шипами
баррикады, охраняемые костическими
десантниками-предателями из ордена
Насильников. Они были облачены в небесно-
голубые доспехи, из сочленений которых
капал фиолетово-серый ихор. За этими
преградами высилась Крепость Харибди.

Сам город не имел имени, и обычно
его именовали просто «Город» или
«Столица», или вообще не упоминали, ибо
он был просто загворками Крепости
Харибди. Шахты под городом снабжали
ее материалами, и сам город тоже был
шахтой, где добывали рабов, куртизанок и
субстанции, которые можно извлечь
только из живых существ. Крепость была
престолом власти Торвенгуса — власти,
подобную которой достигали немногие на
протяжении всей долгой и запутанной
истории планеты. Это был духовный,
военный, политический и физический
центр мира.

Крепость была выстроена из бледно-
серых окаменелых останков, аккуратно

извлеченных из скал Торвендуса и сложенных, будто головоломка, в массивные блоки с прямыми гранями. Отполированные ребра и сверкающие зубы поблескивали на ее поверхности. Углы укрепили переплетениями из костей пальцев. Целые косяки окаменевших торских чудовищ утрамбовали в плотные сваи — колонны, уходящие глубоко под землю. Крепость была в километровой высоте, и каждый камень, пошедший на ее постройку, некогда был чем-то живым.

Комната на самой вершине Крепости Харибди когда-то была глазом некоего невообразимого громадного существа, а теперь представляла собой остеклевший хрустальный купол, который блестел среди укреплений, будто алмаз в короне. Отсюда наблюдатель мог созерцать великолепную панораму города и видеть, как здания медленно колышутся, стецаются и меняются, как нечто живое. Так оно, во многом, и было.

В высшей точке Крепости Харибди был только один такой наблюдатель. Не

потому, что больше никому не было
позволено входить сюда, но потому, что на
Торвендусе была лишь одна душа, которая
могла достаточно долго пробыть в том
безумии, которое представляла собой
крепость, чтобы добраться до этой
комнаты. Этим наблюдателем была леги
Харибгия.

Леги Харибгия откинулась на
глубокий слой тканей и подушек, который
заполнял нижнюю половину сферы, и
почувствовала, как тот сошнулся вокруг
нее. Она взмахнула рукой, и прозрачная
поверхность над ней помутнела и
затерцала множеством цветов.
Правительница сфокусировала взгляд,
всматриваясь сквозь хрусталь. На миг она
позволила себе расслабиться и притупить
чувства, ощущая тепло комнаты, шелк,
прикасающийся к коже, и шепотки, что
поглаживали ее лицо, а до этого криками
летели через весь город

Она как будто погружилась из какого-
то вычурного божественного мира в
скучную реальность. Воздух был
неподвижен. Толстый бархат, окружающий

ее тело, сполз с кожи. Аромат всех совокупных эмоций города постепенно угас. Все затихло. Леги Харибдия могла одной лишь мыслью вернуть свои чувства в гиперреальность, но ей всегда нравилось приглушать их на несколько мгновений перед тем, как использовать комнату, чтобы ее не захлестнул поток ощущений, собранных со всей планеты.

Обычно она чувствовала себя так, словно была всего лишь чистым и незамутненным хранилищем переживаний. Но теперь она вдруг осознала свое тело, тот самый сосуд из плоти, который так долго ей служил и так сильно отошел от своей первоначальной формы. Слишком длинные, многосуставчатые пальцы напминали лапы паука. Лицо походило на фарфоровую маску с большими поблескивающими глазами и высокими скулами, лоб пересекал гребень затвердевшей кожи и поднимался вверх по уродливо вытянутому черепу, который в длину достигал целого метра. Таз расширялся и расходился в стороны от талии изогнутыми костяными

лепестками, а хребет был сильно удлинен за счет сочлен позвонков и извивался по собственной воле. Кожу украшали не грубые татуировки, но изящные спирали, нанесенные столь тонко, что их мог увидеть лишь тот, кто достаточно долго вглядывался в игру света и тени на теле леги Харибдгии. Впрочем, очень немногие отважились бы палиться на правительницу Торвенгуса подобным образом. Эта мысль была приятна.

Замутненный хрусталь поплыл, в нем проявились образы. Леги Харибдгия пожелала, чтобы они выстроились колоннами и рядами, и так они и сделали. Каждый из них показывал отдельный участок планеты, которую она считала своей собственностью. Мир существовал ради удовольствия Слаанеша, бога, которому она возносила все свои молитвы, но скалы и горы, плоть и кровь его обитателей принадлежали ей, и она могла лепить из них, как из глины, все, что ей было угодно. Так леги Харибдгия и поклонялась своему богу — через подобные деяния и собственную фантазию.

участвующую в них. Чтобы Торвендис был посвящен Слаанешу, она должна была полностью владеть им и контролировать его. Поочередно концентрируясь то на одном, то на другом образе, она разглядывала Торвендис. Корчащийся пласт из плоти пульсировал в одном из многочисленных зданий города, омытый сиянием похоти, и леги Харибдия ощутила легкую ностальгию по тем временам, когда она была юна и наивна и очертя голову бросалась в ритуальные оргии. В те годы она претерпела унижения, и триумфы, и вышла из них истинным элиссаром Князя Наслаждения, отдавшись чистым удовольствиям, дистиллированным из тел и душ ее подданных. Хотя она сама была эстеткой, все еще были бесчисленные миллионы нижестоящих, которые поклонялись Слаанешу незатысловатым образом, который только и могли понять их непросвещенные умы. Они-то и сплетались в пульсирующие узлы переплетенных конечностей.

Одна нить ее внимания прикоснулась

и пронизанным скверной землям на юге, где
магия напитывала землю, как кровь ---
бархат. Те, кто мог здесь выжить,
возделывали землю и торговали друг с
другом, чтобы поддержать свое
существование, но они давно уже
выродились и превратились в людей с
тупыми лицами и утом скота. Она
чувствовала невыносимую глупость,
кроющуюся за их глазами --- та ощущалась
как нечто плотное и губчатое, казалась
мокрой и липкой, а звучала как бульканье в
грязи.

В не знающих света глубинах
океанов, которые окружали крупнейший
континент Торвендуса, медленно плыли
косяки морских существ --- уродливых и
мутированных версий тех тварей, из
которых был построен фундамент
крепости. Постоянный страх перед
хищниками и жажда добычи придавали
соленой воде сладкий и резкий привкус.
Группа воинов-варваров вразброд плелась по
острым, как зубы, горам. Харибди не
было дела до подобных людей --- они порой
набегали на поселения, что вырастали у

внешних стен, но были подобны мхам, которых могли легко прихлоннуть ее легионы, если она вообще доходила до того, чтоб уделить им внимание. Воины выглядели мускулистыми и закаленными жизнью, проведенной среди суровых стихий, за спинами у них было оружие, а в глазах горело убийство. Харибдия тысячу раз видела, как такие люди вырастают, сражаются и умирают. Она двинулась дальше.

Бригады рабов трудились глубоко внизу, в тенях основания крепости. Они были набраны из нежеланных детей горожан и крепких пленников, захваченных в бою войсками Харибдии, и подавляющее большинство их жило и умирало в шахтах. Хотя они об этом и не знали, но благодаря их работе добывалась большая часть сырья, необходимого для того, чтоб легионы Харибдия продолжала вести роскошную жизнь эстета. Там, под землей, покоились бесчисленные слои мертвечины. История Торвендуса уходила так далеко в прошлое и была так насыщена конфликтами, что те, кто погиб в сражениях, лежали

толстыми пластами, как геологические
наслоения --- и из этих залежей
насильственной смерти рабы вырубали
окаменелую кость и заржавевшее от крови
оружие. Периодически они откапывали
нечто, что могло предоставить
совершенно новое переживание ---
представителя вида, который еще не был
задействован в строении крепости,
самородок живой ткани, наделенной
древним потенциалом, талисман, все еще
полный магии, из которого можно было
извлечь воспоминания о битве и
кровопролитии.

Бригады величиной в сто рабов
каждая истекали потом в адском жару, в
тених скальной породы, из которой
торчали скрюченные в предсмертных
судорогах каменные когти и все еще
острые обломки стали. Руки и ноги рабов
были обвиты тусклыми, но лица
выглядели изможденными. Они
принадлежали всем возможным расам ---
легионы неразличимых людей, огромные
орки, чудовищные огрины, даже немногочисленные
скованных кандалами монстров из

чужеродных флотов, что странствовали по холодному костосу меж галактик. Их понукали шоковыми булавами, чтобы они терзали камень своими когтями.

Большая часть рабов была захвачена в плен из тех народов Торвенгуса, которые некогда перешли дорогу леги Харибгии, других привезли налетчики со всего Мальстрима и отдали ей в качестве дани. Но никому из них не суждено было прожить и десятой части обычного срока жизни. Счастливы были те, кто от усталости или погибали под рухнувшими кусками кости. Тех, кто пытался убежать, преследовали и рубили на куски надсмотрщики. Ничто не могло пройти мимо этой стражи — с них сняли верхние слои кожи, так что каждое движение ветерка становилось для них вихрем, ножей, проносящихся по оголенным нервам, каждое движение отзывалось в их разумах болью, словно писком радара. Они пользовались шоковыми булавами, чтобы управлять стадами рабов, и имплантированными в руки и ноги виброклинками, чтобы быстро

приканчивать тех, кто решился на побег.

Несколько мгновений леги Харибдия наблюдала за тем, как огни рабы вырубают из скалы огромный кусок, а другие сортируют добычу, сыплющуюся с каменной поверхности. Они собирали фаланги пальцев, обломки металла, время от времени находили то украшенный драгоценностями наруч, то почти утративший форму шлем. Многие назвали бы это расточительством, подумала леги Харибдия, ведь в шахты вливалось столько ресурсов, что они, вероятно, составляли основную статью расходов ее империи. Но она знала, что это того стоит. Постоянное оттачивание ощущений являлось ее личной формой поклонения Слаанешу, и если ненужных и побежденных нельзя отправить на работы, прославляющие ее бога, то на что они тогда вообще годятся?

И, кроме того, все это источало прекрасный аромат. Ее чувства потянулись к шахтам и наполнились густым фиолетовым запахом отчаяния, от которого голове стало горячо. Это

было первое из ее открытий, которое произошло давным-давно, еще когда, казалось, сама галактика была молода. С тех пор Харибдия это никогда не нагоняло. Они знали, что умрут, так или иначе, и ощущали не только страх, но и полное отсутствие надежды. Запах безысходности и трагедии. Миллионы миллионов сломленных душ, кровь которых истекла в воздух и впитывалась в чувственные центры ее души.

Она позволила образам свободно меняться и расплываться, рассматривая их в поисках недостающих деталей. Торвендис крутился, его истории продолжались, и каждая концовка порождала множество новых рассказов. Все было так, как всегда.

Кроме... разве что одной вещи. В котле Торвендиса плавал крошечный сгусток неправильности. Прямо за горами Канис, в безжизненных болотных землях, сверкало нечто твердое, острое и холодное. Харибдия пристотрелась, образ в хрустале размылся и приблизился. Эта вещь не принадлежала Торвендису — она

была откүда-то извне, может быть, даже из-за пределов Варн-бүри Мальстрима.

Это был костический корабль. Формой он походил на слезу, с глиняным заостренным носом и округлым ребристым корпусом, усеянным оружийными портами. Но гревнелү гизайнү становилось ясно, что это челнок или перехватчик, который не вылетал в реальное пространство с самой Ересу Гора, минувшей десять тысяч лет тому назад.

На ее планетү прибыл гость, а леди Харибгия очень старалась вовремя узнавать о посетителях своего мира. И как правило, отдавать приказы на их уничтожение.

Она взмахнула рукой, и образы растворились, снова дав сиянию ночного неба омыть ее. Харибгия увидела в высоте Песнь Резни — любопытное знамение, предвещающее перемены и прогресс с прицелью угрозы. Возможно, этот гость — не просто редкий посетитель. В любом случае, экипаж корабля должен был владеть неким колдовством или технологией, что позволили совершить

необъявленный визит, и уже поэтому его стоило отыскать.

Надо будет посоветоваться с прорицателями. Леги Харибдгия охватила себя руками, сжав плечи углиненными пальцами, и погрузилась в толстые слои бархата. Она утонула в них и вышла наружу несколькими этажами ниже. Каждый уголок крепости, каждая деталь ее лотаной архитектуры была украшена в отличие от других стилей. Коридор, в котором она появилась, был покрыт вычурной готической лепниной, его потолок был высоким и сводчатым, а окна представляли собой витражи, раскрашенные кровью тысячи различных видов. Она много раз ходила здесь — с одной стороны коридора находилась огромная лестница, окаймленная статуями, в которых были заточены души невинных и пели невыносимо скорбную песнь о своей неволе. Но она направилась другим путем, ведущим в логово ее верховного прорицателя, Вай'Тара.

Это было не слишком важное дело. У леги Харибдгии было много врагов на

Сорвендисе, но ни у одного не было реальной возможности представлять собой угрозу. Когда БайТар выследит нарушителя, и с ним разберутся, она вернется в глубины Крепости Харибди и будет наслаждаться чистыми удовольствиями своего творения.

Прошло шесть дней, прежде чем они нагнали караван. К тому времени они потеряли еще двоих. Один пал жертвой усталости, заснул одним вечером и не проснулся, а Кирран, что было неизбежно, упал с обрыва. В тот момент Киррана никто не видел, кроме Тарна, и Голгоф подозревал, что тот убил парня, чтобы кровь на его руках не успела обсохнуть. Он не имел ничего против, пока у убийцы это не вошло в привычку.

Голгоф полз на животе среди камней, заранее повернув волчью шкуру под грудь, чтобы не порезаться об острые кремени. Ночь закончилась, день напал на небо, и молочно-белый утренний свет поднимался над скалами. Две луны все еще висели над горизонтом — большой белый диск Вдовы и

маленький, сине-зеленый Стервятник. Толгоф и его люди провели нелегкую ночь. Они шли по твердой земле, выискивали путь среди готовых обрушиться утесов и старались занять наилучшую позицию. Пока не настало утро. Теперь они ждали наг тем единственным местом, где Толгоф мог надеяться на успех своего плана — наг Змеиным Горлом.

Это было ущелье, через которое путешественники могли пройти из сердца гор Канис к предгорьям. Оно представляло собой огромный канал, пробитый в скалах, и старики говорили, что оно образовалось, когда Арзүлеон Век швырнул мировую змею, слугу Последнего, с самого высокого пика. Горло было выбоиной, которую оставило изломанное тело змеи, когда рухнуло сверху на камни. Толгоф не знал, сколько из историй Торвендуса следует верить, но из стеклянистых стен ущелья действительно торчали обломки гигантских, циклопических ребер.

Сердце Толгофа забилося сильнее, когда он увидел, что верно рассчитал время. Караван медленно тащился по

извилистому гну Элеиного Горла. Три повозки, которые волокли запряженные парами существа — тяжелые горбатые рептилии вдвое выше человека. Повозки были доверху набиты всевозможными ящиками и свертками, обмотанными сухожильными путами и прикрытыми шкурами. На каждой из них сидели двое погонщиков с шипастыми кнутами, которыми они часто хлестали выючных зверей, так как боль до тех не сразу доходила.

Охранники ехали верхом по бокам от повозок или шли рядом. Это были воины, отобранные из поселения самого Трика, которые прошли через горы, посетив все деревни варваров Узутрудного Меча, и теперь пустились во столь же опасную обратную дорогу. Они должны были быть самыми выносливыми и целеустремленными из всех. Голгоф узнал лица, которые только видел на поле боя — среди них был человек, чей лук из оленьего рога мог пронзить стрелой троих врагов сразу, и человек, чей двуручный боевой топор имел лезвие, вырубленное из

цельной пластины кремня.

Караван охраняло примерно шестьдесят воинов, каждый из которых был закален жизнью, проведенной в сражениях, и не прощающим слабости путешествием по горам. Но это было не самое худшее — на ведущей повозке сидел, скрестив ноги, голый по пояс человек. Черная кожа на его безволосом теле и голове была покрыта яркими белыми татуировками, абстрактными завитками и узорами, и когда тот призывал силу, они должны были проводить ее по телу. Колдун, вероятно, купленный Триком у какого-то из разрозненных пустынных племен юго-запада, натренированный и обученный еще до того, как его привезли в шатер вождя. Должно быть, он дорого стоил, и это значило, что он хорош в своем деле.

Крон был прав. Эта добыча слишком хорошо охранялась, чтоб ее могли захватить тридцать три воина-горца. Если бы они попытались завладеть данью, как планировал Голзоф, их бы всех поубивали. Возможно, они бы забрали с

собой немало воинов Трика, и, может быть, даже вынудили бы вождя запретить своим караванам проходить через Элеиное Горло. Это стоило бы ему многих сил и ресурсов. Но они бы погибли, а Трик бы остался жив, и этого Голгоф потерпеть не мог.

Но теперь у Голгофа было преимущество.

Крон был честен, по крайней мере, пока что. Он действительно многому научил Голгофа за последние несколько дней, пока они карабкались по скалам и отдыхали у костров. Что-то из этого было просто знанием, без которого Голгоф не опознал бы колдуна и уж точно не выяснил бы, что тот способен повелевать пламенем, как укротитель повелевает зверем. Но было и другое — слово там, жест здесь — то, что могло зацепиться за нить легенд Торвенгуса и взять из них достаточно силы, чтобы самому познать власть.

Голгоф помахал рукой. Он знал, что, хотя и не слышит Хата и Тарна, те уже крадутся на встречу с ним, а их воины

следуют прямо за ними. Их клинки и
топоры обнажены, как и у самого Голгофа,
державшего оружие перед собой, а щиты
сняты со спин и закреплены на запястьях
длинными шнурками из выделанных
сухожилий.

--- Готов? --- прошептал Хат ему в
ухо.

--- Пока нет, --- ответил Голгоф.

Караван проходил прямо под ними.
Нападение будет таким же, как любое
другое -- сначала они атакуют первую
повозку, потом последнюю, и наконец
центральную. Хат с горстью воинов
бросится на последнюю повозку, в то время
как Тарн возглавит атаку на среднюю, ее
охранники окажутся в ловушке, и резня
там будет самая жаркая.

Голгоф намеревался возглавить
воинов, которые возьмут на себя первую
повозку. Не потому, что он как
предводитель имел право пролить первую
кровь, но потому, что именно на ней
восседал колдун.

Под ними двигалась средняя повозка.
Воины слышали мычание вьючных зверей.

что тащили тяжелый груз по волнистому
катню.

--- Уже? --- спросил Хам.

--- Сейчас, --- Голгоф вскочил на ноги.

Стекловидные скалы Этеинового Горла
скользили под ногами, но Голгоф, сохраняя
равновесие, повел десяток воинов по
крутому склону к ведущей повозке.
Стражники были начеку и вытащили
оружие, когда Голгоф приблизился.

--- За Меч! --- заорал он и бросился на
ближайшего врага --- мужчину с лицом,
разделенным надвое одним широким
шрамом. Одноручные топоры противника
закрутились сияющей защитной
восьмеркой.

Голгоф выставил вперед щит, чтобы
дождь ударов обрушился на выгубленную
кожу. Он наклонил голову, нанес низкий
удар собственным двуглавым топором и
попал воину Грика в колено, почувствовав,
как дробятся кости. Раздался потрясенный
воплъ --- Голгофу не надо было выглядывать
из-за щита, чтобы понять, что его враг,
шатаясь, отступил назад, пытаясь
опереться на раненую ногу. Голгоф

толкнул его щитом и ударил шипованным
обухом топора. С хрустом проламываемых
ребер он пробил грудную клетку врага.

Вокруг зазвенели голоса. Лязг железа
о камень оповестил о бешеном затахе,
который дал промах, резкий выдох от боли
сказал о другом ударе, который нашел свою
цель. Голгоф быстро оглянулся и увидел,
что Лонну, Затронутому мальчишке,
удалось впервые пролить кровь, ибо он
сбросил с себя содрогающееся тело и вынул
свой короткий меч из его живота.

Другие воины мчались вниз по склону,
чтобы присоединиться к битве. Вращаясь
погиб, тот самый лук из оленьего рога
вознал в его глаз стрелу. Восемь других с
боевой яростью, написанной на лицах,
побежали на охранников. Еще одна стрела
вспорола воздух и едва не угодила в
массивное тело Варкита. Этот человек,
как Голгоф знал по личному опыту,
воспринимал подобные вещи весьма близко
к сердцу. Зная, что Варкит может
пристотреть за собой, Голгоф перепрыгнул
через тело своего стонущего врага, и
бросился вперед, к передней повозке и

Колгуну.

На пути стоял еще один стражник Трика, но Голгофа уже захлестнула жажда битвы, которую он впервые вкусил еще мальчишкой и которая с тех пор не покидала его. Он взмахнул щитом, как дубиной, и врезал им врагу в лицо, повернулся от внезапного удара мечом, которым ответил охранник, и глубоко вонзил топор в его плечо. Охранник умер еще до того, как упал, ибо лезвие прошло сквозь ключицу и вгрызлось в его позвоночник.

Голгоф ощутил прилив жара и понял, что это не просто кровь, хлынувшая в голову. Он бросился наземь, над ним на уровне головы пронеслась огненная плеть. Голгоф не видел, в кого она попала, но услышал вопль.

Колгун стоял, нет, левитировал в нескольких лагонах над ведущей повозкой и делал руками сложные жесты. Пальцы пылали и плевались огнем, создавая длинный язык пламени, который извивался подобно морской змее. Он снова хлестнул, и на этот раз Голгоф увидел, как один из его

воинов упал с туловищем, рассеченным нагвое белым пламенем. Огнем задело одну из рептилий, та взревела от боли, вздыбив огромное чешуйчатое тело и пошатнувшись повозку за собой.

Голгоф подскочил и начал карабкаться по шкурам, прикрывающим груз. Он чувствовал запах колгуна — пот, смешанный с пряностями, дымом и перлом, на который наслаивались странные алхимические составы, которыми тот умастил себя. Белые татуировки на черной коже, казалось, изменились, когда Голгоф запрыгнул на вершину повозки, как будто предупреждая хозяина об угрозе.

Пришла пора применить полученные знания на практике.

Порой, говорил Крон, у воина есть любимое оружие, или узор, который он всегда наносит на щит, или строки, которые он повторяет про себя накануне битвы — нечто, на чем он может сфокусироваться, за что может держаться в хаосе столкновения. Тот же принцип можно использовать на более глубоком уровне. Слово там, жест здесь,

мысленный образ, призванный в нужное время -- все это помогает установить связь между телом и разумом воина и вознести его к новым высотам.

Голгоф создал образ, как учил его Крон. Он представил медведя, зверя с длинными зубами и серой шкурой из тех, что бродили вокруг деревни Каменных Клинков, где он провел юность. Он представил, что медвежьи клыки растут у него во рту, а когти медведя -- это его топор. Произнеся несколько слов, которыми его научил Крон, Голгоф прыгнул на колдуню.

Внезапно он оказался повсюду одновременно. Он увидел Торвендис, желтый шар в окружении кипящих туманностей Мальстрима. Он увидел горы Канис, похожие на шрам, вздымающийся над землей. Он увидел, что их вершины и долины собираются в каменные узоры, узоры, которые сходятся в центральной точке, и понял, что это он стоял в центре, и что в тот момент весь Торвендис существовал лишь для того, чтобы взирать на его мощь. Торвендис

полнился историей, но в ту секунду история Голгофа была единственной, которую стоило услышать.

Колдун — ничто. Голгоф бросил свой топор и схватил его за горло, отбив в стороны руки, которые пытались призвать поток пламени. Он швырнул колдуна прочь и поразился тому, каким легким тот оказался. Враз врезался в стеклянистый камень Элеиного Горла, и тот раскололся вокруг него. Голгоф прыгнул с повозки, приземлился на одного из охранников и повалил его наземь. Он потянулся вниз и оторвал ему руку, а потом забыл про свою жертву, так как на него ринулись еще двое других.

Голгоф поймал клинок охранника одной рукой, а второй сломал челюсть другому. Он вырвал меч из хватки первого противника, вознал его рукоять в живот второго и успел врезать наверху в лицо третьему.

Невероятно, но до Голгофа донесся булькающий хрип колдуна — последний приказ умирающего чародея. Воин инстинктивно поднял взгляд к небесам.

Гарний. Три твари вполонину ниже
Голгофа, несущиеся к нему на огромных
кожистых крыльях, как у летучей мыши.
Сзади их освещал Стервятник, и Голгоф
мог разглядеть их мускулистые черно-
коричневые тела, покрытые полосами
густого лохматого меха, заостренные
собачьи морды, увеличенные грудины,
которые ходили ходунот в такт взмахам
крыльев, и желтые, покрытые запекшейся
грязью когти, торчащие на руках и ногах.

Крошечные желтые глаза гарний
были прикованы к Голгофу. Он видел
острые звериные зубы под вздернутыми
губами, чувствовал зловоние падали из
пастей. Он слышал хриплое дыхание в их
глотках. Мог ощутить вкус крови,
которая пятнала их мех.

Он должен был упасть на землю,
надеясь, что когти не вопьются в спину. Он
должен был лежать и молиться, чтобы
они схватили вместо него какого-нибудь
другого воина.

Но сейчас Голгоф был сильнее и
быстрее, чем позволено любому человеку.
Он должен был умереть здесь, среди крови.

бесплодных усилий и вечною холода. Но он никогда не вел себя так, как положено.

Он повернулся вбок, увернулся от растопыренных когтей первой гарпии, выбросил руку вверх и схватил ее за горло. Плечо хрустнуло, но Голгоф не обратил внимания на боль. Свободной рукой он вцепился в запястье гарпии и выкрутил его, чувствуя, как поддался хрящеватый локоть, подтащил чужовище за шею поближе и выставил его перед собой, на пути тех двоих, что следовали за ним.

Когти одной гарпии копытами вонзились в спину ее сородича. Другая заметила нелепость, мощно взмахнула крыльями, и завизжала, поняв, что перед ней куда более впечатляющий враг, чем обычные куски еды, которые бродили по горам.

Голгоф бросил первую гарпию на землю и наступил ей на горло. Вторая высвободила когти, повернулась к нему и затахнула лапой. Голгоф отбил ее в сторону, бросился на тварь плечом вперед, почувствовал, как она дернулась в сторону, и на ходу развернулся, оказавшись за спиной

чүдовища. Воин схватил ее за крыло и дернул, сломав пустотелую кость и разорвав кожаную перепонку. Затем он взялся за другое крыло, потянул в противоположные стороны, так что грудная клетка с треском разошлась в стороны, и злобно ухмыльнулся, услышав булькающий вой твари.

Она была еще жива, когда Голгоф бросил ее, но он знал, что это ненадолго. Третья гарпия держалась на почти уважительном расстоянии, мощно взмахивая крыльями высоко над Голгофом, и плевалась от ярости и разочарования.

--- Давай! --- крикнул он чүдовищу. Он знал, что то понимало лишь язык мертвого чародея, но ему было все равно. --- Как тебе такая добыча? Каков я на вкус?

Бүгто осознав, что ее гразнят, гарпия нырнула в пике, выставив вперед когтистые лапы. Голгоф пригнулся, прыгнул навстречу и расколол лодыжку твари ребром ладони. Та каркнула и рухнула, и тогда Голгоф бросился ей на спину. Он обрушил на гарпию весь свой вес, прижав ее к земле коленями. Встав на

поясницу твари, он снова и снова бил кулаком по звериному черепу, пока тот не поддался, и его рука стала скользкой от крови до самого локтя.

Он поднял дохлую тварь, чтобы выбросить ее в сторону, но вдруг ощутил тяжесть трупа в своих руках. Голгоф покачнулся, сырой холодный воздух обжег его горло. Энергия покинула его тело, и все, что он мог — это держаться, чтобы не упасть на колени. Он выронил труп и остотрелся, а в его голове всплывали ощущения жаркой крови на руках и хрупкой легкости ломаемых костей.

Вокруг лежали пять кошмарно изуродованных тел людей Трика, среди них и колдун. Три гарпии, искаженные твари, рожденные Хаосом, валялись на земле, словно птицы, растерзанные лисой. Неужели это сделал Голгоф? Да еще голыми руками? Он всегда был силен, но это были деяния демона, а не человека...

Что случилось? Чему научил его Крон?

Хат сделал свою работу. Его воины загнали охранников задней повозки в центр

каравана, где их окружили люди Тарна и те, кто выжил в атаке на переднюю повозку. Там началась настоящая бойня, где Тарн доказал, чего стоит. Он перерезал глотки тем, кого сдерживали другие воины. Там, где не было нужды в щите, он сражался кинжалом и топором, пригвозждая людей одним оружием и рассекая им головы другим.

В обычной ситуации Голгоф наблюдал бы за Тарном и восхищался бы его хладнокровным мастерством. Но он чувствовал, что вся его энергия ушла, истратилась в несколько мгновений резни. Теперь зловоние крови гарний вызывало у него головокружение. В плече пульсировала боль. И было еще что-то — чувство, которого он никогда раньше не ощущал.

Он был в ужасе. В ужасе от того, что сделал.

Последние полдюжины стражников Трика сгрудились рядом, прижавшись спинами друг к другу, и в отчаянии выставили перед собой щиты. На глазах Голгофа Баркит вырвал щит у

ближайшего охранника и отбросил в сторону, а Тарн рядом метнул кинжал ему в глаз. К ним присоединились другие воины, одни колотили по вражеским щитам, а другие били мимо защиты. Вскоре все они лежали на земле, изломанные и побитые, и Тарн приканчивал раненных ударами кинжала в горло.

Хат подошел к Голгофу, ступая по скользкому от крови камню.

— Хорошо убиваешь, Голгоф! — сухтылкой воскликнул он. — Колнатным собакам Трика не сравниться с настоящими мужчинами. А эти звери-гарпии! Никогда такого не видел! Чувствую, для Узутрудного Меча еще есть надежда, Голгоф!

Голгоф силой заставил себя перестать трястись и подавил приступ рвоты. Он уже давно понял, что никогда не должен демонстрировать слабость, пусть даже самому близкому товарищу — Хату.

— Да, это было доброе убийство. Мне надо поговорить с Кроном. Осмотрю повозки и глянь, без чего мы можем

обойтись.

Хат кивнул и пошел собирать уцелевших воинов, которые распевали грубые победные песни над трупами своих врагов. Голгоф с трудом поднялся на ноги и начал взбираться обратно по гладким камням. Кровь гарний постепенно засыхала большими сгустками и стягивала его кожу. Ему ни за что не удастся изгнать зловоние из своей одежды, придется сжечь ее всю, как только они найдут в повозках подходящую замену.

Но где же Крон? Старик как будто растворился в воздухе, пока за ним никто не смотрел. Это была одна из многих вселяющих тревогу привычек, которые Голгоф начал замечать лишь недавно, когда ему стало ясно, что Крон обладает силой.

С края Змеиного Горла Голгоф мог далеко озирать горы Канис. Вдали едва виднелись покатые подножия гор, окрашенные в серебрено-белый цвет сиянием двух лун. Где-то между ними и похожими на клыки горами располагалось поселение Трика, кочевой город юрт.

который двигался по течению, порожденным политикой племен, и в его центре возвышался шатер вождя.

Однажды Голгоф войдет в этот шатер и бросит вызов слабому Трику, чтобы решить судьбу Узутрудного Меча. И сегодня, когда Голгоф завладел караваном гани, этот день вдруг стал очень близок.

Он глотнул холодный, чистый воздух, пытаясь унять тошноту, которая все еще поднималась к горлу.

--- В первый раз хуже всего, --- сказал позади ясный, понимающий голос. Голгоф повернулся и увидел, как и ожидал, силуэт молодого в плащ Крона, окруженный бледным диском Вдовы. --- Ты молод, Голгоф. Ты думаешь, что тебе надо немногому учиться, но на самом деле ты много что знаешь. Сейчас ты испытываешь страх из-за того, что ты оказался чем-то новым и не понимал этого, что ты можешь совершать то, что мыслил невозможным. Ты никогда не знал, что можешь быть настолько свиреп, неправда ли?

--- Что ты со мной сделал? --- выдохнул

Голгоф, с трудом пытаясь устоять на ногах.

— Ничего, Голгоф. Ты все сделал сам. Это не простое колдовство, призывающее нечто из ничего. Я просто научил тебя, как дотянуться до того, что уже находится внутри тебя. Таких, как ты, Голгоф, немного, и еще меньше вообще когда-либо догадываются, что они такое. В тебе кроются неиссякаемые запасы ярости и ненависти. Теперь ты зол и устал. Но будет следующий раз. Как еще ты можешь надеяться победить Трика?

Крон был прав. Если Голгоф научится контролировать себя и свою силу, Трик падет к его ногам, и Узлрудный Меч сможет пойти путем, который Голгоф прорубит сквозь тела своих врагов. Но возможно ли вообще контролировать себя, если сейчас Голгоф порвал на куски пять человек и трех чужовиц и жаждал убить еще больше?

— У тебя есть потенциал, Голгоф. Но в настоящий момент это только потенциал, и не больше. Тебе хватило амбиций, чтобы повести горстку воинов

через эти горы на безнадежную миссию, и я
могу помочь тебе сделать эти амбиции
явью. Но ты должен следовать за мной и
учиться тому, что я тебе поведаю. Ты
видел, что можно сделать с моей
помощью. Не боишься ли ты узнать
больше?

Внизу, в залитом кровью Змеином
Торле, люди Голгофа раздевали мертвецов
и забирали железные медальоны,
обозначающие служение Трику. Хат,
опытный ветеран, осматривал изломанное
тело колдуня -- поговаривали, что чарогеи
вшивают себе в кожу живых существ,
которые в случае гибели хозяев
прогрызают путь наружу и оповещают их
нанимателей. Тарн и группа воинов
раскладывала обнаженные тела
аккуратными рядами, словно приглашая
гарний-пагальщиц, которые вскоре должны
были прилететь на запах крови. С повозок
сняли покрытие, воины рылись в гани,
чтобы выбрать причитающиеся им
личные трофеи.

Они быстро прятали все мелкое и
ценное в мешочках на поясах и складках

волчьих шкур — драгоценности, которые были затерзаны слезами дев, ожерелья из перекрученных золотых змей, которых живыми добывали из богатых минералами гор на севере. Некоторые воины брали оружие или щиты, надевали на себя отдельные элементы доспехов, прежде чем натянуть покрытия из шкур обратно.

Каждый из них старался удостовериться, что ему досталась одна особая ценность — маленький железный круг, пересеченный четырьмя линиями, символ, который носили на себе все воины Трика. С ними они смогут выдать себя за охранников каравана, по крайней мере, до тех пор, пока его не выйдет встретить сам Трик или кто-то из старейшин. Тогда уже будет слишком поздно.

Вскоре Хат успокоит ревущих выючных зверей и воины поведут угнанный караван к лагерю Трика. Голгофа поразила мысль, что ему и его людям удалось успешно завершить самую опасную часть плана, если не считать столкновения с Триком. Возможно, он заплатит большую цену за силу, которой наделил его Крон, но

если ее будет достаточно для достижения победы, как здесь, то Голгоф был согласен заплатить многое.

От этой мысли он почувствовал себя гораздо лучше. Из рта исчез привкус желчи. Он размял плечо и почувствовал боль из тех, что беспокоят несколько дней, но потом проходят. Мимо прошел Крон, направляясь к каравану, и Голгоф присоединился к нему, уже готовый учиться новому.

Две луны потеркли в светлеющем утреннем небе. Песнь Резни, маленькая, но яркая, все еще сияла над горизонтом.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Хотя легенды об Арзүлеоне Векне занимают многие тома, его величайший враг -- Последний -- еще загадочнее. Некоторые говорят, что некогда было много ему подобных, и что все, кроме одного, были поглощены Хаосом, когда тот впервые просочился в реальное пространство через Мальстрим, и так Последний оказался единственным выжившим представителем своей расы, жаждущим мести. Другие рассказывают, что он сам был созданием Хаоса, демоном, который отказался взвалить на себя ярмо служения богу, существом, которое в безумии своем возжелало завладеть символическим миром Торвендис. Ученые, и лжецы провозглашают многие иные версии: что Последний пришел из иного времени, что он -- огромное чужеродное существо, которое застряло в Мальстриме, как муха в древесной смоле, или разбитая боевая машина из безумных времен Темной Эры Технологии.

Но все эти рассказы подобны маслу на глади озера. Как будто Торвендис каким-то образом стыдится историй о Последнем, они поблескивают на поверхности легенд этой планеты и исчезают в неизвестности, в то время как другие рассказы остаются глубоко в сознании мира.

И все же Последний долго и тяжело сражался с Аргүлеоном Веком, великолепным чемпионом Хаоса, и все согласны с тем, что исход поединка был далек от известного. Последний должен был быть воистину ужасен, чтобы бросить вызов Веку, возможно, умелым чародеем, или существом из чистой энергии, или же в нем крылась некая иная сила, природу которой никто не мог угадать. Но самое распространенное впечатление о нем --- невероятный размер.

Горы Канис --- для многих достаточный аргүмент. Когда противостояние свелось к уловкам и ухищрениям, Последний много лет пролежал в засаде, натереваясь взять Аргүлеона Века врасплох. Когда Век

ослабил осторожность — ошибка то была или приманка? — Последний восстал из-под земли и едва не поглотил его. Следы, оставленные громадной массой Последнего, остались на земле в виде высоких острых пиков, именуемых горами Канис.

Горы были первым, что капитан Атакир из Несущих Слово узрел в окуляры «Мультус Сангвис», сфокусировав их на поверхности Торвенгуса. Они походили на выпуклость старой шрамовой ткани на ране, которая много раз заживала и вновь открывалась — уродливые, искривленные волны камня, бегущие вдоль континента, который доминировал над ликом планеты. Атакир отвернулся от обзорного устройства под жужжание многомиллиардного силового гонимого и спустился с рудового возвышения на плато «Мультуса». Корабль был так же стар, как сам легион Несущих Слово, и так же, как легион, он непреклонно преодолевал все, что на него обрушивалась галактика. Миссия Атакира была очень важна, поэтому он выбрал именно

«Мультус». Тот был быстрым и крепким, и в нем жил необычно активный (хотя и нестабильный) машинный дух, который мог пристроить за собой, если его оставляли без надзора. Корабль выглядел, как массивное скопище темных церковных шпиль, усеянных оружейными портами и горгульями, которое гневно тчало сквозь кусты на двигателях, тускло горящих красным светом. Вдобавок ко всему, это был крупнейший корабль из флота Несущих Слово, который мог приземляться на планеты.

Внутренняя часть «Мультус Сангвис» была настолько переключена, что только малая его часть была обитаема, все остальное было открыто чистому вакууму или заполнено деформированным металлом. Только мостик, технические палубы и жилища Несущих Слово были безопасны. Поэтому «Мультус Сангвис» было практически невозможно взять на борт, и его могли обслуживать даже самые малые экипажи, как сейчас.

Атакир сделал жест бледнокожим лакеям, которые сжимались от страха в

его присутствии, и один из них сдвинул переключатель, создав проекцию Торвендуса высоко над амфитеатром мостика. Черное, потемневшее от времени железо вокруг окрасилось в серый от света голограммы. Атакир уставился на бледный, покрытый шрамами мир, пытаясь извлечь информацию из его внешнего вида: рваная рана гор, землистые просторы гнилых моней, разноцветный город леги Харибди, похожий на украшенную самоцветами сеть, брошенную в центре континента. Разрозненное множество островов в западных океанах, изжеванный полуостров на юге, где тропические леса теснились меж бездонных провалов -- где же многоликие боги Хаоса оставили свой знак? Торвендус был миром, имеющий огромное символическое значение, ибо существовал в самом сердце Мальстрима, где другие миры разлагались и гребились, и сохранялся благодаря тому, что сотни различных течений варпа тянули его в разные стороны и нивелировали друг друга. Каждое божество, полное почитаемой

злости, взирало на эту планету, чтобы предвидеть, кому из них удастся завладеть ею по прошествии столетий.

Торвендис был измученным миром, как видел Атакир. Зрением, отточенным десяти тысячами лет созерцания, он созерцал раны по поверхности планеты и потоки насилия, что проносились по ней в прошлом. Все это делало еще более удивительным тот факт, что легион Харибдия, в заблуждении своем ставшая Слаанеша превыше других богов Хаоса, смогла так долго держаться у власти.

Но Атакир, капитан из ордена Несущих Слово, прилетел не за легионом Харибдией. Он подготовился и узнал достаточно, чтобы предвидеть ее реакцию на прибытие Несущих Слово, но это было все, что его в ней интересовало. Он прилетел за тем, кого его орден именовал Карнулоном.

Атакир повернулся, услышав, как открываются бронированные двери мостика. Лакеи, которые стояли кругом, сгорбившись, на краю мостика, сжались от звука и опустили глаза — если они у них

еще были — к клепаному полу.

Брат Пракоргуан шагнул внутрь сквозь дыт, поднимающийся со зловонных нижних палуб. На нем были силовые доспехи цвета засохшей крови, такие же, как у Атакира, с той же эмблемой в виде демонского оскала на наплечнике. Но в то время как руки и ноги Атакира были усыяны знаками различных кампаний и наградами тысячелетних войн, керамитовую броню Пракоргуана покрывала гравировка из бессвязных слов. Пракоргуан был говорящим-с-мертвыми, он слышал эхо слов усопших в том напотинающем транс состоянии, в которое впадали костические десантники вместо сна. Когда он пробуждался от этого не-сна, на его доспехах была выгравирована еще одна фраза, новые слова, которые оказались достаточно сильны, чтобы пережить смерть и достичь оскверненного разума Пракоргуана. Где-то внутри этой бледной, безволосой головы с туго натянутой кожей металась миллионы слов, утешающих костического десантника обратить на них

внимание, дать мертвецам последний шанс оставить свой след на вселенной. Дар Пракордуана -- и это был дар, ибо благодаря ему он приносил пользу Несущим Слово и, следовательно, Хаосу -- означало, что даже тех, кто лишился жизни, все еще можно спросить.

-- Слава! -- воскликнул Пракордуан, задохнувшись от восхищения при одном лишь взгляде на изуродованный диск Торвендуса. -- Какой мир! Сколько смерти!

Некоторых он мог бы насмешить тем, что каким-то образом сохранил способность удивляться. Она сосуществовала с фанатизмом, который пятнал каждого Несущего Слово, как будто его преданность Хаосу была скорее злостью ребенка, нежели циничной ненавистью древнего воина. Но немого могло насмешить Амакира теперь, когда он с самых дней Ереси стремился искоренить все благочестие в галактике.

-- Остерегайся оглохнуть, брат Пракордуан. Здесь было больше битв, чем может похвастаться весь остальной Мальстрим, вместе взятый. Ты впервые

смотришь на врага, брат, и это ---
воистину враг. Карнүлон будет
использовать сам мир в качестве
союзника. Он повернет его силу против нас.
Знай своего врага, не позволяй его красоте
отвлечь тебя. Если ты сможешь
выполнить здесь свой священный долг, то
голоса мертвых, возможно, станут чуть-
чуть громче, прежде чем ты улети.

Их долг был действительно священен.
Карнүлон был одним из них, Несущим
Слово, он изрядно прославился своей
безжалостностью пред ликом войны, и
Атакир видел, что может случиться,
когда один из их числа утрачивает
дисциплину. Хотя легион зачастую был
разрознен и сражался на паре десятков
миров одновременно, следуя планам своих
военачальников или самого примарха
Лоргара, он по-прежнему сохранял
целостность. Они все еще обладали
дисциплиной. Они все еще сохраняли
вертикаль командования. Столь многие
утратили это в годы после Ереси ---
некоторые легионы стали просто
бродячими бандами мясников, другие ---

безумными хищниками, которые наносили случайные удары из варна. Несущие Слово были единой боевой силой, и просветленный Лорзар мог использовать их как точное и сокрушительное оружие. Таких, как Карнүлон, необходимо было уничтожать, чтобы защитить легион. Если предоставить отступников самим себе, то легион в конце концов станет ничем не лучше, чем пиратствующие Астральные Когти или сумасшедшие Грозовые Бароны.

Атакир знал Карнүлона. Карнүлон сражался во времена Ересы и пережил десять тысяч лет войны во имя Хаоса. Атакир помнил его двойные молниевые когти, описывающие сияющие полумесяцы, дуги энергии, отлетающие от его темного алого силового доспеха, суровый лик, который никогда не старел и покрывался морщинами не возраста, но опыта. Он помнил, как Карнүлона отвели на суд самого Лорзара, где он, возможно, даже говорил с этим отшельником-великаном, еще до того, как распространились слухи о его познаниях в колдовстве и быстром

овладении мастерством варна.

Теперь Карнүлон исчез и унес с собой слишком много секретов истинного лица Хаоса. Атакиру дали задание отыскать его, а также даровали право судить своего брата, десантника Хаоса, что позволяло Атакиру казнить Карнүлона, как только он выяснит, почему отступник решил покинуть легион.

Атакир был капитаном в своем легионе. Сто Несущих Слово сражались и умирали по его слову, сто лучших воинов варна. Его освободили от командования ротой, пока он не выполнит задание, найдет Карнүлона и принесет те останки, которые сочтет нужными. Атакир знал, насколько он важен, ибо он был свидетелем тысяч сражений. Легион считал, что эта миссия столь же важна, и Атакир был полон решимости исполнить ее. И он исполнит приказ, ибо шести Несущих Слово, которые шли с ним, было достаточно, чтобы свершить что угодно.

— А ты уверен, что он здесь? — спросил Пракордиан.

— Нет, не уверен, — твердо возразил

Атакир. — Мы знаем, что его корабль
летел в этом направлении. Мы знаем,
что это единственное убежище на много
световых лет вокруг. Но мы не будем
считать, что нашли его, пока он не
предстанет перед нами.

— Но если мы отыскиали его, почему он
вообще прибыл сюда? Столько глаз
наблюдает за этим миром, что это не
место для беглеца.

— Это мы узнаем, когда найдем его, —
Атакир нетерпеливо взмахнул рукой,
подавая знак оборванным, покрытым
шрамами лакеям, которые жались по
краям амфитеатра. — Начать навигацию!
— прокричал он, и горстка слуг помчалась
к древним консолям из черного железа, где
терцали мониторы в оправках в виде
настоек демонов, а в сигнальных огнях
читались темные раздутья «Мультис
Сангвис». Тонкие пальцы с грязными
ногтями защелкали по клавишам, сложная
сеть светящихся линий рассекла образ
Торвендуса. Там и сям замелькали
призрачные уравнения и оккультные
диаграммы, говоря о растущей

непредсказуемости корабля — «Мультус» был стар, и непрошеные мысли посещали его машинный дух. Впадая в слабоумие, он становился более человеческим.

Светящиеся зеленые линии отмечали многочисленные траектории, которыми мог лететь «Мультус». На поверхности изображения проявились оранжевые пятна — участки, достаточно просторные для того, чтобы посадить корабль. Были места у подножия горного хребта, но Амакир знал, что с огромных стен, окружающих город леги Харибди, можно будет легко увидеть корабль. Большая часть болот могла проглотить огромный и тяжелый корабль, а если они приземлятся на какой-нибудь остров, то придется каким-то образом преодолеть враждебные воды, прежде чем начать поиск.

— Сюда, — Амакир указал на участок на крайнем севере континента, где горы встречались с морем. Эти каменистые земли негостеприимны, но ровны и надежны. Амакир широкими шагами подошел к одному из лакеев и поднял его —

или ее, Атакир уже не мог отличить
мужчин от женщин, настолько они были
изуродованы и истощены -- на ноги.
Десантник Хаоса был примерно втрое
выше этого жалкого существа.

-- Здесь мы приземлимся. Сообщите
машинному духу.

Он выпустил лакея, и тот помчался
по служебному туннелю к обиталищу
машинного духа «Мультуса»,
расположенному глубоко в сердце носовой
части корабля. Дух нуждался в пище,
поэтому раб, потило координат,
предоставит ему теплую кровь, которой
тот жаждал.

Неудивительно, что Пракордиан
первым после Атакира вышел из стазисной
медитации, в которую Несущие Слово
впадали во время путешествия через варп.
Юнец (Атакир мог воспринимать
Пракордиана только как юнца, хотя тому
уже было много веков) был полон
предвкушения раскрытых секретов и
кровопролития. Другие Несущие Слово из
ковена должны сейчас просыпаться, и
Атакиру надо будет прочитать и

проповедь. Наго убедиться, что они понимают важность задачи и ужасные последствия, которые ожидают весь легион, если Карнүлону, нарушившему свои обеты, удастся сбежать, как не удавалось доселе ни одному Несущему Слово.

Нужно также произвести оружейные ритуалы для Врокса, который не мог сам читать литании после того, как вирус облитератора превратил его рот в амбразуру. Наго проследить за посадкой и утиротворить машинный дух «Мультуса» новой кровью. Столько всего наго сделать еще до того, как они выйдут на планету, и Атакир доверял все это лишь самому себе.

Он вышел с мостика в клубы пара, поднимающиеся с нижних палуб и наполненные благовониями, потом и запахом разложения. С каждым шагом он восхвалял пантеон Хаоса. С каждой выполненной задачей он чуть ближе подводил галактику к объединению под властью тьмы.

Леги Харибдия плавно дрейфовала вниз по шахте, уходящей далеко вглубь

грозоты фундамента, и вздохи призраков, заточенных в стенах, замедляли ее нисхождение. Очень немногие знали, что спускаться так глубоко вообще возможно, ибо блоки основания крепости казались столь же цельными, как все части планеты. Но этот блок был, словно бриллиант с изъянами, пронизан сетью узких каналов и галерей с низкими потолками, которые вились среди массивных камней, уходя вниз, на уровень наиболее древних мест сражений. Древний воздух был пронизан превратившимися в прах костями павших в бою, а в шершавых камнях виднелись закручивающиеся и переплетающиеся куски скелетов.

Леди Харибди нравилось, что только ей было известно об этих местах, и что только она могла путешествовать между ними и остальной частью крепости. Большая часть придворных, обитавших здесь, понятия не имели, что за пределами тесных туннелей и теплых от крови гrotто существует иной мир.

Она приблизилась к перекрестку, откуда вел глинный, освещенный

факелами прохог. Она выдохнула приказ, и
стенающие духи выпустили ее, позволив
измятому измененному телу в белых
шелках опуститься на пол. Воздух здесь
был теплый и угудливый, и она
почувствовала, как легкие открываются в
ответ — это был рефлекс выживания,
пережиток прежней жизни, когда она
сражалась и убивала, как любой другой
чемпион Хаоса.

Стены были усеяны черепами,
прибитыми к камню золотыми шипами.
Обычно леги Харибдия считала подобные
украшения слишком прямолинейными, но
эти черепа были особенными. Их вырубали
из земли в самой глубокой шахте, которую
когда-либо выкапывали ее миньоны,
настолько глубокой, что жар там убивал
простых смертных, и пришлось призывать
драгоценных демонов, чтобы завершить
работу. Но это того стоило, ибо они
нашли не человеческие черепа.

Они принадлежали эльдарам. В некие
невероятно отдаленные времена по
Торвендису бродили эльдары. Это была
странная раса, одержимая желанием

добывать секреты вселенной, а потом
охранять их, как жадный ребенок охраняет
свои игрушки. Но потом жажда знаний
практически полностью уничтожила их
цивилизацию, когда декаданс эльдаров
привлек внимание Слаанеша. Некоторые
говорили, что эльдары своими действиями
создали этого бога, но это была ересь ---
Слаанеш так же стар, как похоть, а
похоть старше, чем что бы то ни было.

Леди Харибдия не знала, зачем
эльдары посещали Торвендис многие
тысячелетия назад. Может быть, их
случайно выкинуло на этот мир, ведь
космические корабли могли легко
заблудиться в Мальстриме. С другой
стороны, попытка изучить секреты
Торвендиса вполне соответствовала бы
отчаянно любознательному поведению
эльдаров, так что они могли прибыть
сюда намеренно. Как бы там ни было, леди
Харибдия была единственным существом
на всей планете, которое знало, что
чужаки некогда были здесь, и это знание ---
как и много иных вещей --- доставляло ей
удовольствие.

Она восхищалась очертаниями черепов, проходя мимо них. Они выглядели человеческими только на расстоянии, вблизи становилось видно, что они отличаются по всем параметрам — широкие глаза, формой напминающие слезы, небольшие челюсти и зубы, элегантные скулы, сужающиеся черепные коробки. Леги Харибгия могла с легкостью представить, как Слаанеш возжелал завладеть столь изящным видом и превратить его утонченность в оружие поклонения. Они были прекрасны, почти так же прекрасны, как она, и последние чувства этих существ, когда они утирали, должны были доставить Слаанешу большое удовольствие, когда его прибытие уничтожило их планеты.

Впереди находился большой круглый зал, где похожие на ребра опоры поддерживали куполообразный потолок из нестрого красно-черного камня. Это была одна из самых крупных полостей внутри фундамента, для глядящего с порога она выглядела, словно огромный живой организм, темный и горячий, и через подошвы ног

можно было почувствовать, как гудит в ней жизнь.

В центре помещения, где пол опускался в круглое углубление, стоял на коленях один из легионеров легиона Харибдии. Ростом он был значительно выше двух метров, а кожа была столь плотно испещрена татуировками, что невозможно было сказать, каков ее первоначальный цвет. Торс был обнажен, а у защищенных доспехами ног свисали длинные шелковистые знамена, расшитые символами Бога Наслаждения. Нитями служили волосы, срезанные с голов выдающихся противников, побежденных легионером. В одной руке он держал копье с наконечником в виде двойного клинка, созданного пронзать и потрошить. Другую он прижал ладонью к полу, чтобы почувствовать движения и осязать малейшие признаки того, что нечто внизу начнет шевелиться.

Легион Харибдии приблизилась к коленопреклоненной фигуре в центре зала.

--- Встань, центурион, --- сказала она. О ранге ей сказали особые символы.

нанесенные на его шелка и кожу, но имени
она не знала. Для нее все они были
безымянными. Они были всего лишь
инструментами, необходимыми для того,
чтобы сохранять положение и
наслаждаться, отправляя культ.

Легионер встал, не отводя взгляда от
пола. Смотреть на леги Харибдию без
подобающей причины гавно стало
преступлением, и правительнице города
даже не пришлось объявлять
соответствующий указ.

--- Проснулся ли наш гость?

--- Нет, моя госпожа.

--- Значит, наше гостеприимство ему
не по нраву. Не стоит ли нам пробудить
его и узнать, что ему нужно?

--- Как пожелает моя госпожа.

--- Так и желает.

Легионер поднялся и вышел из
углубления. Он снял с пояса нож и молча
сделал глиняный глубокий порез сбоку
живота. Убрав клинок в ножны, он вытянул
из раны свиток пергамента, скользкий от
крови, и развернул его. По-прежнему не
глядя на леги Харибдию, воин протянул ей

пергамент.

На свитке был написан ритуальный шифр, который чародеи леги Харибдия создавали и переписывали заново после каждого визита к гостю. Нужно было тщательно оберегать методы, с помощью которых его можно было пробудить, поэтому шифр должен был меняться каждый раз. Если бы кто-нибудь ворвался внутрь и победил легионера, с его смертью погиб бы и пергамент, так как пищеварительные кислоты проникли бы сквозь заранее подготовленные внутренности и растворили свиток.

Леги Харибдия произнесла священные слоги голосом, едва поднимающимся выше шепота, чтобы сила этих слов не проникла в фундамент и не загрязнила чистоту крепости. Когда она закончила, под ногами послышался скрежет, камни задвигались, и оба они отступили назад. Дно углубления начало подниматься, достигло уровня пола и продолжило подъем, став вершиной каменного столба. Полированная окружность столба продемонстрировала разрез скалы, полный

призрачных очертаний латых и
растянутых грудных клеток и
деформированных черепов.

Часть столба была полой и
образовывала альков высотой в
человеческий рост, к стене которого был
кто-то прикован. Цепи состояли из
выделанных и сшитых в цепляющиеся груды
к груды кольца языков, которые некогда
произнесли слова, пленившие обитателя
камеры.

Это был демон.

Леди Харибдия часто имела
возможность лицезреть воплощения
демонов. Слуги Слаанеша, созданные из
частиц его великоления и наделенные
сознанием, с диким энтузиазмом искали
наслаждений, и из них получались
несравненные стражи и солдаты. Но этот
демон не походил на них. Князь
Наслаждения никогда не взирал на это
существо с похотью или восхищением. Оно
было совершенно противоположным леди
Харибдии и всему, во что она верила, ибо
ненавидело всю жизнь и все удовольствия и
скорее бы залило всю галактику кровью.

нежели возмечтало бы об одном мгновении декадентства.

Оно в определенной степени походило на человека. Пальцев было слишком мало, кривобокое и сгорбленное тело бугрилось звериными мышцами. В темно-серую плоть демона были вбиты какие-то угловатые механизмы, ни один из которых не выглядел функциональным, но все же они вибрировали и пульсировали в тех местах, где потемневший металл соприкасался с кровоточащей кожей.

Его лицо выглядело гротескным, не так, как слегка гипнотизирующие измененные черты самой леди Харибдия, но скорее как морда животного. Глаз было слишком много. Рот представлял собой узел из мышц, прикрывающих толстые желтые клыки. Носа не было, из лба, висков и подбородка торчали рога. На широкой мускулистой груди виднелось глубокое выжженное клеймо — грубый, похожий на череп символ Кровавого Бога, запечатленный на сочащейся влагой коже.

Леди Харибдия не позволяла произносить имя Кровавого Бога на своей

планете. В то время как Слаанеш ценил жизнь и многочисленные увеселения, которые из нее можно было извлечь, Кровавый Бог принимал только смерть. Его поклонники были помешанными на крови разбойниками, а его демоны — тупыми машинами разрушения.

Некогда, в одну из многочисленных фаз истории Торвенгиса, князь демонов Кровавого Бога установил над миром короткое и безумное царствование. Сс'лла Ш'Карр — таково было наименее богохульное из его многочисленных имен. Но его слову поднимались огромные легионы демонов, созданных по его безобразному подобию, легионы, которые в конце концов были разгромлены очередной силой, захватившей Торвенгис. Легион Харибдия знала об этом, потому что сама видела разрез скалы в том месте, где лежали останки того сражения, и хранила уродливый окаменелый череп Сс'лла Ш'Карра в глубинах крепости Харибдии.

Время Кровавого Бога на Торвенгисе прошло, и пленный демон был последним отголоском его присутствия здесь.

Леди Харибдия очень редко спускалась сюда, чтобы поговорить с узником. Но с ее миром было что-то не так, она чувствовала это, слыша эхо предчувствия и близящегося отчаяния, которое пронизывало небо и облака. Ее слуги и лазутчики не смогли ничего выяснить о госте, чей корабль до сих пор лежал в трясине за горами. Леди Харибдия знала лишь то, что он прилетел на звездолете, построенном до Ересей, вроде тех, которые использовали налетчики и отступники по всему Мальстриму. Она не знала, кто или что посетило Торвендис, а главное, зачем. Подобное незнание совершенно не соответствовало тому, как именно она желала править, и это вызывало у нее неудовольствие. А неудовольствие следовало пресекать.

И было еще кое-что. Вся планета как будто kloкотала, просто слишком тихо, чтобы она могла услышать, и гудела от тяжести грядущих событий.

Демон уставился на леди Харибдию большей частью своих глаз. Остальные

бешено вращались. Он ощерился и пустил слюну.

--- Ты голоден? --- мягко спросила она. Демон зарычал, как пес.

--- Хорошо, --- она сделала жест, и легионер поднял свое копье. --- Ты будешь говорить, порождение уродства. Ты знаешь, что я могу сделать с тобой, если ты откажешься.

Демон задержался, пытаясь вырвать колдовские узы из камня. Он боролся с цепями уже много веков, с тех самых пор, как его случайно вызволили из скалы несчастные рабы-шахтеры, а потом выследили и поймали десантники-Насильники. Леги Харибдия давно пришла к выводу, что существо слишком глупо, чтобы сдаться, и что его следует мучить, чтобы оно стало послушным, как животное.

--- Пусти эту кровь, --- скотанговала она, и легионер вонзил клинок глубоко в брюхо демона.

Существо завопило, и леги Харибдия поторщилась, услышав столь нестройный звук в своих владениях. Густая красная

кровь потекла из-под вынутаго клинка и
закапала на каменный пол, шипя, как
кипяток, от соприкосновения с холодной
поверхностью. Демон затрясся, истекая
своей возлюбленной влагой, которая
уносила с собой саму его душу. Угроза
гибели от обескровливания приводила
последователей и слуг Кровавого Бога в
нечто подобное холодному ужасу, как
будто кровопотеря каким-то образом
сделала их недостойными богатств
божества, которое больше всех презирало
жертв.

— Я могу остановить кровотечение, —
спокойно проговорила леги Харибдия,
пока демон смотрел на свою кровь,
бесполезно льющуюся на пол. — Или
сделать его сильнее. Или медленнее. Мы
будем говорить, раб Бога-Мясника. Ты
будешь отвечать.

— Говори, что хочешь, — прорычал
демон низким и трачным голосом. — Я
отвечу лишь ложь.

Леги Харибдия улыбнулась. Она
часто говорила с демонами, причем куда
более коварными, чем этот.

--- Почему мой мир столь беспокоен? ---
спросила она. --- Быть может, нечто
посеянное много лет назад начало расти?

Демон засмеялся. Звук был
неприятный.

--- Твоим миром правит королева-
потаскуха, которая слишком боится вести
войну. Неудивительно, что он дрожит.

--- Кто прилетел сюда? Почему он не
объявил о визите?

--- Он пришел убить тебя.

Прямолинейный ответ. Редкое дело.
Демоны лгали, но предполагать, что они
просто говорят противоположное правде,
было опасно. В том, что они говорили,
всегда была доля истины, ее просто нужно
было отделить от плевел.

--- Почему?

--- Быстрее будет сказать, почему
нет.

Леги Харибгия притопнула ногой,
легионер вонзил копье обратно в рану и
провернул его, сильно разорвав кожу. Демон
застонал, когда новый поток крови брызнул
на камни.

--- Я не хочу, чтобы ты меня

разочаровывал, демон.

--- Я не знаю ответов, --- выплюнула
тварь. --- Я был молод, когда этот мир
был стар. Твой гость плюет и на моего, и
на твоего бога, Мальстрим не породил
эту планету, и вещи, которые ты видишь,
начали разлагаться еще до того, как
Шкарр ходил по этим землям. Я не знаю
ничего больше. Шлюха, сгнои свой язык, ты
больше ничего не можешь от меня
потребовать.

Вопрос наскучил леги Харибдиги.
Демон подошел опасно близко к признанию
слабости. Теперь его разум заткнется в
себе и спрячется за оскорблениями и
угрозами.

Она повернулась на каблуках, бросив
лишь титанетный взгляд на легионера.

--- Оставь его на час, --- приказала она.
--- Потом отошли обратно вниз.

Легионер почтительно преклонил
колени. Леги Харибдиги пошла обратно по
коридору с никому не ведомыми
эльдарскими черепами. Она чувствовала
неудовольствие, причины которого не
совсем могла понять. Нужно утопить

раздражение в безупречных и очищающих наслаждениях крепости.

Погода в горах Канис изменилась. Холод стал не резким, а сырым и липким, и всюду висел тонкий туман, который просачивался под одежды из кожи и волчьих шкур. Пар поднимался над огромными чешуйчатыми зверями, которые волокли повозки на запад, к долинам с крутыми склонами. Воины Толгофа плевались и ругались, угрюмо поглядывая на тяжело нависшее над головами серо-белое небо и ворча о逼近ющихся бурях. Караван проходил восточным краем гор Канис, где его путь пролегал по глубоким извилистым долинам, через которые можно было выйти к подножиям.

Облака тумана липли к горным пикам и скатывались вниз по склонам. Порой пальцы туманов протягивались в долины, и караван со скрипом продолжал свой путь, едва видя дорогу, в другое время он висел прямо над ними, будто потолок. Мир как будто стал меньше,

отгороженный от бесконечной глухой
тьмы Мальстрила туманной стеной.

--- Что могут дать туманы? ---
спросил Крон.

Голгоф посмотрел на старика. Крон
отказался занять место на повозке рядом с
ранеными и шел пешком, так же уверенно,
как любой воин.

--- Они могут ослепить нас и
заморозить, --- сказал Голгоф. --- Они
ничего не дают.

Крон улыбнулся.

--- Подумай, Голгоф. В этом мире нет
ничего, что ты не мог бы использовать. Я
это уже объяснял. У тебя есть редкий дар
--- воображение, и ты можешь использовать
его, превращая то, что видишь, слышишь и
чувствуешь, в нечто осязаемое. Такова
суть колдовства. Таков способ Хаоса
взаимодействовать с этим миром, хотя
очень немногие могут им воспользоваться.
Что ты чувствуешь сейчас?

--- Холодно.

--- Что именно холодно?

--- Все. Камни, воздух. Я.

--- Ты. Можешь ли ты стать

настолько же холодным, Голгоф? Не только телом. Душой. Хладнокровным. Хладносердечным.

Голгоф издал короткий сухой стешок.

--- Не говори мне о жестокости, старик. Я сдирал кожу с живых людей.

--- Это не жестокость. Контроль.

Голгоф, который убивал людей и зверей голыми руками и не мог остановиться, внезапно наострил уши.

--- Контроль? Хотел бы я, чтоб ты рассказал об этом раньше.

--- Научиться этому сложнее всего. Мне надо было убедиться, что ты готов.

Туманы впереди развеялись, открыв последний лотанный изгиб Змеиного Горла. Дальше путь будет предательски опасным. Не настолько, чтобы возникла нужда в чарошее, но все равно. Туманы уползли обратно к вершинам, как губы, обнажающие клыки, и перед ними предстало зрелище, которое Голгоф впервые увидел собственными глазами, хотя и слышал о нем раньше.

--- Стрельчатый Пик, --- выдохнул Голгоф. Это место вынырнуло из дымки

так внезапно, что у него перехватило дыхание.

Город Стрельчатый Ник был вырублен из камня — скопление гор, которые выдолбили изнутри и тесали, пока из каждой поверхности не прорезались арки и галереи. Здесь были огромные залы с колоннадами и бесконечные извилистые дороги, вьющиеся сквозь сердца гор, равнины под каменными небесами, где могли собраться целые армии, и ворота, которые зияли среди бледного камня. Ник соединялись мостами, похожими на нити, натянутые над головокружительными пропастями.

Стрельчатый Ник выглядел острым и смертоносным, каждую башню венчали высокие шпили, на которых раньше развевались знамена, и каждую вершину кольцом окружали защитные сооружения, откуда мог пролиться дождь стрел.

И он проливался раньше, в те дни, когда Стрельчатый Ник был обитаем. Воины со всех концов гор мечтали попасть сюда, в место, где собирались вожди всех племен. Тут заключались и разрывались

мирные договоры. Порой улицы заливала
кровь, когда между племенами разгоралась
война, но это лишь помогло укрепить
другие союзы. Город был средоточием
горных народов, местом, где они могли
потеряться силой и превратить эту силу
в реальное могущество. В те времена,
когда им грозила достаточно крупная
опасность, племена выходили на бой все
как одно, и чисто-белое знамя
Стрельчатого Ника развевалось рядом с
флагами племен. Узурпудный Меч
обладал собственной долей власти, и даже
более того. Стрельчатый Ник воплощал
собой его неталый шанс на владение всеми
горатами.

Пока Голгоф смотрел, стая гарпий
опустилась на одну из высочайших вершин,
словно зернистое черное облако, выплывшее
из окон древнего дворца. Теперь в
Стрельчатом Нике не осталось ничего
живого, кроме пагальщиков. Иногда люди
из племен поднимались в опустевший
город, чтобы принести дотой какое-нибудь
напоминание о тех днях, когда горы Канис
едва не объединились в одно из наиболее

могущественных государств Торвендиса. Иногда эти люди даже возвращались, почти всегда безумные и почти всегда одинокие.

Леди Харибдия пришла сюда задолго до рождения Голгофа. Никто на самом деле не знал, как эта дезградившая принцесса шла к власти, но одно было ясно — Стрельчатый Пик стал одним из ее первых завоеваний.

У нее были боевые машины, которые могли летать и изрыгали из себя целые легионы облаченных в шелка, татуированных фанатиков, наводнивших пещеры Стрельчатого Пика. Она заключала союзы со стаями демонов, огромные крылатые монстры подчинялись ее словам. Говорят даже, что с ней пришли костические десантники, воины предавшего легиона — на голову выше самого мощного Затронутого, в тяжелых, испачканных кровью доспехах, с оружием, которое плевалось огнем.

Это была бойня. У леди Харибдии был бесконечный запас легионеров и полуголых культистов, которые прилетали на

небесных кораблях и бросались вверх по крутым горным склонам. Горцев загнали внутрь города, все воины отчаянно оборонялись, но помощи ждать было неоткуда. Культисты утирали тысячами легионеры — сотнями, и прибывали все новые. Племя Узутрудного Меча несколько недель удерживало свой великий зал собраний, защищая баррикады из обрубленных колонн от волн безумцев, что дрались голыми руками и зубами. Но оно пало, как и все остальные.

Потом легионы ушли, как будто захват Стрельчатого Ника был всего лишь мимолетной прихотью легиона Харибди. Она оставила это место на беззвонье прожорливым гарпиям и засеяла его темными легендами, чтобы племена держались подальше. Она напала на Стрельчатый Ник не ради власти, но из чистой злобы, и забросила его, когда потеряла интерес.

Возможно, как порой размышлял Толгоф, горные племена все равно уже слабели, и в один день они бы пали. Но легиона Харибдию можно было признать виновной,

и в этих холодных и жестоких землях это
уже многого стоило.

--- Когда Трик утрет, я верну нам
Стрельчатый Ник, --- сказал Голгоф.

--- Леги Харибдия прокляла город, ---
ответил Крон. --- Это она заклеила его
стены демонами. Говорят, что
достаточно провести день в этих залах,
чтобы сойти с ума.

--- Должен быть способ, --- Голгоф
бросил взгляд на старика и снова
отметил, насколько высоким тот был под
своей мантией.

--- Так говорят истории, --- сказал
Крон. --- Сейчас тебе надо сфокусироваться
на том, что ты должен сделать. Трик
убил больше претендентов на его место,
чем ты когда-либо узнаешь. Защищать его
будут не только один колдун и горстка
нагальщиков. Полни о контроле, Голгоф,
ибо без него твоя сила будет хуже, чем
ничто. Из-за нее тебя убьют.

--- Трик --- лишь обычный человек.

--- На Торвендусе нет обычных людей.
Слушай, Голгоф. Учись. И никогда не теряй
концентрацию. Следующие уроки будут

салыми тяжелыми, потому что ты не захочешь ил учиться.

Туманы отползали от гладких ломаных стен Змеиного Горла. Завидев открытое пространство впереди, звери замычали и чуть ускорили тяжелый шаг. Толгоф видел место, где горы переходили в равнины, и ники-клинки уступали место волнистым подножьям. На расстоянии ломаные очертания последних скал выглядели бледными, как дым, а подножья казались едва различимыми призраками, витающими на горизонте. Скоро и встретятся посты и часовые, патрули из толстых варваров, крадущихся в тенях, чтобы пролить первую кровь какого-нибудь бродяги. Всюду будут глаза и уши Грика, и понадобится вести себя хладнокровно, чтобы пробраться через эти земли и не раскрыть себя.

Лонн сидел на передней повозке, разглядывая скалы истинным зрением. Тарн был рядом с ним и высматривал опасность своим смертным, но опытным взором. Воины, возглавляемые Хатом, шли по сторонам. Земля стала тверже,

гладкую дорожку стенили острые рубленые
борозды и ступени в скале

Опустевший остров Стрельчатого
Ника проплыл мимо уходящего каравана, и
гарнии реяли вокруг огромных окон,
похожих на глазницы, и укреплений,
выбеленных словно зубы.

Торвендис был многим, и не в
последнюю очередь, тем, во что
превращали его правители планеты. Леги
Харибдия хотела создать громадный
алтарь Слаанеша, освятить и осквернить
целую планету, сделав из нее святую
землю Князя Наслаждения. Хотя она уже
сделала многое — основала город и
использовала ресурсы планеты, чтобы
утолять свою жажду удовольствий во имя
бога, ей все еще предстояло
распространить прочное владычество по
всему Торвендису. Горы и разрозненные
острова, граничившие с ее землями,
страны к югу, полные пустынь, джунглей и
тьмы — все это не находилось под ее
прямым контролем. Бурлящая болотная
земля за горами была еще дальше от ее

власти.

Впрочем, постепенно леги Харибдгия распространяла свое влияние. Сам город расползался вширь, либо вырастая из-под земли, либо строясь руками крестьян, недавно обращенных в культ Слаанеша. В других местах воздвигали храмы Слаанеша, чтобы они служили как средоточия для новых последователей. Они также были чем-то вроде сигнальной системы города: когда начиналось восстание против леги Харибдгии, оно первым делом атаковало разбросанные повсюду храмы.

Урво знал и принимал это с радостью. Умереть ради Принца! Не просто познать предельное блаженство насильственной смерти, но и сделать это по воле Госпожи, поддержать ее вечное поклонение Слаанешу! Урво почти что хотел, чтобы из-за гладких скал на его отдаленный храм нахлынула какая-нибудь орда врагов, и он мог ощутить их клинки, пронзающие его кожу и помогающие подняться до пределов чувств. Умереть на этих мокрых камнях, в последний раз

вдохнуть соленый приморский воздух — такая смерть стоила бы всей жизни, предшествовавшей ее моменту.

Но пока этого не произошло, надо было многое сделать. Храм находился далеко от большинства поселений, и все должны были делать сами послушники. Всюду кругом был ровный, плоский камень темно-серого цвета, северные стены города находились во многих километрах к югу, на западе и севере простирались суровые моря, где странствовали варвары. На востоке были лишь горы Канис, барьер на краю обитаемого мира. Храм Урво был настолько отдаленным, насколько это возможно, и он гордился тем, что слово Слаанеша проникает в самые далекие уголки планеты.

Храм был великатын и все время требовал обслуживания. Он находился в небольшом углублении, окруженном каменным гребнем, похожим на шрам, но погода все равно воздействовала на его структуру. Основная часть храма представляла собой квадрат из железных столбов, которые загибались кверху и

образовывали крышу, так что получалось нечто вроде клетки глиной и шириной в сто метров. С верхних балок до уровня плеча свешивалось множество усеянных крюками цепей, каждое звено которых было покрыто мелкими металлическими шипами и лезвиями. Всюду были развешаны стяги и знамена всех цветов и форм, привязанные к столбам и развевающиеся на резком ветру, который пронизывал храм. Когда ветер усиливался, цепи издавали звук поющего хора, и шипастые звенья дождем падали вниз. Каменный пол был усеян ими, словно триболами.

Знамена, сделанные из шелка и кожи, плетеных волос и шкур, постоянно рвались и все время нуждались во внимании Црво и его послушников. И таким образом Црво служил Слаанешу, ибо каждый раз, когда он шел по храму, цепи даровали ему тысячи крошечных порезов, и сладкая боль питала огонь наслаждения внутри него, когда упавшие звенья кололи его подошвы.

В центре храма находился алтарь, окованное металлом углубление в полу,

которое имело странную звездчатую форму. Только если пристотреться, можно было понять, что он сдлан таким образом, чтобы в нем помещался распротертый человек. Под алтарем находилось небольшое помещение, наполненное лезвиями и грелями, и послушники Црво могли управлять ими при помощи системы рычагов, заставляя их резать и колоть сквозь отверстия в металле. Алтарь редко чистили, так как ржаво-красные потеки были свидетельством святым деяниям, творившимся здесь. Скольких неверующих посвятил болью Црво? Скольких они познакомили с величием Слаанеша, сковав здесь и произнеся слова, священные для Принца Хаоса?

--- Магистр Црво! --- крикнул один из послушников, вбежав в храм. --- Дьякон увидел, что приближаются чужаки!

Црво постотрел на послушника сквозь лес щей. Тот был из молодых, судя по относительно малому количеству шрамов на молочно-белой коже. Вокруг его пояса были обмотаны желто-белые ткани ---

цвета новообращенного — а торс оставался голым, чтобы видны были шрамы и татуировки его служения. Здесь обитало примерно сто тридцать послушников, которые жили в палатках и хижинах, сгрудившихся под прикрытием близлежащих скал. Урво редко покидал храм и знал по имени немногих.

— Кто? Сколько их?

— Сложно сказать. Немного. Они идут быстро, но скрываются.

Они всегда боятся, подумал Урво. Те, кто не прикоснулся к нечестивым таинствам Слаанеша, всегда боятся того, что им могут показать чувства. Им нужно силой увлечь в лоно церкви Бога Наслаждения. Так жаль, что многие из них не переживают посвящение, но, по крайней мере, в конце концов они отдаются жизни во имя удовольствия, хотя и не ценят этого.

— Пусть верующие вооружатся, — приказал Урво. — Наши гости, должно быть, бандиты или мародеры. Собери новичков, чтобы они готовились к посвящению, мы воспользуемся алтарем

еще до заката.

Послушник покорно кивнул.

--- Хвала Слаанешу, магистр.

--- Хвала Слаанешу, --- отозвался Урво.

Урво пошел к порогу храма, чувствуя на лице множество восхитительных тонких порезов от висящих цепей. Он никогда не уставал чувствовать острую боль рассеченной кожи и запах крови, текущей по лицу.

Из-за трепещущих знамен он видел каменные гребни, которые тянулись вдаль и через которые должны были перевалить новоприбывшие. Послушники носились туда-сюда, вооруженные автоганатами и лазнистолетами, ценным оружием, подаренным храму оружейниками легионов леги Харибгии. На всех его не хватило, поэтому многие из них сжимали мечи или шипастые дубины. Урво с гордостью увидел, что держать оружие в руках для некоторых оказалось слишком большим соблазном, и они начали наносить на свою кожу тонкие алые знаки почитания при помощи клинков и штыков.

На глаза Урво попался Дьякон.

который так давно был пылким почитателем Слаанеша, что у него совсем не осталось кожи. Поблескивая влажной красной плотью, он забивал патроны в гробовик, украшенный золотом и жемчугом. Дьякон служил в храме так же долго, как Урво, и это был немалый срок. В свое время они повигали потрясающие ритуалы наслаждений, фестивали плоти, которые путешествовали между разрозненными храмами, как бродячие города грешников, демонов, которые наносили визиты по нечестивым ночам, и видения новых удовольствий, которые озаряли небо. Довольно часто они сражались плечом к плечу. Дьякон, как и следовало ожидать, уже не чувствовал боль от обычных источников, и поле боя для него было всего лишь еще одной ареной ощущений.

Урво еще не вооружился, когда прогревели первые выстрелы. Это были не его послушники, а чужаки, которых все еще не было видно. Стреляли издалека. Второй выстрел чисто снес голову одному из новичков, и тот рухнул. Кровь хлынула,

как фонтан самоцветов.

Группа послушников собралась под выступом скального гребня, где упал новопосвященный, и начала беспорядочный ответный огонь. Дьякон повел более крепких последователей вперед, чтобы атаковать неизвестных с фланга. Вражеский огонь вдруг усилился, и послушники под скалой рассыпались, оставив троих-четверых среди брызг крови и осколков камня.

Пробегающий мимо послушник впихнул в руки Црво автомат. Он вознамерился заряд в магазин и потчался к гребню. Внезапный снаряд описал дугу над скалой и расцвел взрывом, разорвав кучку послушников на куски. Более слабый огонь загрохотал над головами, прореживая ряды людей Дьякона, пробивая в телах рваные багровые дыры и расшвыривая в стороны конечности.

Црво подумал, что это было прекрасно. В насилии была редкостная поэзия. Но негоже терять слишком много последователей, поэтому Црво призвал послушников, в беспорядке отступающих

от гребня под ливнем ярких желто-белых
копий огня, что прорезали воздух повсюду
вокруг.

--- За мной, сыны Слаанеша! --- возопил
он, высоко подняв свое оружие. --- За
Госпожю! За Принца! Почувствуйте смерть
врага, как свою собственную!

Урво побежал вверх по скользким
катням, и одна половина разума
настойчиво уговаривала его спешить и
держатъ голову ниже, а другая жаждала,
чтобы пули вонзились в его тело, и он
утонул бы в собственной блаженной боли.

Он добрался до гребня и впервые
увидел врага.

Тот, кто напал на них, должно быть,
некогда носил доспехи, но теперь броня и
плоть стали единым целым. Вокруг
тяжелых поножей висели лохмотья живой
кожи, скользкие мышцы пронизывала
гидравлика, из прорех в темно-алом
металле росли костяные шипы. Обе руки
заканчивались не кистью, но похожими на
глубины узлами плоти, покрытыми
отверстиями, из которых торчало
оружие: на одной руке --- три вращающихся

стволы автомашки, изрыгающих белые
полосы огня, на другой — дуло осколочного
гранатомета. Затянутые мертвой кожей
глаза и рот открылись, из них высунулись
оружейные стволы и застрекотали влево и
вправо.

Ростом оно было в три с половиной
метра, покрытые доспехами плечи были
почти так же широки, пластины брони
перетежались мускулами, и его форма
постоянно менялась, выпуская из плоти
новые орудия. Урво раньше видел
костических десантников — далекие
фигуры, охраняющие укрепления Крепости
Харибди — но в то время как ее
Насильники были грациозны в своей мощи,
это существо было иным, уродливым и
звероподобным.

К Урво потчался снаряд, он нырнул
под выступ скалы и отчасти возрадовался,
когда осколки, выбитые взрывом, вонзились
ему глубоко в спину. Он начал вслепую
стрелять обратно, ничего не видя из-за
обломков и дыма, и вместе с болью его
чувства затопило отдачей оружия в руках
и грохотом выстрелов.

Когда гым рассеялся, Урво увидел, как к нему бегут воющие и стреляющие на ходу послушники, забрызганные свежей кровью. Их тела дергались и распадались под огнем автомашки, каскадами обрушивались прекрасные узоры из крови и разорванных органов. В мире не было ничего настолько эстетически совершенного, как смерть — превращение живой плоти в мертвую материю в совокупности с потоком ускользающей жизни, создающей последнее и предельное переживание.

Урво пришлось оторвать взгляд от этого зрелища. Ему надо было послужить Богу Наслаждений. Еще один залп, и магазин автомашки опустел. Он подобрал лапзан с исковерканного тела послушника, которое упало рядом с ним, и снова начал стрельбу вслепую через гребень. От непрерывных очередей металл в его руках раскалился, и он чувствовал, как в лапонах гудит энергетическая батарея и пульсирует отдача от выстрелов.

Он убрал палец со спуска и высунулся над гребнем.

Чувовище теперь было ближе, так близко, что Урво чувствовал застарелую металлическую вонь масла и вкус дыма, который выкашливали многочисленные дула. Его лицо было не более чем еще одной подставкой для орудий. Урво слишком поздно осознал, что оно увидело его глазами, которые моргали в утопленных в броне нишах.

Безошибочно, как стрелка компаса, автомашинка нацелилась ему в голову.

Снаряды прошли через верхнюю часть тела Урво. Он почувствовал, как рвутся его органы, разбивается челюсть, какова на вкус шрапнель и как осколки кости вонзаются глубоко в мозг. Холод нахлынул на него, когда разделился позвоночник, перед выбитыми из глазниц глазами вспыхнула белизна. Язык превратился в лохмотья, и новые вкусы боли и разрушения наполнили его разум.

Урво, над талией которого осталась лишь шатающаяся колонна изуродованной плоти, повалился на камни. Последней его сознательной мыслью было то, что смерть оказалась не обещанной

накофонией ощущений --- она была холодной, пустой и несла с собой боль, подобную которой, как он думал раньше, он никогда больше не ощутит.

Может быть, откровение ждет его позже. Да, именно так. Подождать чуть-чуть дольше, и он познает это предельное наслаждение.

Потом Урво стало холоднее, и мысли покинули его.

Атакир подумал, что это было скучное зрелище.

Брокс, чье массивное тело каждую секунду выпускало новое оружие, загнал защитников под гребень. Они вели себя типично по-слаанешитски --- кидались под огонь и разбегались под ливнем взрывчатых снарядов и осколочных ракет Брокса. В культистах боролись жажда связанных с битвой переживаний и инстинкты самосохранения, поэтому облитератору было легко удерживать их непрерывающимся огнем. Братья Скарлан и Макело бежали на помощь Броксу, посылая над скалой короткие

очередь из болтеров.

«Мультус Сангвис» приземлился в пяти километрах отсюда и встал на скользкой от соли равнине между горами и океаном. Ковену было небезопасно оставаться с потрепанным гогами старым кораблем — леди Харибдия или любые другие жители Торвенгуса могли найти его при помощи колдовства или прорицания и уделить внимание его присутствию. Ковену надо было найти другое место, чтобы спланировать свой следующий шаг, и храм Слаанеша был ближайшим местом, где они могли взять несколько часов отдыха.

Амакир мог бы присоединиться к своим воинам, атакующим храм. Но он знал, насколько хорош в бою. Это была первая возможность увидеть, как ковен действует в настоящем бою без какой-либо поддержки, и он хотел понаблюдать за ними.

Энергетические залпы врезались в катни вокруг десантников хаоса. Скарлан игнорировал их, даже если они вспыхивали, ударяясь в его силовые доспехи, а Макелос

пригнулся и двигался зигзагами.

Далеко в стороне Феоркан вел снайперский огонь по пытающейся зайти сбоку толпе, которую возглавлял человек-кошмар, чья содранная кожа была обмотана вокруг талии и разведалась подобно знаменам. Эта группа действовала более слаженно и использовала ломаные скалы как прикрытие, пытаясь оттеснить боевых братьев Амакира.

Они не могли знать, что сражаются с Несущими Слово. Вскоре они узнают. Более слабому человеку могло бы показаться трагичным, что никому из всех этих людей не суждено было выжить. Но Амакир был выше подобных сантиментов.

Два или три послушника, стрелявших на ходу, упали, пробитые навыворот одиночными снарядами из сильно модифицированного болтера Феоркана. Пригибаясь и перекатываясь, снайпер начал отступать в сторону, и Амакир понял, что он пытается загнать отряд бескожего человека к скоплению скал.

Он разгадал план Феоркана еще до

его начала. Фазгос выпрыгнул из укрытия среди катней и ворвался в толпу, рубя ценным мечом и выпуская шлейфы крови, а его плазменный пистолет изрыгал в гущу послушников жарко-белый поток жидкого пламени. Пракордиан прятался в скалах и прикрывал его, посылая очередями болтерного огня в тех, кто пытался окружить Фазгоса.

Фазгос вступил в поединок с бескожим, который сражался быстро и решительно, как может лишь человек, лишенный чувства боли. Ранить его было недостаточно — клинок Фазгоса снова и снова глубоко вонзался в голую плоть, разрубая нервы и отсекая мышцы, пока противник просто не утратил способность двигаться. Второй выстрел перезарядившегося плазменного пистолета превратил кошмар в тающее и полыхающее месиво.

Толпа побежала, налетая групп на группу. Пракордиан осыпал их дождем болтов, в то время как Феоркан убивал их одного за другим, и с каждым его выстрелом очередной культист резко

запрокидывал голову и испускал дух.

Амакир зашагал вперед, слыша, как звуки бойни режут воздух, и отрывистый рев автомашки Брокса смешивается с булькающими воплями умирающих. Все пространство между гребнем и храмом было усеяно телами, примерно пятью-шестью десятками, и примерно двадцать сбежавших теперь прятались за железными столбами увешанного цепями храма. Развевавшиеся кругом знамена были испещрены прожженными дырами от пуль.

Амакир презирал этих ничтожеств. Слабость духа, из-за которой они не поклонялись всему пантеону Хаоса, нельзя было простить. Бог Наслаждений был лишь одним аспектом великоления варна, и поклоняться Слаанешу, исключая при этом всех остальных, было слишком малодушно, чтобы считать это хотя бы за ересь.

Смерть — слишком мягкое наказание для них. И они познают нечто худшее, чем смерть, ибо погибнуть здесь, в Мальстриме, не облагая

благосклонностью пантеона Хаоса, значило отдать свою душу варну. Просветленные Несущие Слово еще увидят, как великий примарх Лорзар занимает место среди богов. Эти жалкие послушники увидят лишь безумие и забвение. Нижние боги, как же Атакир их ненавидел.

Он побежал к храму, сняв с креплений на ранце и сжав в руке тяжелый силовой топор. Лазерные лучи и снаряды зажужжали возле его ушей. Силовое поле с треском пробудилось, активировать его не понадобилось — оружие прослужило Атакиру так долго, что знало, когда его хозяин гневается, и знало, когда ему надо будет пускать кровь.

Защитники были под прикрытием железных столбов храма. Рассеявшаяся толпа могла там долго прятаться, и лес висячих цепей поглощал выстрелы, направленные в головы. Брокс, Скарлан и Маркело поливали их огнем двойной автоматки и болтеров, но могли понадобиться многие часы, чтобы выкурить послушников обстрелом.

Своим выживанием эти паразиты
стали растрачивать время Несущих
Слово. Поэтому они были препятствием
для дела истинного Хаоса. Атакир
твердил это себе на бегу, пересекая
усеянное трупами пространство, но слова
поглотила ненависть.

Первый враг вскочил прямо перед ним,
нажимая на спуск лазгана. Лазерные лучи
осыпали нагрудник Атакира, как дождь,
задели незащищенное лицо и обожгли
древние золото и багрянец. Он обрушил на
противника свой топор, и лезвие прошло
прямо сквозь послушника, так что
пришлось сдерживать руку, чтобы оружие не
зарылось в камень. Разрубленное тело
повалилось на землю еще до того, как
хлынула кровь.

Тени развевающихся знамен
скользнули над Атакиром, когда он
ворвался внутрь храма. Топор описал
могучую дугу, рассекая цепи и разбрасывая
добела раскаленный град из расплавленных
звеньев. Он услышал крики и возразовался,
ибо каждый вопль был гимном,
прославляющим его богов. Враги

отстреливались, но в капитана уже
стреляли и попадали миллион раз. Огун
выстрел пробил сочленение на локте,
вспышка боли показалась оскорблением.
Атакир выхватил болтпистолет и начал
стрелять, не целясь, в ближайшие
мечущиеся силуэты. Там, где очереди
попадали, вспыхивали красные цветы, а
там, где промахивались, разлетались
облака зубчатых осколков.

Огун-два послушника пробежали мимо
него, под прикрывающий огонь Скарлана и
Макело. Огун укрылся в углублении в
форме человека, покрытом грязной от
крови латунью, которое отмечало центр
храма. Атакир подбежал к нему и снес
верхнюю часть головы.

Другие попытались сбежать. Другим
это не удалось. Атакир зарубил
ближайшего и перестрелял остальных.

К тому времени, как Атакир вытер
кровь с лезвия топора и вернулся наружу,
Феоркан, Фаздос и Пракордуан уже
истребили послушников, которые
следовали за бескожим человеком. Атакир
подожел к окровавленному гребню и

отметил трүн, облаченный в куда более
сложно украшенные одеяния, чем
остальные. Верхняя часть тела была
изорвана огнем тяжелых орудий Врокса.
Атакир поднял трүн, который обмяк в его
руке, словно дохлая рыба.

--- Вот что случается, братья, когда
ваш взор отстывает от истинного
пантеона тьмы! Вот чем мы станем,
если позволим безнаказанно бунтовать
таким, как Карнүлон, --- Атакир
отшвырнул тело в сторону. --- Никогда не
забывайте, зачет сражаетесь.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Гладкие, усеянные клочками травы холмы поднимались всюду вокруг, словно волны каменного океана.

Ники превратились в бледные клыки, поднимающиеся вдалеке позади каравана. Дорога впереди была хорошо утоптана ногами марширующих воинов и усеяна следами повозок, вокруг нее возвышались деревянные конструкции с обзорными платформами, где виднелись обрисованные оранжевыми вечерними солнца силуэты высоких воинов с копьями. Подножья гор Канис были столь же опасны, как и сами горы, но здесь людские жизни с завидной регулярностью обрывались не головокружительными высотами или жестоким морозом, а самими варварами. Трик правил этими землями, и те, кто был ему предан, готовы были убивать без раздумий, чтобы услужить ему.

За два дня странствия от Стрельчатого Ника к внешним предгорьям дорога постепенно становилась все более и

более четкой. На пути пролегли глубокие колеи, оставленные колесами повозок, в более крутых местах в камне были вырезаны ступени, которые выглядели изношенными. Мелкие поселения, не более чем скопления шатров, жались к склонам вокруг дороги, и временами из хижин и палаток появлялись торговцы и хваливали свои товары, пока не понимали, что ведущие караван люди с суровыми лицами, скорее всего, неважные покупатели. Чтобы обозначить границы сферы влияния Трика, не нужны были ни ограды, ни укрепления, ибо дорога была одним из очень немногих безопасных путей к нынешнему местонахождению его города, и такие пути постоянно держало под наблюдением множество глаз, верных вождем.

Голгоф постарался сделать так, чтобы его собственные воины не выглядели подозрительно. Качественное и необычное оружие, которое они нашли в грузе, было спрятано под шкурами, закрывающими повозки, а железные знаки, которые носили люди Трика, висели на их шеях на шнурах из сухожилий. Крон сидел рядом с

Голгофом на задней повозке, натянув капюшон своей мантии глубоко на лицо. Если бы их начали расспрашивать, Крон должен был занять место колдуна, который вел караван к Змеиному Горлу. В определенном смысле это даже не стало бы обманом, потому что если Крон не был колдуном, то никто им не был.

Хат сидел на передней повозке и тыкал в бока вьючных зверей заостренным посохом, погоняя их. Ближайший часовой слез со своего поста и трусцой подбежал к ведущей повозке. Это был старый, седой воин, у которого на лице было столько шрамов, что сложно было разобрать черты. Он был закутан в меха, и на тыльной стороне руки, сжимающей копье, виднелось выжженное клеймо в виде разбитого на четыре части круга, тот же символ, что и на знаках Трика.

Он был одним из круга приближенных Трика, воинов, отобранных за верность и принесенную пользу, которые беспрекословно подчинялись приказам вождя. Вокруг Трика будет много таких туземцев, сильных и абсолютно преданных.

Они были обязаны ему жизнью, зачастую в буквальном смысле — по большей части это были люди, брошенные в детстве бедными или ушедшими в другие места родителями, которых подобрал и вырастил в шатре самого вождя, и они стали словно продолжения его тела. Этот человек, который достиг немалых лет, учитывая продолжительность жизни горцев, должно быть, был унаследован Триком от предыдущего вождя. Он, как и десятки ему подобных, стоял между Голгофом и будущим Узутрудного Меча.

Хат показал свой железный кружок, и часовой заглянул под шкуры передней повозки, чтобы глянуть на оружие и свертки с данью, привязанные под ним. Удовлетворившись, он махнул рукой.

Караван пошел дальше. Голгоф смотрел, как из-за холмов вырисовывается город шатров. Лоскутное одеяло приглушенных цветов раскинулось между покатыми подножьями, и с этого расстояния люди, толкущиеся на улицах, казались множеством темных точек. Город был крупнейшим поселением в горах.

наверняка самым большим за все время
после падения Стрельчатого Ника.
Толгофу, который вырос в обычной деревне,
он казался почти невозможно огромным.
На улицах между шатров можно было
легко заблудиться, и там, должно быть,
была скрыта тысяча укромных уголков, где
можно было затаиться. Даже отсюда
Толгоф чувствовал запах города — дыма,
пот и готовящуюся пищу.

Огромный и мобильный город
мизгировал вместе со стеной времени года,
от подножий гор до равнин, откуда
выдвигались стены леги Харибди.
Население переносило свои дома из шкур и
ткани на собственных спинах и вьючных
вертилиях и знало перед собой стада овец
и коз. Каждый шатер был окрашен в свой
цвет и щеголял символом клана или
гильдии на боку. Дым колоннами
поднимался от кухонных костров и огней,
над которыми из черного горного железа
ковали оружие для солдат Грика. На
площадках между шатрами солдаты
устраивали тренировочные поединки, и
Толгоф знал, что сейчас в темных уголках

города ведутся иные, куда более реальные бои.

Голгоф оценил население города, как более чем двадцать тысяч душ, больше горцев, чем когда-либо собиралось в одном месте со времен Стрельчатого Ника. Они дрались, пили, совокуплялись, выплавляли железо и охотились, добывая пищу, необходимую для того, чтобы пережить следующую миграцию. В центре всего этого, как говорили путешественники, находился просторный шатер, что был сшит из солен шкур и украшен огромными четырехчастными кругом, и охраняли его крепкие воины, облаченные в меха. Там их должен ждать Грик, восседая на троне из резной кости, с толстыми медвежьими шкурами под ногами, в окружении дюжины слуг, наблюдающих из теней. Грик был судьей и покровителем горожан, он выбирал воинов и разрешал споры, отдавал приказы на казни, когда в нем поднимался гнев, и прощал слабых и подлых, когда эль сделал его мягким.

Если бы они знали, как слаб на самом деле Грик, и какого вождя они могут

получить, если захотят, племя
Узуррудного Меча снова может стать
великим. Но они не знали, они были слепы,
и Голгофу придется заставить их видеть.

--- Пора тебе уходить, Крон, ---
прошептал Голгоф, когда караван проехал
мимо первых городских шатров.

--- Конечно. Скоро это будет не место
для старика.

Они оба знали правду. Это был бой
для Голгофа. Крон научил воина всему,
чему мог, но именно Голгоф должен был
пролить кровь Трика.

Двое спрыгнули с повозки наземь. Крон
взмахнул плащом и исчез, растаял в
немой толпе варваров. Голгоф
попытался разглядеть его, но тот просто
пропал из виду. Наверное, опять какое-то
колдовство. Или просто умение быть
незаметным.

Караван вышел на грунтовые улицы
города, мимо хижин, которые теснились у
просторных шатров из выделанных шкур с
развешивающимися над ними знаменами,
мимо загонов для животных и стаек
детей. Калеки-прошайки обходили

караван по широкой дуге, без сомнения, зная, что стражники Трика не отличаются щедростью. Люди племени наблюдали за караваном с порогов своих жилищ, вероятно, размышляя, достаточно ли будет дань в этом году, чтобы Трик стал на какое-то время милосерднее. Запахи теперь стали сильнее, пахло немытыми телами и сотнями горящих очагов, и звуки тоже стали громче — неразборчивые беседы, перетекающие криками или отдаленными взрывами стеха.

Это был целый мир, совершенно отличный от горного уединения, но Голгоф подозревал, что он не менее опасен. Он ясно чувствовал взгляд Трика, наблюдающий за этим городом, постоянно и бдительно выслеживающий врагов и требующий верной службы.

Глаза жителей были темными, уставшими от страха. Сторожевые башни отбрасывали на город тени, похожие на железные прутья решетки. По каждой улице, которой проходил караван, бродили патрульные отряды мечников. Голгоф

мало знал о городах, но инстинктивно чувствовал, что этот город туго скован цепями воли его правителя.

Голгоф трүсцой подбежал к началу каравана. Хат протянул ему топор. Железо которого все еще было окрашено в цвет ржавчины из-за засохшей крови. Он чувствовал, как его воины напряглись — в любой момент один из людей Трика мог задать вопрос, почему он не видит среди охранников каравана знакомых лиц, и кто-нибудь потребовал бы ответа, куда они дели своего колдуна. Пролетит стрела, пұлька пращи или метательный нож, ударит в цель, и они окажутся окружены.

Часовые на башнях, үсеивающих город, внимательно смотрели вниз. Рентилии зарычали, и группа охотников с лицами, измазанными кровью добычи, үставились на Голгофа и проходящий мимо караван.

Дорога, по которой они шли, вела все глубже и глубже в город, пока наконец не показался огромный шатер вождя, укутанный пеленой дыма от костров, которые жгли вокруг стражники. Люди

Голгофа теперь были достаточно близки, чтобы ринуться в атаку и надеяться, что доберутся до Трика, прежде чем их убьют. Голгоф видел густой жирный дым, что, извиваясь, выползал между шкур шатра, и белое от холода дыхание стражи в пятьдесят человек.

Концентрация была последним и самым важным уроком Крона. Контроль. Сделать кровь холоднее, а сердце — спокойнее. Голгоф никогда прежде не ценил такие вещи, но теперь, прокрадываясь через город, который сам по себе был врагом, он понял, что это, возможно, все, что у него есть. У него снова были когти и зубы медведя, скорость хищной горной птицы и острые, как иглы, чувства змеи, лежащей в засаде. Но были также и стойкость самих скал, холод осенних дождей, прочность мира, окружающего его. Голгофу надо было собрать все это вместе, хотя он никогда этого раньше не делал. Он уже мог взять часть силы, о которой говорил Крон, но мог ли он ее контролировать?

Да, мог. Потому что Голгоф

выживет, и Голгоф победит, и даже мертвым он все равно заново перекует Узлрүдный Меч. Он уже не мог вернуться через горы, только не сейчас, когда он зашел так далеко. Битва с Триком и освобождение города — единственное, что ему оставалось. Больше ничего не было. Он победит Трика или умрет, но он не умрет, потому что Крон научил его, как победить.

Троица молодых солдат с копьями и щитами преградила им путь.

— Кому служите и зачем идете? — пролаял их одноглазый, оскалившийся предводитель со старым не по годам лицом.

— Служим Трику из Узлрүдного Меча, — ответил Голгоф и достал железный знак. — Мы здесь, чтобы доставить нашему вождю трехлетнюю дань.

Предводитель кивнул, и еще дюжина воинов подбежала к ним от костров, держа наготове копья и топоры. Среди них было немало Затронутых, один с лишней парой рук, другой с глиняными и мощными

ногами, чьи колени гнулись в обратную сторону, как у боевого коня. Также явился мужчина, который не был воином, и его тело, обнаженное до пояса, имело цвет бледного мерцающего серебра. К его плечам и ребрам были пришпилены страницы из выделанной и разрезанной кожи, покрытые таинственными письменами. Колдун, причем более высокого статуса, чем убитый Голгофом, если судить по окружающей его страже из четырех мускулистых воинов.

— Скажите пароль, — потребовал начальник стражи. Голгоф увидел, как у того натянулись жилы на предплечьях. Стражник готов был метнуть копье, услышав неверное слово.

Но слова не было. Голгоф знал, что Трик мог придумать какую-то подобную хитрость, чтобы вычислить замаскированных врагов. Его план на такой случай был прост.

Голова предводителя внезапно запрокинулась назад с торчащей из здорового глаза тонкой стрелой с черным оперением. Голгоф бросил взгляд за плечо

и увидел, как Тарн-убийца кладет новую стрелу на лук, подобранный им после сражения в Элеином Горле. Прежде чем он успел выстрелить снова, уже начали лететь ответные стрелы от двух ближайших часовых, и воины Трика кинулись в атаку — некоторые сбоку, чтобы окружить конвой каравана, другие — прямо на Голгофа.

— Создай сеть! — завопил кто-то, и колдун сделал сложный жест, на который было больно смотреть. Конья света вырвались из-под земли и создали сияющую клетку вокруг конвоя, клетку, в которой оказались и люди Голгофа, и их противники.

Голгоф сорвал со спины щит и выхватил топор. Он чувствовал в пальцах горячие когти медведя. Его глаза вспыхнули, чувства расширились, и вся клетка заполнилась движением, боевыми криками и воплями, вздохами металла, рассекающего воздух, и рвущими звуками, которыми он проходил сквозь плоть.

Он представил себе осколок льда глубоко в груди, там, где должно быть

сердце, чистый и бесстрастный холод, который привяжет всю его силу к воле. Осколок вонзился в его душу и пригвоздил ее к единственному желанию, что имело значение — к смерти Трика и концу долгой ночи Узлтрүдного Меча.

Первые враги подбежали к нему, и их щиты столкнулись со щитом Голгофа. От натиска он отступил на шаг. Один из Затронутых, оттолкнувшись мощными искаженными ногами, ринулся на него на полной скорости. Он намеревался сбить Голгофа с ног, повалить его на землю, где товарищи Затронутого могли бы его прикончить.

Голгоф принял удар и скользнул в сторону, крутанулся и ударил обухом топора по плечу Затронутого, когда тот по инерции пронесся мимо. Враг повалился лицом наземь, и Голгоф всадил край своего щита в заднюю часть его шеи.

Что-то хрустнуло, но Голгоф не замедлился, чтобы увидеть, как Затронутый корчится и утирает — он снова занес топор, отбил в сторону удар копы и повернул лезвие так, чтобы

поймать древко копья и подтянуть
нападающего к себе. Голгоф почувствовал
запах мяса в дыхании стража, вознал ему
колени в пах, ударил его по лицу щитом и
позволил бесчувственному телу упасть.

Воину понадобилась доля секунды,
чтобы оценить ситуацию. Лонн,
Затронутый паренек со всевидящими
глазами, валялся изломанным и
окровавленным у колеса средней повозки.
Другой товарищ Голгофа лежал рядом и
был от боли, пытаясь вытащить из своего
живота стрелу. Одна из выючных
рептилий была ранена и встала на дыбы,
раскидывая сражающихся с обеих сторон и
трубя от ярости. Всюду бушевала битва,
Хат и Валин, окруженные врагами,
сражались спина к спине на ведущей
повозке, Тарн бился с тремя людьми сразу,
вооружившись тонким золотым мечом.
Всюду вокруг горела бело-голубая световая
решетка, гарантируя, что людям Голгофа
не сбежать, неважно, кто победит. По
другую сторону клетки, за щитами трех
оставшихся телохранителей, стоял
колдун с высоко поднятыми руками и

глазами, истекающими светом. Два
десятка врагов стояли между Голгофом и
колдуном, окружая и убивая его людей по
одному.

Голгофу не было дела до своих воинов.
Холод контроля говорил ему, что ему
никогда в действительности не было до
них дела, потому что они, в конечном
счете, не имели никакого значения для его
цели. Если они принесут ему пользу,
хорошая, то пусть так и будет. А если
какому-то из них удастся выжить, то новый
Узлупудный Меч прославит их за силу. Но
сейчас в мире не было ничего
существенного, кроме колдуна и злобного
Трика, прячущегося за прутьями
магической клетки.

Каждый шаг давался с боем.
Многорукый Затронутый отбил дюжину
его ударов, и тогда Голгоф призвал на
помощь медведя, отшвырнул уродливого
воина в сторону ударом щита и вмазал его
в бок повозки, проломив череп. Один из
стражников попытался подрубить Голгофу
ноги, но тот со скоростью птицы ушел от
удара, развернулся на одной ноге и всадил

лезвие топора ему в шею, не сбившись с шагу.

Огонь исчез. На стену ему пришел холод, считающий каждое движение и индигующий, как чередовать удары и контрудары. Он пригнулся, спасаясь от копья, расколол щит, пнул в лицо воина за щитом и вспорол ему живот, пока тот падал. Голгоф увидел стрелу на лету и поймал ее щитом, а потом тем же движением впечатал край щита в лицо ближайшего врага и раскрошил ему челюсть.

Колдун, должно быть, увидел, как Голгоф прорубается сквозь воинов Трика, потому что вдруг загорелся синим огнем и отвел руку назад, как будто готовясь метнуть копье.

Он швырнул голубой разряд молнии прямо в своего врага. Реакция Голгофа была сверхчеловечески быстра, но копье энергии все равно вскользь прошло по боку, от грудной клетки до колена, и разбило его щит, как стекло. Воин упал наземь, синее пламя трепетало на его меховом плаще и шипело, прожигая кожу. Он сорвал

плащ и перекатился, пытаясь потушить огонь о пропитанную кровью землю. Прежде чем врезаться в него, магический разряд прошел через пять-шесть человек, пробивая тела и отделяя конечности, и останки раскидало всюду вокруг. Воинов Толгофа осталось мало, все были окружены солдатами Грика, и многие отшатнулись от внезапного выплеска энергии, покрытые дюжинами мелких ран.

Огонь потух, но боль не исчезла — Толгоф все еще горел, его кожа и жир плавилась, жар угрожал пройти до мышц и сжечь их, сделав его беспомощным. Но он и прежде превозмогал боль и знал, как совладать с ней еще до того, как Крон научил его покрывать душу легяной броней. Боль можно было игнорировать. Опасность неудачи — нет. Толгоф приказал телу подчиниться и с трудом встал на ноги. Он отбросил дымящиеся остатки щита и подобрал короткий меч из отрубленной руки, лежащей на земле. Следующим препятствием были охранники колдуна, и Толгоф отказывался сдаваться теперь.

когда был так близок к цели. Он поймал
топором копые первого врага, вонзил меч
ему в живот, выдернул и метнул его в шею
следующего. Третий был крупным
мужчиной с лицом, обветренным от
многих лет охоты в горах, и
бесчисленными косичками в волосах,
каждая из которых означала убийство.
Голгоф увидел, что колдун вот-вот
выпустит еще одно заклинание, схватил
здоровяка за руку и выставил его между
собой и чародеем как раз, когда град из
расплавленного серебра вылетел из его рук.
Они пронзили тело воина, и многие
прошли насквозь, вбившись в плечо
Голгофа, усеяв лезвие и обух его топора и
пробив тыльную часть ладони. Жаркие
копыя боли присоединились к тучам от
ожогов, которые он и так едва мог
вынести.

Голгоф швырнул мертвого воина на
последнего стражника и переключил
внимание на среброкожего чародея. Это
был долговязый человек с удивленными
глазами, явно не воин. Он снял с пояса
короткий меч, но топор Голгофа разрубил

его клинок и обратным движением прошел
сквозь шею колдуня.

Голова откинута назад, держась на
клочке кожи, бледная, похожая на молоко
кровь брызнула из раны. Кожа колдуна
ссыжилась, магическая сила хлынула
наружу из тела, из разрывов в горячей
плоти вышли лучи синего света. Тело
распалось на глазах Голгофа, остались
только хрупкие обугленные кости, которые
упали на землю. Световые прутья затерцали
и потускнели, и внезапно клетка
полностью исчезла.

Голгоф увидел, как другие воины
бегут на помощь охранникам Трика, но их
было мало, и они не были подготовлены к
встрече с таким, как он. Он побежал к
шатру Трика, зарубая топором любого, кто
вставал на его пути. Женщины кричали,
мужчины были прокляты — выжившие
воины Голгофа потчались за ним, пробегая
сквозь палатки и прорубая путь сквозь
собравшуюся толпу.

Голгоф не обращал внимания.
Огромный шатер вождя нависал над ним,
тайные символы на нем горели от

насилия, творящегося столь близко. Голгоф перепрыгнул через один из костров, окружающих шатер, пинком отправил горшок с кипящим варевом в лицо воину, который его преследовал, и вдруг оказался у самой цели.

Он прорвал стену шатра, вернее, шкура сама разошлась в его руках. Внутри было темно, воняло потом, мясом, немытыми телами и дымом. Там что-то зашевелилось, и Голгоф различил людей, разбегающихся подалее от него --- наложниц и катанитов Трика, которые спасались от этого призрака бойни.

Голгоф шагнул внутрь, его ноздри наполнились густым дымом. Когда глаза приспособились к тьме, он увидел, что крышу поддерживают высокие столбы, с которых на глиняных сухожильных веревках висают трофеи --- кости и отрубленные руки. Сгнившие остатки старой еды лежали разбросанными по грязным мехам, которые покрывали землю, всюду лежали полусъеденные туши жаренных на вертеле животных и пустые глиняные бутылки из-под эля.

В центре шатра стоял трон вождя. Он был сделан из изрытой, потемневшей от времени кости — легенды гласили, что это были кости небесного кита, которого когда-то повергли предки племени. На троне восседала массивная лохматая фигура, сверкая во мраке темно-красными глазами.

— Слабокровный вождь Трик, — медленно проговорил Голгоф. — Я, Голгоф, пришел, чтобы возглавить Узутрудный Меч. Слишком долго Меч тупился. Я снова наточу его. Подчинись, и твое имя сохранится, хотя ты и погибнешь. Воспротивишься — и я сделаю так, что тебе не останется даже воспоминания.

Фигура улыбнулась, сверкнув в темноте яркими белыми зубами в невероятно широком рту.

— Ты слишком долго прожил вдали от моего города, безродный щенок. Ты ничего не можешь понять.

Голос был мрачный и густой, как патока.

Трик встал. Он был на две головы сильнее, чем Голгоф.

— То, что ты называешь слабостью — сила. Я мог бы дюжину раз завоевать племена, но растратил бы жизни своих сородичей из-за какой-то мелкой вражды. Горы Канис могли бы стать моими, и я бы заплатил за никому не нужное горное королевство кровью своих людей. Люди Меча — это не безмозглые варвары, которые воюют, чтобы пригнать своей жизни смысл. Я увидел иной путь. Когда мои покровители увидят, что я достоин, я стану богом, а Меч будет моим храмом. Ты и представить не можешь мои планы. Ты не можешь вообразить, что я знаю.

Грик был Затронутым. Не стоило удивляться — у тех, кого изменили ветры магии, разум зачастую был так же изуродован, как тело, а Грик был явно безумен. Но Голгоф ожидал старого, ожиревшего или слабого человека, возможно, хорошо натренированного, но не способного противостоять его мощи. То, что он был Затронутым, вносило элемент случайности — у Грика могло быть сколько угодно скрытых сил и деформаций тела. К тому же вождь был на своей территории.

Трик подошел ближе. Он сбросил с плеч толстые меха, и Голгоф увидел, что перед ним стоит огромное мускулистое существо. Лицо было плоское, как будто вдавленное, прямые черные волосы липли к лицу от жира и пота. С его ртом что-то было не так — уголков у него не было, он изгибался и уходил вниз по обеим сторонам горла, исчезая под многослойной одеждой из шкур и кожи. На лице Трика горели светящиеся ямы глаз, без зрачков, без радужки, без век.

Голгоф взвесил в руке топор, налезвии которого постепенно таяли серебряные иглы чародея. Он знал, что едва не утратил контроль в схватке у повозок. Теперь над ним стелось это ненавистное существо, эта пародия на человека, которая хвасталась, что использует Изумрудный Меч как оружие для достижения собственных целей. Он старался сохранить легкое сердце, не дать ему растаять. Ему надо было удержать свою мощь под контролем, хотя всю жизнь он выпускал гнев на волю, чтобы преодолеть все препятствия.

В руке Трик сжимал глефу с глинным древком и толстым рубящим клинком, который был стар и зазубрен от тысяч убийств.

— Я покажу тебе слабость, Голгоф. Ты поймешь, что такое слабость, когда упадешь на колени, моля о смерти.

Глефа рассекла воздух в руках Трика, который неуклюже подбирался все ближе. Голгоф напрягся, чувствуя, как лег внутри него тает. Быть может, именно гнев вел его вперед? Быть может, лишь ненависть могла победить?

Трик равкнул и обрушил глефу на пол, прорубив меха и вогнав клинок в землю. Голгоф взмахнул топором, целясь в торожжя, но тот оказался неожиданно быстрым и метнулся назад так, что он даже не разглядел движение. Тупой конец глефы врезался в грудь Голгофа. Он покачнулся, отступил назад и почувствовал, как тяжелый клинок, рухнув сверху, взрызся в обожженное плечо. Острое глефы прорезало стену из шкур, внутрь хлынул свет. При свете дня кожа Трика оказалась бледной и землистой. Вождь взревел, когда

Голгоф откатился от него.

От рева рот Трика полностью раскрылся. Он простирался от верхней губы до нижней части груди — огромная, мокрая, красная пасть, усеянная неровными зубами, с пульсирующим в глубине поблескивающим куском темной плоти. Голгоф с трудом поднялся, и Трик ринулся на него. Громадная пасть с мокрыми треском захлопнулась в одной лапони от его лица.

Голгоф мощно размахнулся, и монопокусил Трика в руку, лишь разгневав чудовищного воина еще больше. Трик ударил, и Голгофу пришлось отскочить назад, чтобы его не выотрошило. Он отбил еще один удар вождя и ощутил его звериную силу.

Трик был животным. Монстром. Невероятно сильный и столь же быстрый и смертоносный, сколь искаженный. В драке, в которую скатывалось их состязание, Трик победил бы лишь за счет силы и кровожадности. Этого не должно случиться. Шансы на то, что Голгоф хотя бы переживет путешествие через горы,

были крайне малы, но он добрался сюда, в шатер вождя, и встал перед своим врагом. Сейчас он не потерпит неудачу.

Контроль -- это главное. Грик -- зверь, он не владеет контролем. Голгоф может стать чем-то большим. И именно так Голгоф его убьет.

Он не разрубит живот Грика и не отсечет ему голову. Этот верзила слишком велик и могуч, чтобы Голгоф мог сразить его одним героическим ударом, как он отсекал головы более слабым в те дни, когда Крон еще не научил его, как стать выше.

Скорость, сила и точность, которые дал ему Крон, еще крепче слились воедино, стиснутые ледяными прутьями контроля. Голгоф загнал все свои инстинкты в клетку, где мог командовать ими, как солдатами. Он хотел вогнать лезвие топора в живот Грика -- и пообещал себе, что сможет это сделать, если будет терпелив. Его дух воина требовал сбить Грика наземь и растоптать его мутантскую морду -- Голгоф заставил голос умолкнуть и приказал телу

уборачиваться и парировать, пускать кровь и ослаблять оппонента, подливать масла к ярости и страданиям Трика, чтобы он совершал ошибки.

Вождь уже, похоже, затеделлся, взмахи глефы потяжелели. Голгоф встретил вражеский клинок топором и отвел его в сторону, разгадал возвратное движение и увернулся от него. Лезвие топора задевало кожу Трика, и с каждым порезом тот ревел, болтая жутко растянутой нижней челюстью и разбрасывая нити слюны. Голгоф парировал и наносил контрудары, топор так и порхал в его руках, а кровь Трика впитывалась в меховые ковры, и куски срезанной кожи свисали с тела вождя. Трик был в ярости, каждая рана делала его все злее, гнев и боль затмевали его рассудок. Он снова и снова атаковал и колотил глефой, но только промахивался и уставал, в то время как Голгоф сдерживал себя и медленно, терпеливо выпускал кровь врагу.

Голгоф знал, что за нити наблюдают другие, глядя сквозь разрывы в стенах

шатра — воины Трика и даже выжившие представители его собственного отряда. Они знали, что лучше ил не вмешиваться. Трик ни за что бы не простил того, кто одержал бы победу вместо него, и никто не хотел рисковать, помогая Голгофу, чтобы не оказаться вдруг на стороне проигравшего. Битва превратилась в поединок, и только одному суждено было победить.

Трик уже почти повалился на колени. Голгоф шагнул в сторону, уходя от неуклюжего выпада, и рубанул сверху вниз. Мопор вонзился в заднюю часть бедра и перерубил сухожилие. Вождь рухнул, тяжело дыша, как истощенная лошадь. Его лицо было затянато стеклянистой пленкой пота, красные глаза потеркли и кровоточили. Силы покинули его, и клинок элфы опустился к полу. Он поднял взгляд на Голгофа, стоявшего над ним.

Он увидел в его глазах не ненависть и не ярость. Это был контроль.

Голгоф вознал мопор в затылок Трика и разрубил позвоночник там, где он присоединялся к черепу. Контроль.

Несколько мгновений Грик пытался подняться, словно думая оправиться от смерти и сражаться дальше. Потом последние капли энергии покинули его, и чудовищная туша повалилась на пол, испустив последний хрип из похожего на пещеру рта.

Повисла тишина. Воины и люди племени, собравшиеся рядом с шатром, задержали дыхание, когда Грик умер, не в силах поверить, что это правда. Теперь их вождь был мертв.

Голгоф знал, что они могут убить его сейчас, если захотят. Это ничего не значило. Грик умер. Узурпудный Меч получил шанс выжить. Он сделал свое дело.

Всю свою взрослую жизнь он так или иначе планировал эту победу. Может быть, это было заклинание разума, которому его научил Крон, но Голгоф по-прежнему чувствовал холод внутри. Пустота в душе, которую он мечтал заполнить триумфом, нигде не делась. Может, он сделал нечто большее, чем убийство человека?

Узурпудный Меч все еще мог

разложиться и распасться. Горные народы
могли разойтись и никогда не стать
едиными под властью Меча, только
чтобы их поглотила империя леди
Харибди или какая-нибудь другая сила,
которая придет после нее. Даже
воспоминание о Стрельчатом Пике увянет
и превратится ничто, растворится в
сторях легенд Торвенгуса.

Голгоф мог умереть в этот самый
миг и все равно он соткал историю,
достойную рассказов. Но долго ли она
проживет? Когда о жизни человека больше
не рассказывают историй, тогда он
утирает пот-настоещету. Величайшие
легенды подарили своим создателям
вечную жизнь. Может быть, Голгоф
станет чем-то большим, чем еще один
убийца?

Он вышел из шатра. Резкий
солнечный свет почти что причинял боль.
Жители города Трика пялились на него, на
этого окровавленного воина с обугленной,
сочащейся сукровицей рукой и сплившимся
от крови волосами, который моргал на
свету.

Нет. Это больше не был город Грика.

Голгоф увидел в толпе Хата, один из глаз которого опух так сильно, что закрылся, и был покрыт коркой запекшейся крови.

--- Собери людей со сторожевых башен, --- приказал Голгоф. --- Уберите шатер, и пусть они найдут где-нибудь место, подходящее вождю. И позови целителей, чтобы все в крови и изранены.

Хат кивнул, повернулся и начал выкрикивать приказы. Голгоф, хромая, подошел к Тарну, который все еще сжимал по влажному кинжалу в каждой руке, с лицом, забрызганным кровью полудюжины людей. Должны были остаться старейшины и приемыши, которые все еще верны памяти Грика. Тарн был замечательным средством справляться с подобными препятствиями.

Да, новому вождю Узутрудного Меча предстоит многое организовать.

Пракордиан, как решил Фаздос, оказался полезен.

Хотя его преданность пантеону

Хаоса вызывала сомнения, умение
Пракоргуана говорить с мертвыми
наконец-то навело ковен на четкий след
отступника. Семь дней назад болтеры
Несущих Слово и меч самого Фаздоса не
оставили в храме ничего живого, но даже
смерть не могла замолчать того, что
хотел услышать Пракоргуан.

То, что послушник уже был убит, не
остановило его — фактически, это делало
все легче, потому что у мертвеца было
мало средств обороны. Колдовство
заставило губы открыться и говорить,
приказало дышать разорванным легким и
вспоминать — превращенному в пульт
мозгу. На каменном полу храма, под вздохом
леса цепей над все еще дымящимися
разорванными знаменами, Пракоргуан выяснил
правду.

Тот, с кого они решили начать, был
низкопоставленным, но его тело
сохранилось лучше всего. Пули попали в
живот и разорвали хребет, однако верхняя
часть тела осталась относительно
невредимой. Пракоргуан пробормотал
заклинания, слова которых не могли

произнести более слабые люди, сделал на
телом сложный жест и соткал чары,
которые вытянули оскверненную душу
послушника обратно из мира мертвых
Торвендуса.

Это была форма пытки через
посредство трупа — хотя и существовали
вещи более страшные, чем выглядывать
наружу из гробницы мертвой плоти, их
было не очень много. Послушник в ужасе
забормотал о кошмарных снах, где
удовольствие становилось болью и
наоборот, о тайной войне, бушевавшей в
разуме каждого слаанешита между
требованиями бога и их собственным
человеческим достоинством. Это многое
поведало ковену об опасностях, которые
таились в вознесении одной силы Хаоса
над другими. Самой сущностью Хаоса
была анархия, любая сила могла усиливаться
или пойти на ущерб, и поклясться в
верности какой-то одной значило предать
свою душу разложению и безумию. Но в
этом бреду можно было отыскать правду,
пока мертвая душа распадалась в оковах
заклинания Пракордиана.

Послушник знал немногое. Храм был форпостом веры, эпицентром, от которого распространялось поклонение Слаанешу, питающее леги Харибдию. Верховный жрец храма, дегенерат по имени Црво, обладал не слишком большим влиянием за пределами странной шелковой клетки своего святилища. Жертвоприношения, грубое чувственное колдовство, прорицание на крови и агонии — все это было типично для зашоренных, непросвещенных существ, которые населяли империю леги Харибдии.

Но было кое-что еще, скрытое в глубинах безумия утирающего духа.

Несколько дней назад скованный дегмон-посланник принес приказ, который отдала сама леги Харибдия, и наделенный поэтому наивысшей важностью. Космический корабль незваным прибыл на планету и сел в безлюдной местности по ту сторону гор. Он был мал, но являлся чужаком, захватчиком. Приказ гласил, что все храмы должны давать приют всадникам, которые отправились исследовать это нарушение.

Было много подобных приказов, распоряжений, навязываемых праздников, новых и порой загадочных законов, а то и просто обрывков мыслей леги Харибди, которые распространялись во благо ее подданных. Но эта крупница информации засела в умах воинов ковена, как добыча в ловушке.

Костический корабль, которого не должно быть здесь.

Карнүлон.

Это было, пожалуй, даже лучше, чем если бы отступник попался им на глаза. Несомненно, он мог практически одним усилием воли менять свой облик, и хотя костические десантники достигают трех метров роста и весьма широкоплечи, магия Карнүлона наверняка придала ему пропорции обычного человека. Можно было снять боевое снаряжение десантника Хаоса, замаскировать шрамы от имплантатов и стереть все признаки истинной сущности Карнүлона. Но спрятать костический корабль было труднее.

Капитан Атакир послал Фаздоса,

Скарлана и громадину Врокса на поиски этой первой улицы. Сам же Амакир с Макело, Пракордианом и Феорканом остались в храме, чтобы выявить иные аномалии в магической атмосфере Торвенгуса.

Скарлан был солдатом и никем больше. Врокс был чудовищем — хоть его и благословил Хаос, даровав ему совершенно особый вид порчи, но он оставался монстром с интеллектом монстра. Поэтому командовал Фаздос.

В один день Фаздос возьмет в руку проклятый крозиус Эмиссара Несущих Слово и станет боевым капелланом Темных Богов, что вселяет их величие в своих братьев. Ему придется потратить столетия, оттачивая свои умения в боях и медитируя на тайны Хаотического пантеона, но лишь успешно выполняя задания, подобные этому, он добьется внимания и благосклонности легиона.

На склоне дня Фаздос перебрался через последний гребень и увидел то, что лежало к востоку от гор Канис. Это

походило на открытую рану земли.
Бұлькающие и дымящиеся просторы болот,
ландшафт, состоящий из сплошного
разложения. Когда-то в прошлом
Торвенгиса сила Хаоса, притягивающая
этот мир, потянула чуть сильнее, и,
словно весенний паводок, на планету
хлынула скверна и напитала собой землю.
В отдалении бұрлили стоячие озера.
Задүшенные и исковерканные деревья
выделялись черными силүтатами на фоне
пелены болотного газа. Земля была
пропитана влагой, тонкие полоски
стабильной почвы уступали место зыбкой
трясине, и все вокруг было подернуто
дымкой из бұроватого тумана и роев
насекомых.

Данные о Торвенгисе
свидетельствовали, что эти болота были
населены, и Фазгос мог лишь вообразить,
что за выродившиеся и жалкие сүщества
здесь жили. Есть тут было нечего, кроме
ряски и вездесүщих болотных ящериц,
укрыться было негде, кроме как под
гниющими ветвями упавших деревьев, еще
не поглощенных тоной. Фазгос смотрел

вниз со скалистых склонов над краем болота, и даже досюда доносилось затхлое и влажное зловоние трясины.

Серо-бурые болота простирались так далеко, насколько мог видеть Фаздос своим улучшенным зрением, и таяли вдаль. Для большинства обитателей Торвенгуса это зрелище означало границу пригодного для жизни мира. Поэтому здесь было хорошо прятаться.

— Есть что? — донесся из voxа голос Скарлана. Фаздос бросил взгляд на скалы и увидел облаченную в красные доспехи фигуру Скарлана, который рыскал там, где катни встречались с болотом, держа наготове болтер.

— Пока ничего. Оставайся на связи. Хвала всему.

— Хвала всему.

Удовлетворенный, что рядом нет никакой непосредственной опасности, Фаздос кивнул. Врокс неуклюже перевалил через гребень позади него, выпучив из глаз увеличивающие линзы. Фаздос двинулся вниз, внимательно рассматривая болота. Если там, внизу, действительно был

корабль, то его могли поглотить болота или даже утащить мародеры. Если они отволокли его в средоточие скверны, то и Несущим Слово будет не пог силу его отыскать. То, что это было предположительное местонахождение корабля, вовсе не означало, что он по-прежнему здесь.

Камень под ногами Фазгоса стал крошиться и уступил место краю болота. Бронированные сапоги погрузились в почву сначала по лодыжку, потом по колено. Брокс бродил по топю, распахивая губчатую землю и выпуская потоки жирного болотного газа. Пара выбросов вспыхнула, огонь без всяких последствий прошел по биомеханической коже. Фазгос позволил своим авточувствам просканировать болезненный ландшафт, пытаясь отыскать силуэт, чуждый этим изломанным деревьям и вспученным холмиком заваленной буреломом земли. Бледным пологом над болотами висел туман, от которого солнца над головой выглядели светящимися пятнами. Единственными звуками были шаги

фаэдгоса и Врокса, жуужжание
сервомоторов и отбратительное
хлюпанье, с которыми трясина поглощала
призрачные очертания поваленных
деревьев.

--- Возможный контакт, --- донесся
голос Скарлана. --- Есть артефакт.
Посылаю координаты.

На авточувствах фаэдгоса,
проецирующих изображение прямо на
сетчатку, отобразилось двойное
перекрестье. Фаэдгос уставился в этом
направлении и различил среди гнили
крошечный темный отблеск. Он увидел в
нескольких сотнях метров от себя
Скарлана, который направил болтер на
артефакт, и пошел к нему вместе с
топающим позади Вроксом. Вскоре
фаэдгос увидел, что эта аномалия ---
имеющий форму слезы металлический
объект с ребристыми боками,
двигателями в задней части и глиняными
горизонтальными иллюминаторами,
похожими на глаза рептилии.

Это был транспорт, построенный до
Ереси, как те, что гнездились на

громадных капитальных кораблях-налетчиках Несущих Слово. Он был рассчитан на одного человека, но при этом в его округлом корпусе хватало места, чтобы устроить роскошные покои. Вне сомнения, он принадлежал Карнүлону, ибо только у того, кто служил в Легионе со времен Ереси, мог быть такой личный корабль. Приземлился он жестко, под небольшим углом, и оставил за собой глубинную борозду, которая заполнилась солоноватой водой. Более всего он напоминал огромного металлического кита, выброшенного на берег.

Фаздос приблизился к люку в бок корабля, держа болтер наготове, и увидел, что тот открыт. Карнүлон, видя, что покинул корабль, ему было все равно, что его могут разорить обитатели болот, и это ясно указывало на то, что, каков бы ни был его план, Карнүлон был всецело предан ему и не собирался возвращаться.

Скарлан стоял у двери, прижавшись спиной к боку корабля, готовый развернуться, ворваться в люк и обрушить огонь болтера на то, что могло

поджигать внутри. Фаздос подошел с другой стороны и заглянул сквозь люк в непроглядную темноту.

--- Вперед! --- скомандовал он и, пригнувшись, запрыгнул в люк. Скарлан отправился следом. Оба прикрывали все углы, с которых на них могли напасть.

Аугментированное зрение Фаздоса прорезало темноту. Он сразу же отметил, что Карнунон убрал все палубы и переборки, так что только двигатели остались отделенными от основного пространства, похожего на пещеру и освещенного светящимися шарами, что висели высоко вверху и походили на звезды на ночном небе. Корабль такого размера обычно имел три-четыре палубы, разделенные на личные покои, мостик, арсенал, каюты и многие другие помещения, какие только мог вместить владелец. Но у этого корабля было только одно помещение, огромное и темное, и все оно было завалено плодами десяти тысячелетней одержимости колдовством.

Всюду грохотались огромные кучи

книг, некоторые --- с обложками, стянутыми зачарованными цепями, чтобы знание не вытекло из них внутрь, другие напояли лопнувшие стручки и лежали в кипе отдельных страниц. Высокие шкафы, местами шатко опиравшиеся друг на друга, хранили в себе трофеи и сувениры с множества сражений --- черепашьих, как звероподобные, так и изящные, сохранные кожи со сложными хирургическими узорами или кричащими татуировками, необыкновенное оружие зверского или художественного вида, а то и обоих сразу. Здесь были захваченные знамена, вытканые из золотых нитей, куски обожженного металла, вырванные из титанов, мозги псайкеров, законсервированные в банках, и потемневшие от возраста реликвии, награбленные в имперских церквях.

Вокруг обгоревших алхимических алтарей стояли полки с бутылками и колбами с хитикатами. Узкие мостки высоко наверху соединяли друг с другом головы колоссальных статуй.

Фаздос включил сканер аусника.

экран запульсировал, но не показал ни одного яркого огонька жизни. Они со Скарланом начали бродить по этому лабиринту хлама, проходя мимо птичьих скелетов в усеянных драгоценными камнями клетках и прибитых повсюду исторченных отрубленных рук. Потолок высоко наверху походил на стальное небо с электрическими звездами, от которых везде расходились странные ломанные тени.

--- Врокс, стой на часах снаружи, --- сказал Фазгос по воксу. Вспыхнула ружья принятого приказа. Не годится пускать сюда верзилу-облитератора, который будет лезть по кораблю и ронять весь этот мусор и на головы.

--- Тут есть каменная пирамида, --- сообщил Скарлан. --- Тридцать метров высотой. Похоже, он сам ее построил, блок за блоком. Я сейчас проверяю ее.

Скарлан полез на пирамиду, в то время как Фазгос сканировал на наличие жизни беспорядочно расставленные грязные деревянные устройства для пыток. Все это явно доказывало, что Карнулон сошел с ума. Любой Несущий Слово, особенно тот,

что погружался во тьму колдовства, должен был облагать железной дисциплиной разума. Сам Фаздос, чтобы понять Хаос, провел бесчисленные часы в медитации, слыша голоса в голове и чувствуя незримые руки, которые тянули его душу. Карнүлон некогда достиг такого уровня просветления, о котором Фаздос едва остеливался мечтать, но этот корабль был свидетельством того, что жизненно важное равновесие в разуме Карнүлона было нарушено.

Хаос могуч, Хаос великолепен. Но он к тому же непредсказуемо опасен, и самой большой его угрозой является безумие. Фаздос слышал эти голоса, зная, что не должен верить им всем, и наградой ему стала десница быстрее, чем молния, и место в избранном ковене капитана Атакира. Карнүлон же впал в безумие, а когда знание Несущего Слово сочетается с сумасшествием, этот Несущий Слово должен умереть.

— Я кое-что нашел, — воксировал Скарлан. — Он точно тут был.

Фаздос пробежал между

почерневшими деревянными дыбати и
окованными бронзой железными гевати к
перевернутой каменной пирамиде. На
каждом блоке были вырезаны странные
чуждые письмена. Скарлан стоял на
верхнем уровне и махал рукой, подзывая
фаэдоса.

Вершина пирамиды была плоской, на
ней был начертан круг, почерневший от
старой крови.

Кусочки высохшей плоти были
разбросаны по всей каменной поверхности и
набивались в борозды, прочерченные
ногтями. Обрывки кожи, осколки кости. В
самом центре — гонехи.

В высохшей луже крови лежали
разобранные на части гонехи Карнүлона.
Багряный кератит был украшен резным
нефритом и покрыт глазами, сотнями
глаз, которые слепо таращились с груди,
предплечий и наплечников. Увлечение
колдовством исказило тело и броню
Карнүлона до такой степени, что он мог
видеть этими глазами, как своими
собственными — но теперь они иссохли и
утерли. Боевой нож, сделанный из

завзубренного клыка чудовища, лежал рядом с тяжелым нагрудником и болтнпстолею с золотыми накладками.

--- Это его, --- признал Фаздос. ---

Узнаю эти вещи по гинно-брифингу.

--- Согласен, --- ответил Скарлан. --- Но почему он снял доспех?

--- Маскировка. Не хотел, чтоб его узнали. К чему бы он не стремился, это надо сделать в одиночку и тайно.

Доспехи сплавились с его кожей, так что Карнүлон представлял единое целое со своим снаряжением. Их снятие было чревато чудовищными муками от того, что кожа и мышцы, тысячи лет скрывавшиеся под броней, открылись воздуху. Кровь и плоть были свидетелем того, что Карнүлону пришлось сделать с собой, чтобы согнать свои доспехи, и такая пытка серьезно ослабила бы даже костического десантника Хаоса. Фаздос знал, что есть и более древние Несущие Слово, чьи доспехи переваривали пищу и даже дышали вместо них. В любом случае, лишение брони делало десантников более

уязвимыми, чем подобает посланцам Хаоса.

Только крайняя необходимость могла заставить Несущего Слово сделать такое с собой. Но Карнүлон больше не был Несущим Слово, он стал отступником, диким животным, которое надо уничтожить для блага легиона.

Для Фазгоса само существование Карнүлона было оскорблением, ибо символизировало отказ от всего, что он так долго пытался достичь. Любимый Несущий Слово на его месте чувствовал бы то же самое. Когда Алакирү доложат, что Карнүлон действительно на Торвендисе, когда ковен выследит этого пса, Фазгос будет горд приложить руку к его смерти.

К югу от владений леги Харибдиин, между горами Канис и южными океанами, простиралась пустыня. Как и все на Торвендисе, она не всегда была такой --- всего лишь несколько веков тому назад здесь находился влажный тропический лес, где росли хищные деревья, которые ловили путников, связывали их своими корнями и

держали в качестве биологических работ. Здесь собирались стаи гниющих пернатых тварей, настолько плотные, что затмевали небо. Но джунгли, огромные леса, населенные голодной жизнью, ушли на юг и восток, забившись на неверные уступы изломанных полуостровов, и после них осталось полное запустение.

Земля, оставшаяся после деревьев, настолько высохла, что окатенела и растрескалась от жары. Пустыня представляла собой плоский простор из горячего камня песчаного цвета. Иногда шли каменные дожди, и гигантские валуны лежали там, где рухнули с неба. Тусклое свечение из трещин в земле говорило о том, что прямо под ней пылает нестерпимый зной, который порой прорывался наружу и выжигал пустыню огненным потоком.

Эта земля была не просто сухой или враждебной, хотя и такой она тоже была. Пустыня была злой. Даже когда в небе горело только одно солнце, жар омывал бесконечный растрескавшийся камень под ногами и высасывал жизненную силу из

всего, что забредало сюда. Земля все еще голодала, унаследовав голод от прожорливых тварей, которые покинули ее. Кроме одиноких скелетоподобных птиц-падальщиков и быстроногих ящериц, которые сновали между клочками тени, здесь, похоже, ничего не обитало. Разумеется, продолжительность жизни обычного человека в южной пустыне Торвенгуса равнялась бы лишь жалким нескольким часам.

Мужчина, которого некоторые называли Крон, и который в настоящий момент удовлетворялся этим именем, не был обычным человеком, причем уже довольно долгое время. Он чувствовал, как пустыня пытается высосать из него жизнь через подошвы ног, но он был слеплен из прочного теста и не обращал внимания на ее голод.

Он подобрал мантию и закрыл затылок и шею от жара трех солнц, пылающих в розово-лиловом небе. Он был рад избавиться от теплой одежды, которую носил в горах и выбросил даже походные сапоги, потому что, хотя путь

от города Трика до этого места был
долгим, Крон не прошел его пешком.
Колдуньи редко куда-либо ходили.

В отдалении виднелась его цель.
Среди тяжелых валунов, которые
случайным образом упали там и сям,
впереди возвышалось образование, которое
выделялось тем, что его могли
воздвигнуть здесь намеренно. Оно было
асимметричное и уродливое, как и все
остальное в этом месте, но огромные
каменные колья, торчащие из земли,
вполне могли сойти за колонны, а камни,
раскиданные вокруг них, походили на
границу, выделяющую территорию храма.
Если посмотреть под правильным углом,
то та глинная слоистая каменная плита
становилась упавшей перемычкой, а грубые
четырехугольные куски скалы ---
остатками рухнувшей стены.

Крон понимал, почему это место
было затерянным. Сначала его задушили
плотоядные джунгли, потом похоронила в
себе не менее гиблая страна огня и
смерти, и те немногие, кто видел его за
последние тысячелетия, наверняка не

обратили внимания на еще одну груду катней. Но Крон был именно тем человеком, что уделяет внимание миру вокруг себя, и как только он увидел эти катни, у него не осталось сомнений, что это именно то, что он ищет.

Он ловко перебрался через катни, отмечая внешнюю границу — хотя Крон был и не молод, но так же подвижен, как и всегда — и осмотрел внутреннюю часть обрушившегося храма. Он знал, как тот выглядел раньше, и не был удивлен, что храм обветшал и разрушился, ибо также представлял себе, что в нем скрывалось и для чего он был построен.

Крон проговорил несколько слов, не предназначенных для человеческих уст, ощутил их силу, почувствовал, как корчится его душа от скрытой в них порчи. Земля под его ногами задрожала, не от силы, но от страха, и фрагменты катней посыпались вниз. Крон глубоко вдохнул, вспомнил, как давным-давно применял эту силу для совершенно иных целей, и вытолкнул последний слог.

Земля раскрылась, как часовой

механизм. Машины, которые сделали это, были очень стары. Огромные куски грунта поворачивались под пронзительный визг металла, трещащего о камень, что доносился далеко снизу, каменные колонны погружались, как рычажки в затке, огромные противовесы из черного металла высканивали из-под земли на глиняных стержнях. Круглый участок, на котором стоял Крон, согнулся и начал опускаться. Это была платформа пятидесяти метров в поперечнике, ползущая вниз по глубокому темному колодезю. Вокруг Крона тяжело гудели колдовские механизмы, темнота заполнялась шестернями, и раздавался ритмичный грохот титанической заводной машинерии.

Прошло много долгих минут, и стены колодца исчезли — платформа прошла сквозь слой металла и машин в открытый простор. Вокруг царила непроглядная тьма, внизу виднелась парящая в воздухе твердь, состоящая из холодного металла. Когда Крон погрузился еще глубже в этот прохладный подземный мир, он смог

различить вдали громадные изогнутые стены, уходящие вверх и вниз. Эта полость была сферой примерно десяти километров в диаметре. Глаза Крона многое повидали, и поэтому он не был шокирован, но даже его впечатлил невероятный размер подземелья. Каменный круг, на котором он стоял, падал во тьму, как малая крупица света, к структуре, раги которой эта сфера была построена.

Едва различимая паутина кабелей поддерживала платформу в центре шара, которая была больше, чем мог быть город на менее безутном мире, не меньше пяти километров в ширину. На этом громадном височет плато находился комплекс храмов и пиратиг, некрополей и склепов, выстроенных из черно-голубого металла, который странно блестел под светом, сочащимся сверху. Мосты пересекали улицы, похожие на каньоны. Шпили, как угловатые пальцы, тянулись к открытому входу, превратившемся в крошечный кружок манящего света далеко наверху. Здания доходили до самого края платформы, сохраняя строгий порядок.

который говорил о том, что город был создан для определенной цели, не для того, чтоб в нем жили. В центре металлического города была широкая площадь, окруженная искусственными реками из ртути, и в ее середине возвышалось скопление зданий.

Платформа, на которой стоял Крон, достигла безмолвного металлического города и рассыпалась каплями ртути, оставив его на широкой улице из полированного железа. Металл испускал легкое серо-голубое мерцание, это была сила, испаряющаяся с каждой гладкой поверхности. Он был бледный и холодный, и там, где его касались пальцы, появлялись кольца сконденсировавшейся влаги.

Крон был рад мысли о том, что даже после всех этих лет он не утратил способность к изумлению, ибо этот город-храм был удивителен. Это был памятник отчаянию, которое некогда властвовало над планетой. Ужас заставил население целых стран трудиться на строительстве этого храма и познавать страшные секреты для того, чтобы

создать его, требовал несказанных жертв, дабы Темные боги оставили его неоскверненным. Эти люди были действительно напуганы.

Крон очень хорошо знал, что такое истинный страх — он чувствовал его вкус в этом металлическом воздухе и видел его в тускло-голубом сиянии зданий.

Здесь, внизу, было тихо, и шаги Крона отдавались эхом, когда он мягко ступал по улицам. Погребальные комплексы были выстроены из стальных плит, над ними нависали монументальные безликие статуи. Крон обонял запах древности и видел ужас в громадных механизмах, движущихся в тених над головой.

Он добрался до центральной площади, перешагнув через геометрические каналы, где текли ручейки ртути. Площадь была в сотни метров шириной и совершенно пуста, если не считать скопления зданий в середине. Все остальное открытое пространство было разделено пересекающимися речками ртути, а на краях поднимались пять высоких башен, напоминавших пальцы когтистой руки.

Здания в центре были покрыты гравировкой из необычных букв с множеством прямых линий. Глаза обычного человека начали бы кровоточить, посмотрев на них, ибо это были строжайшие из предупреждающих знаков и вместе с тем сложные и могущественные магические обереги. Крон знал языки, на которых никогда не говорили люди, среди них и это древнее девятистрочье, и знал, как уберечь свою душу от их мощи. Но говорить на них, конечно, было совершенно иное дело.

Руны засветились, как только Крон начал говорить. Его язык горел, он чувствовал, как кожа губ трескается от жара, но он творил такую могущественную магию раньше и мог вынести боль. Когда вспыхнул плащ, он стянул его с плеч и бросил наземь, не пропустив ни слова.

Это были темные и опасные слова. Они говорили о силе и боли. Их никогда не записывали, потому что тогда бы они ожили и сбежали со страниц.

В легких горел огонь. Руны стали

такими яркими, что смотреть на них стало почти невозможно, и испускали волны чудовищной силы, пытаясь противостоять обратному заклинанию Крона. Здания тряслись от заточенной в них мощи, которая грозила вырваться наружу. В глубинах металлического пола все затрещало и загрохотало, словно гром, зашипела кипящая и испаряющаяся ртуть.

Крона теснило назад, но он продолжал стоять. На него напирал раздувающийся пузырь энергии, пытающийся прогнать его из сердца города-гробницы. Теперь он уже кричал, языки пламени вырывались из рта, каждый вздох обжигал и обжигал горло. И в ответ ему взревел голос, доносящийся из-под города, голос, который никто не слышал на протяжении тысячелетий.

С громовым лязгом металл разлетелся на части. Крон воздвиг вокруг себя ментальный щит, и раскаленные добела осколки взрывались всюду вокруг и растекались потоками расплавленной стали по его защитной сфере. Он почувствовал, как выплеск энергии

отшвырнул его назад, и увидел здания, проносящиеся мимо. Крон врезался в стену на краю города-платформы и отчаянно ухватился за нее. Кожа на пальцах прикипела к горячему металлу, мимо через край, подобно водонаду, посыпались обломки. Гул вокруг был настолько громким, что он его даже не слышал, сознание блокировало его стеной белого шума.

Когда свет угас, Крон подтянулся и залез обратно на платформу из раскаленного металла. Руки и ноги были прожжены до мышц, но он уже переносил подобные травмы. Он чувствовал, как пульсируют его тело, видел, как вытекает его кровь. Несколько ожогов ничего не значили для человека, который пережил столько, сколько Крон.

Клубы дыма постепенно рассеялись во мраке, открыв огромный, светящийся от жара кратер на месте площади. Город вокруг был выжжен и оплавлен, башни превратились в пузырящиеся обрубки, мосты — в тонкие нити, готовые рухнуть на пепелища. Реки черно-пестрого

расплавленного металла ползли к центральному кратеру, где взрыв открыл помещение, спрятанное внутри платформы. Оно походило на лопнувший абсцесс в металле, и там было нечто, впервые явленное взгляду с тех пор, как страх и отчаяние смогли заточить его здесь.

--- Сгноить плоть и расколоть кости!
Вскипятить кровь, сломать хребет! Свет!
Вся боль свету!

Голос был чудовищной какофонией, как будто одновременно играла тысяча инструментов, и все расстроенные. Он наполнил громадную сферическую полость и отдался эхом от далеких металлических стен. Острые глаза Крона, куда острее, чем у обычного человека, пронизали жаркое тारेво и разглядели существо, которое он пробудил и выпустил на волю.

--- Ярость. Я полню такую ярость, подобную стене огня...

Демон глубоко вдохнул, оправляясь от шока освобождения, грудь заходила ходуном. Он был в тридцать метров

высотой, величиной с боевой титан. Серая
плоть, бугрящаяся мышцами, поблескивала
в отсветах кратера. Сердце представляло
собой выпирающее из груди месиво из
бронзовых механизмов, где двигались
клапаны и скрежетали друг о друга
шестерни, поршни торчали из бицепсов и
бедер, а питали их дымящие тонки, что
визжали в его спине. На плечах развернулись
крылья из толстой кожи, натянутой
между стальными ратами, и существо
встряхнуло огромной, похожей на
лошадиную головой, заскрежетав
мясистыми жвалами. Влажные красные
щели его глаз загорелись гневом и
радостью.

— Как велико было желание,
заточившее меня, какое страдание я
испытал. Столько крови! Какой поток
ненависти!

Чудовище сжимало и разжимало
когтистые руки, вдыхая сернистый воздух.
Оно ударило предплечьем по изорванному,
оголенному металлу своей клетки и
установилось на густую дымящуюся
демоническую кровь, растекающуюся по

коже. Высоко подняв руку, оно позволило каплям падать на свое лицо, глаза, в рот и заревело от жажды насилия.

--- Кровь! --- был демон сам себе. ---
Кровь! Боль!

Стоя у края кратера, Крон заговорил колдовским голосом, который, как он знал, был неслышен для монстра.

--- Добро пожаловать обратно, ---
сказал он.

--- Кровь для Кровавого Бога! --- взревел
Селл Ш'Карр.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Хотя и нет легенд, где излагалось бы достаточно деталей, чтобы воссоздать по ним лик Арзүлеона Века, известно более чем достаточно подробностей о боевом снаряжении, которое некогда защищало его тело и убивало в его руках. Все, к чему прикасался Век, само по себе становилось легендой.

Песнь Резни, скакун угольно-черного или мертвенно-белого цвета, что зависит от рассказа и рассказчика, был быстрее света и испускал огонь из глаз, а его кожа (или чешуя, или перья) могла отбивать толпы.

Доспех Века был не просто частью его облачения, но верным слугой и обязательным телохранителем, более проницательным, чем большинство смертных командиров. Он давал Веку советы и, как говорят, много раз спасал его жизнь и с честью проходил испытания во многих победоносных боях, постоянно рискуя быть уничтоженным при защите

полубожественного тела своего хозяина.

А еще у него было оружие. Ни одной библиотеке не под силу вместить тома с легендами, которые повествуют о многочисленных видах оружия, которыми Век владел на протяжении своей долгой и внушающей ужас жизни и во время борьбы с Последним. И если все эти истории — правда, то Век менял вооружение так же часто, как Торвендис меняет свои солнца, и все же в каждой из них должна быть доля истины. Они повествуют о луке, который был согнут из хребта дракона и выпускал стрелы, увенчанные его же зубами, о биче из шипастой цепи с золотыми звеньями, о мече из чистейшего изумруда, который в разгар битвы выколол глаз Последнего, и о тяжелых, покрытых шипами латных перчатках, с помощью которых Век вырывал из земли горы и метал их в своих врагов.

Многие правители Торвендиса похвалялись, что владеют одной или многими из этих вещей, и многие из них, как считается, были правы. Несомненно, что колдовской посох, откованный Веком

из расплавленного ядра Торвендуса, принадлежал самозваному Понтифику Инфернуму, который использовал его, чтобы вскипятить южный океан и очистить полушарие от всех живых существ. Щит, которому поклонялись Багровые Рыцари, чье безумное правление длилось один век, почти наверняка был тем самым, что отражал огненное дыхание Последнего, или, по крайней мере, его фрагментом. И на каждый такой артефакт приходится сотня фальшивок, какие-то из них — шедевры, которые те, кто их нашел, считают святынями, а другие — намеренно созданные подделки.

Все, что считается затронутым рукой Арзүлеона Века, становится чем-то священным, источником силы, который сияет невидимой благодатью Хаоса. Такова мощь легенд на Торвендусе. И хотя есть много мечей, копий и даже частей тела, которые описываются как принадлежащие Веку, существует куда больше легенд, чем соответствующих им артефактов. Поэтому разумно предположить, что какие-то вещи

Арзүлеона Века все еще лежат где-то на Торвендисе и ждут, пока их найдут, или содержатся в секрете тели, кто боится силы, что может таиться в них.

Голгоф выдел немногих таких существ, и только с расстояния, и все же он понял, что это за тварь. Она выглядела похоже на женщину и, наверное, могла замаскироваться под женщину, если бы ей дали возможность — но она была связана колдовскими цепями из метеоритного железа и стенола на земляном полу шатра нового вождя, и было ясно, что это существо никогда не было смертным.

На безносом лице выделялись глаза втрое больше человеческих, лишённые зрачков и имеющие красный оттенок, вместо волос у него было нечто вроде гребков из плоти. Кожа была бледного сероголубого цвета, спереди по туловищу тянулись ряды гермафродитских гребней, стопы походили на птичьи лапы, обтянутые кожей ящерицы. Кистей рук не было, вместо них торчали глинные, зазубренные роговые когти.

Таких существ называли

демонеттами, и Голгоф знал: это обманчивое имя, которое создавало впечатление, что они — уменьшенные версии чего-то более смертоносного. На самом деле это были огни из самых свирепых созданий, которых когда-либо видел Торвендис. Они убивали порчей и похотью так, как люди убивают клинками. Говорили, что демонетты — инструменты Бога Наслаждений, той же декагентской силы, которой поклонялись орды леги Харибгии. И это требовало задаться вопросом: что она тут делала?

— Мы нашли это в зареме Трика, — сказал Тарн, который привел эту необычную пленницу новому вождю Узутрудного Меча. — Другие жены пытались защитить ее. Миккрос потерял глаз.

Но крови, запекшейся под его ногтями, Голгоф понял, что Тарн принял меры, чтобы ни одна из этих женщин не угрожала больше людям вождя.

— Они сказали, для чего она была нужна? Кроме очевидного.

Тарн пожал плечами.

--- Они сказали, что это была любимая наложница Трика. Он держал ее за треном в этих цепях. Как домашнее животное.

--- Что за человек держит демона, как животное?

--- Может быть, в нем был демон. Может, он управлял им.

Толгоф поразмыслил. Инстинктивно пришла идея спросить Крона --- но колдун последний раз видели до битвы с Триком, а потом ни разу. Кроме того, Толгофу следовало научиться жить без его советов.

Потом ему пришло в голову вот что. Демон не был ни хозяином, ни даже питомцем. Что, если это был подарок? Могло ли это означать заключение некоего пакта между Триком и богом похоти, или даже самой леги Харибдией?

Толгоф выбежал из шатра, Тарн поспешил за ним. Он приказал трем воинам изрубить демона, если тот произнесет хотя бы звук, и направился к деревянной хижине на краю кочевого города, которую заново отстраивали после каждой миграции, чтобы там жил кабал

колдунѳв Грика. Эти самыѳ колдунѳ были
взяты в плен и теперь, с отрезанными
языками и кистями рук, содержались в
клетках, окруженных стражей. Но
принадлежности их черного чародейства
должны были оставаться в хижине.
Широко распространенное поверье, что
тех, кто войдет в дом колдунѳа, постигнут
несчастья, делало из нее хорошее укрьтие.

Горожане прекратили свои дела,
чтобы поглядеть на нового вождѳа. Большая
часть воинов уже поклялась отдать
Голгофѳу свои мечи и жизни, а Тарн весьма
эффективно решил судьбу тех, кто этого
не сделал. Грик правил дольше, чем
большинство вождей, и для подавляющей
доли населения Голгоф был лишь еще
одним лидером, под которым они жили. В
городе чувствовался страх, но и надежда.
«Так оно и должно быть», — подумал
Голгоф, проходя по полным людей аллеям
между общими палатками воинов к
низкому, выстроенному из бревен дому.

Там воняло. Это был не просто
неприятный запах, но предупреждение, ибо
каждый, кто был на поле боя, мог узнать

смерть, когда чувствовал ее зловоние. Редкие травы подножий чернели и утирала в радиусе пятидесяти шагов от дома. Птицы здесь не пели. Смерть сочилась наружу, источаемая порчей, которую творили колдуньи.

Голгоф прошел по черной, похожей на глыбку земли и убрал в сторону шкуру, прикрывающую дверь. Он с отвращением понял, что это была не шкура, а кожа — человеческая кожа. Внутри все было еще хуже.

Со стен свисали кожи и куски мяса — руки и бедра, подвешенные на крюках с потолка. По полу тянулись ряды голов, отпечатавшие связи состриженных волос, на которых спали колдуньи Трика. Уголы из соединенных гвоздями костей словно пародировали жертв, которых использовали для их создания, и отбрасывали странные тени на потолок и стены, покрытые запекшейся кровью, при свете свечей, которые еще тлели в глазницах.

В полу были вырезаны ямы, полные пепла — здесь колдуньи угадывали будущее в

языках пламени. Висящие кожи были
исчерчены диаграммами сложных
заклинаний на языках, на которых никто
никогда не говорил. Это было место, где
колдун, которого убил Голгоф, и все его
сосородичи — советники Трика — жили и
творили свою магию. Здесь они записали
свои секреты.

Голгоф вошел в комнату, сдерживая
рвоту от зловония крови и гниения. В
дальнем ее конце виднелась куча мусора,
обрезков пергамента, колец высушенных
кишок и другой дряни, которую ему не
хотелось опознавать. Он разгреб ее
руками, наткнулся на что-то твердое и
вытащил наружу. Это была деревянная,
окованная железом шкатулка. Она была
заперта. Голгоф швырнул ее на пол и,
когда она не открылась, отрубил крышку
топором.

Внутри лежал птичий трун, сухой
остов с разноцветными, похожими на
драгоценности перьями. Голгоф вынул его
и остотрел из любопытства, взглядываясь в
пустые глазницы черепа. Перья начали
крошиться при прикосновении. На

иссохшую лану было надето золотое кольцо
с нефритом. Голгоф взялся за него, и
наружу выпала глинная полоска
пергамента, которая была скручена
внутри кольца. На ней что-то было
написано тонким паучьим почерком.
Похоже, чернилами служила кровь.

Голгоф посмотрел на Тарна,
стоящего на пороге.

— Прочти это мне, — сказал он и
протянул воину дохлую птицу и письмо.
Голгоф никогда не нуждался в том, чтобы
писать или читать, но Тарн мог
похвастаться и этими талантами наряду
с другими, более подобающими мужчине
навыками. Несомненно, благодаря этому он
был полезен для Трика, которому служил
много лет назад, и, в любом случае, никто
уже очень долго не отваживался
подразнивать его за это.

Тарн начал читать, а Голгоф
слушал. Когда он закончил, Голгоф на
секунду задумался.

— Собери колдунов и старейшин
племени, — холодно произнес он, — и ты
демоницу тоже. Закрой их здесь и убедись,

что никто не сбежит. Поставь вокруг стражу из двадцати человек, которым можно доверять. Потом собери дрова для очагов, сложи вокруг и подожги это место. Пусть стража стоит, пока все и вся здесь не сгорит.

Атакир никогда не спал. Костиические десантники редко этим занимались, ибо спящий человек уязвим. У них имелся сложный набор органов, которые имплантировались во время отбора и обучения, и один из них позволял отключить одну половину мозга, чтобы войти в состояние полутранса, когда разум отдыхал, но чувства сохраняли остроту. Мир вокруг ускорялся, но легчайшего ощущения угрозы или перемен в окружении было достаточно, чтобы сознание костиического десантника со скоростью мысли вернулось к полной бдительности.

Именно в таком полутрансе капитан Атакир из Несущих Слово впервые услышал зов Селла Ш'Карра.

Гортанный рев демона был настолько
отвратителен, что пробился сквозь
лиловые ароматы и радужные вопли духов,
прикованных к стенам бугуара в сердце
Крепости Харибдгии. Их колыбельная была
разрушена, а сама леги Харибдгия
содрогнулась от атональной вибрации
этого звука. Ее чувства рухнули с
божественных высот, чтобы не дать ей
остаться ослепленной и оглушенной.

В поле зрения снова всплыли
фиолетовые гранировки ее покоев. Даже
лица, корчащиеся в стенах, выражали
ужас, больший, чем обычно — крик
пробуждающегося демона был более чем
звуком, это было нечто, эхом
отражающееся в душе.

Элегантно углубленное тело леги
Харибдгии выскользнуло из-под покрывала.
Она набросила на себя шелка. Надо будет
посоветоваться с мудрецами насчет этого
вторжения в ее чувственное поклонение,
которое разгневало ее своей грубостью и,
пожалуй, слегка напугало. Недавно были
трагичные знамения, начиная от
уничтожения одного из ее храмов и

странных движений Песни Резни на небосводе и заканчивая докучными мутациями и бессмысленными бунтами в ее городе. Торвендис знал, что скоро случится нечто ужасное, и леги Харибдия осознавала, что ей надо понять это событие, если она желает продолжать службу Богу Наслаждений.

От крика несло Кровавым Богом. Если бы она не знала, что это невозможно, то подумала бы, что вернулся Селл Ш'Карр -- но Ш'Карр был мертв, его череп был прибит к стене в качестве еще одного экспоната, и она знала, что это должно быть нечто иное.

Оргии и сложные кровавые церемонии в городе прекратились, когда над ними пронесся вопль. Внизу, в шахтах, лопнули последние жилы здравого рассудка, и на время воцарился пандемониум, ибо рабы игрались среди скал, пытаясь утешить себя чужой кровью во славу пробудившегося бога. Легионеры набросились на них с нейробичами и глефами боли и били их, пока те снова не стали покорными.

На укреплениях вокруг Крепости Харибди костические десантники из ордена Насильников нанесли на себя новые узоры священных шрамов, чтобы обозначить появление нового врага.

Зов эхом отозвался в горах Канис и на бесплодных каменистых равнинах на севере. Стаи пагальщиков разлетелись по всем гниющим тоням. Фазгос, Скарлан и Брокс шли обратно через горы, когда их настиг крик, который линул авточувства и зарылся прятником в души, и замерли от шока.

На дне океана в слепом страхе зашевелились плоскотелые твари, подбирающие пагаль. В небесах закружились ослепленные шоком воздушные киты с полыми костями. Загрожали даже камни, деревья и реки Торвенгиса, потому что они были здесь, когда на планете впервые раздался подобный клич — вопль триумфа. Они напитались кровью во время безумного правления князя демонов Селла Ш'Карра — одного из многих, но

одного из хулиганов.

--- Кровь! --- гласил этот зов. --- Кровь
для Кровавого Бога!

Капитан Атакир вырвался из транса
и увидел, что уже рефлекторно схватил
болтер, готовый стрелять. Он осмотрел
храм, где цепи покачивались, как от удара.
На полу по-прежнему стоял развернутый
портативный голомат, который несколько
часов назад передал послание Фаздоса ---
изображение окровавленных госпехов
Карнулона. Тела новопосвященных и
инициированных послушников все еще
валялись по всему храму, с цепей свисали
куски тел, обугленные знамена были
заляпаны кровью.

Атакир включил вокс.

--- Несущие Слово, голожить
состояние!

--- Готов к бою, сэр, --- донесся голос
Макело.

--- Готов, --- сказал Феоркан. --- На
ауспике ничего. Что это было?

--- Это был знак, --- ответил Атакир. ---

Пракордуан?

Чародей не отвечал. Амакир осмотрел храм улучшенным зрением и увидел, что Пракордуан, шатаясь, держится за железный столб, чтобы не упасть. Нос и уши кровоточили. Пракордуан был более чувствителен к голосам, которыми говорили не смертные, и крик могущественного пробудившегося демона пагубно отразился на нем.

Амакир поспешил к Пракордуану.

--- Кто это был? --- спросил он. ---

Карнүлон?

--- С'лл Ш'Карр, --- прохрипел

Пракордуан, давясь кровью из прокушенного языка. --- Говорили, что он мертв...

--- Нельзя убить нечто подобное ему, --- нетерпеливо возразил Амакир. Когда стало ясно, что Карнүлон направляется на Торвендис, Амакир постарался прочесть все исторические файлы, которые были на «Мультус Сангвис». Торвендис обладал слишком долгой и сложной историей, чтобы всю ее можно было записать, но там упоминался С'лл Ш'Карр, князь демонов Кровавого Бога, который правил

Сорвендисом много веков и едва не убил всех живых существ на планете, прежде чем его уничтожили отчаявшиеся выжившие. Пророчества, предвещающие возвращение Селла Ш'Карра, было несчётного числа, и вполне можно было предположить, что одно из них истинно.

--- Можешь сказать, откуда донесся крик? --- спросил Амакир.

Пракордиан кивнул, капая кровью из носа.

--- С юга. Три недели пешком для обычного человека, пять дней для нас.

--- Хорошо. Фаздос и остальные нагонят нас, когда стогнут, --- Амакир открыл вокс. --- Несущие Слово! Если Карнүлон пробудил демона, чтобы тот стал его союзником, то это --- наш последний и лучший шанс его выследить. Прочитайте молитвы и готовьтесь выдвигаться. Хвала всему.

--- Хвала всему, --- отвечали все.

Миссия Амакира была такова: выяснить планы Карнүлона, расстроить их и убить его. Благодаря присутствию говорящего-с-тертвыми Пракордиана, эти

ступени можно было выполнить в любом порядке. Если ковену придется разобратся с Селлом Ш'Карром, прежде чем они смогут найти Карнүлона, значит, так оно и должно быть. Чтобы выйти на бой с Карнүлоном, нужно выжить только одному из них, и Атакир десять тысяч лет сражался против каждого, кто вызывал гнев его легиона. Неважно, что произойдет, но Карнүлон умрет, потому что Атакир так решил, а он был человеком, который отказывался терпеть неудачи.

С воем рвущегося металла храм-теплица Селла Ш'Карра разваливалась на куски. Это место было выстроено в качестве тюрьмы, и теперь, как будто поняв, что узник сбежал и цели существования больше нет, оно уничтожало само себя.

Металлические пластины и огромные шестерни падали, как лезвия гильотин. Мистические слова, начертанные на разрушенных зданиях, вырвались на свободу и метались по

сторонам — цепи светящихся слогов, пульсирующие жарким белым сиянием от гнева на то, что их чары были сломлены. Огромный сферический абсцесс под землей проваливался внутрь себя на глазах Крона, и языки странно окрашенного огня хлестали из черных металлических стен.

Тяжелая балка насквозь пробила подвесную платформу размером с город, и Крон почувствовал, как пол ног ногатически шатается. Вся платформа, уже поврежденная выплеском энергии освобожденного Ш'Карра, треснула пополам, ее половины бешено затряслись, угрожая сбросить здания в темноту. Под Кроном разверзлась черная пучина, и, несмотря на пронизывающую боль, он заставил свой язык произнести еще несколько магических слов. Крон начал парить среди пучков искр, отлетающих от металла, которые падали на его кожу, словно дождь бритв. Он увидел до боли яркое сияние расплавленной метицы. Селла Ш'Карра и огромное крылатое тело самого демона, чей стех был даже громче, чем вой разрушающегося двorca.

Металлические плиты разбивались с титаническую громаду Ш'Карра. Огонь волнами проходил по мускулам демона и канал с его изогнутых жвал.

Платформа наконец поддалась и резко покачнулась, выскользнув из-под ног Ш'Карра — но тот завис в воздухе, расправив крылья, и вбитые в его плоть механизмы начали двигаться и выплевывать струи пара, струящегося из поршней и бешено работающих насосов.

Крон напряг волю и поднялся вверх на неустойчивой подушке из перегретого воздуха. Нижняя часть сферы заполнялась жидким огнем, так как падающий металл плавился под воздействием энергий, выплеснутых освобождением Ш'Карра. В воздухе вокруг Крона мерцали символы, последнее эхо заклинаний, которые были созданы огромной ценой, а сломаны всего лишь одним человеком.

Он взлетел выше, пытаясь создать как можно больший разрыв между собой и растущей преисподней. Машины, которые создавали вход в сферу, распадались стальным дождем, и целые простыни

изогнутого металла отслаивались
изнутри каверны. Наконец Крон заметил
колодец, ведущий наружу, похожий на
булавочную точку света, заваленный
кусками сломанных механизмов и
становящийся все меньше.

Ш'Карр хохотал, обезумев от новизны
свободы. Падающие обломки металла
копьями вонзались в его кожу, плавилась и
текла, превращаясь в механизмы и
добавляя новые заводные устройства к
тем, что уже усевали его плоть.
Грохотные крылья хлопали: он тоже летел
вверх.

Крон взмыл по колодезю, уворачиваясь
от падающих машин и пластин рваного
металла. Подобравшись к устью, он
протянул руки и схватился за край,
чувствуя горячий металл под ладонями.
Последним могучим рывком он подтянулся
и выпрыгнул на свежий воздух. Над головой
бушевало небо Торвендуса — звезды
метались через небосвод, скопления
облаков клубились и испарялись, солнца-
близнецы кружили друг вокруг друга, как
настороженные хищники.

Последним, что увидел Крон перед тем, как сбежать, был Селл Ш'Карр, до пояса погруженный в расплавленный металл, бьющий крыльями, чтобы удержаться над поверхностью огня. Сфера наполнялась пламенем, и весь храмовый комплекс растаял от жара. Но Крон знал, что понадобится больше, чем просто огонь, чтобы навредить князю демонов, который некогда бродил буквально по океану крови, и целые армии разбивались об него, подобно волнам.

Крон знал, что он уже не настолько силен, чтобы выступить против кого-то вроде Ш'карра. Он многим пожертвовал, чтобы добраться до Торвендуса, и во многом было чудом, что ему удалось все это совершить. Теперь, приближаясь к концу путешествия, он совершенно ясно понимал, что сейчас не время погибать. Изгнав боль из своих рук и ног, Крон побежал.

Небо то вспыхивало светом, то снова темнело. Сама атмосфера Торвендуса проявляла смятение и гнев — все на планете, что только могло чувствовать,

осознано, что на волю вышло нечто ужасное. Настолько велик был резонанс, который отдавались в материи Торвендуса великие ужасы, страдания и проявления гнева. Крон чувствовал это в воздухе, сгустившемся вокруг — страх тех, кто смог пленить Ш'карра, и страх планеты, которая уже претерпела владычество князя демонов в прошлом.

Но для Крона это была всего лишь еще одна ступень плана. Во многом ее можно было назвать первой — все, что было до этого, было лишь подготовкой. Если он достаточно точно просчитал свои планы, то освобождение Ш'карра станет первым из цикла событий, которые завершатся победой.

Так много переменных, столько невидимых факторов. Равновесие очень хрупкое, и понадобится большая удача, прилежность и храбрость, чтобы все прошло так, как запланировал Крон. Успехом будет либо триумф, либо смерть — но по большей части для Крона не было разницы, какой из двух исходов его ждет. В любом случае, это будет

освобождение, но это не значило, что Крон не может устроить себе проводы по высшему разряду.

Крон перебрался через камни, которые отмечали внешнюю границу храма на поверхности, и со всей возможной скоростью помчался по иссушенной земле. Земля бешено затряслась под ногами и внезапно качнулась, отчего Крон упал лицом вниз.

Из-под земли хлынул фонтан расплавленного металла, растворив руины храма и окатив пески морем огня. Взмыли клубы черного дыма, огонь сгустился и превратился в корявые градины светящегося металла. Куски разгоряченной стали падали, как кинжалы. В нескольких метрах от Крона рухнул кусок дымящегося камня, и тот едва успел откатиться в сторону. Он рискнул оглянуться и увидел в сердце огня Сс'лла Ш'Карра, который взмыл в небо на перепончатых крыльях, преследуемый шлейфом пламени, будто падающий метеор.

Крон знал, что первым инстинктом

Ш'Карра бұдет желание ұбивать. Когда демон закончит ликовать от новоприобретенной свободы, то вернется к той цели, ради которой его создал Кровавый Бог — к убийствам и насилию, к собиранию черепов для трона его бога, к кровопролитию, являющемуся актом поклонения.

Когда Крон поднялся на ноги и побежал дальше, то почувствовал, что на лицо падают капли теплого дождя. Он попробовал его на вкус и понял, что это нечто пугающе знакомое. Пустыня некогда была лесом, до этого — участком океанского дна, а до того — сотнями иных ландшафтов. Но теперь она снова изменится и станет чем-то ужасным, ибо над южной пустыней лился дождь из крови.

Голгоф тоже услышал крик, но тот не представлял для него интереса. Больше ничто и ничего не значило — Изумрудный Меч утерян уже давным-давно, может быть, даже до того, как Грик занял престол вождя. Но смерть племени осталась незамеченной, и только сейчас открылось,

что надежда Голгофа спасти его — ложь. Теперь он знал, что народ, который раньше был горд и воинственен, стал не более чем рабами и скотом, что их предали старейшины и главари, и осталась лишь пустая оболочка того великого племени, что раньше правило из Стрельчатого Ника.

Голгоф по-прежнему стоял на окраине города Трика. Отсюда были видны дымящиеся руины дома чародеев. Теперь, когда ярость пламени угасла, толпа разошлась, но пожарище еще тлело, и Голгоф собирался ждать в тени гор, пока оно не догорит до конца. Небо над головой волновалось, не в силах решить, день сейчас или ночь. Резкий белый свет Песни Резни боролся с розоватым свечением от солнца-Шакала, горстка жарких красных звезд горела высоко в черном, пронизанном красными полосами небе. Дым, еще извивавшийся над сгоревшим домом, создавал странные узоры в разноцветных лучах. Голгоф чувствовал запах горелого теса, которое наполняло хижину, смешанный с вонью дыма и

отвратительной притесью жженной
демонической плоти.

Старейшин со связанными руками
загнали внутрь вместе с избитыми
колдунати, которые пережили чистки
Тарна. За ними последовала демонетта,
которая хныкала и молила сохранить ей
жизнь, в то же время пытаясь разорвать
опутывающие ее цепи. Потом вокруг дома
навалили дрова и сожгли их всех заживо.
Населению города приказали смотреть,
как огонь поднимается все выше, и слабые
крики с трудом пробивались сквозь рев
пламени. Окутанная пламенем демонетта
вырвалась наружу, проломив стену, но
стражники, которым Голзоф приказал
дежурить на наблюдательных башнях,
утыкали ее дюжиной стрел.

Пятно выжженной земли там, где
упала демонетта, все еще тлело даже
спустя несколько часов. Голзоф не
прекращал наблюдать — когда огонь
наконец угаснет полностью, он заставит
своих людей открыть дом и
удостовериться, что убийцы его племени
действительно мертвы.

Из города к нему вышел Хам.

--- Они собираются, --- крикнул он. ---
Весь город. Люди поняли, что мы не
можем оставаться здесь.

--- Насколько много они знают?

--- Они знают, что с Триком
невозможно было спорить. Что люди
исчезали, и что в его подчинении были
демоны и колдуньи.

--- Должно быть, они все поняли. Как
долго Трик продавал нас? Сколько это
длилось еще до того, как Трик родился?

--- Никто не это не ответит, Голгоф.
Вопрос в другом --- что ты будешь делать
с Узутрудным Мечом теперь, когда
завладел им.

Голгоф сплюнул в дымящуюся яму
там, где умерла демонетта.

--- Узутрудный Меч мертв, Хам. Я
хочу убедиться, что он знает об этом.
Пусть все воины вооружатся и готовятся
идти на войну.

--- Против кого?

--- Против леги Харибди.

Это был единственный путь.
Сообщение, которое Голгоф нашел в

жилище колдунов, было очень простым. Леги Харибдгия гарантирует Узүтрүдному Мечу безопасность, хотя ей понадобится относительно небольшое усилие, чтобы искоренить его. Со своей стороны Трик должен посылать самых здоровых новорожденных племени в храмы Бога Наслаждений, чтобы питать вечный голодный алтарь, а лучшие воины Узүтрүдного Меча должны вступать в легионы леги Харибдгии. Демонетта и колдовские трюки были приятным дополнением к сделке.

Трик сговорился с леги Харибдгией, чтобы превратить гордый Узүтрүдный Меч в ферму, растящую человеческий урожай, и подпитывать чудовищные орды, которыми та правила. Скверная предательства превратила Трика в монстра, дала ему силу разговаривать с демонами и лишила племя того огня, который однажды едва не привел его к владычеству над всеми горами Канис.

--- Никто из нас не выживет, Голгоф, --- уверещевал Хат. --- Мы не пройдем дальше первой стены. Против нас выйдет десять

тысяч легионеров, возможно, даже Насильники. Они призовут демонов на наши головы.

--- Мне все равно. Хат, я всегда знал, что погибну в битве. Нам больше не за что сражаться, и это такая же хорошая битва, как и любая другая. Этих людей надо наказать за то, что они позволили своему племени погибнуть. И когда Меч наконец вытрет, он больше не будет отдавать леги Харибдиу скот для убоя. Мы должны ранить ее, Хат, это единственная достойная цель, оставшаяся на планете. Это единственный способ, которым мы можем нанести ответный удар.

--- Мой меч --- твой, Голгоф, --- сказал Хат, --- и всегда будет твоим. Но это --- конец. Ты хочешь, чтобы тебя вспоминали как вождя, который довел свое племя до вымирания?

--- Грик уже это сделал, --- горько ответил Голгоф. --- Я лишь избавляю Меч от страданий. Найди почтовых птиц, и пусть Тарн напишет обращение. Каждая живая тварь в этих горах должна узнать,

что Изумрудный Меч в последний раз
выходит на войну.

Леги Харибдия была встревожена. А
когда она тревожилась, Слаанеш не
получал свою дань наслаждений с великого
алтаря города, и поэтому неудовольствие
леги Харибдии само по себе было ересью.

Сс'лл Ш'Карр был, конечно же, мертв.
Доказательство было прибито к колонне,
перед которой сейчас стояла леги
Харибдия, в нефе капеллы с высокими
трубчатыми стенами и настолько
высоким сводом, что иногда здесь шел
дождь. Свет миллиона свечей пробивался
сквозь витражные окна и наполнял неф
прекрасными, болезненно-разноцветными
лучами.

Череп Сс'лла Ш'Карра свирепо
смотрел с колонны множеством пустых
глазниц. Его вытащили из разреза в одной
из шахт, густо усеянной костями демонов
и тех, кого они сокрушили. Царствование
Ш'карра предоставило огромное
количество сырья для города и крепости —
кости с полей битв тех времен лежали

более толстыми слоями, чем практически
в любую иную эпоху Торвендуса, и
благоухали стехом убийц и воплями
убиваемых. Череп мог принадлежать
только самому князю демонов —
спиритические сеансы и прорицания,
проведенные с ним, подтвердили наличие
следов его воспоминаний. Даже теперь
реликвия излучала гневное безумие, и леги
Харибдия чувствовала его всюду вокруг
себя, словно что-то кипело под самой
поверхностью, и тысяча крошечных
сердитых кулаков била по ее коже. Обычно
она наслаждалась этим, когда купалась в
теплой злобе, чтобы расслабиться, в
полной безопасности и зная, что никто
другой здесь не выживет без ее позволения.
Но теперь многое здесь ее беспокоило.

Двери капеллы открылись, внутрь
ворвался холодный воздух. Внутрь
выныла кучка мудрецов вместе с
ходячим кошмаром Кагуцеей,
командующей легионов. Один из мудрецов
был, скорее всего, БайТар, верховный
прорицатель, но леги Харибдия давно
перестала угрождать себя, вспоминая,

кто есть кто из ее подчиненных.

Все это были мужчины, преждевременно состарившиеся из-за близости к крепости — леги Харибдии обычно помнила, что надо притуплять сенсорное излучение здания, когда должны прийти низшие смертные вроде этих, но даже при этом пение заточенных душ и благоволия из дустиллята невинных оказывали воздействие на тех, кто их чуждал. Для пресыщенного зрения леги Харибдии все люди выглядели одинаково, если только она силой не заставляла свои чувства опуститься до уровня обычных смертных, поэтому она заставляла их одеваться в яркие цвета, чтобы можно было различить их функции.

--- Моя госпожа, --- начал предводитель мужрецов. Он был одет в белое. Наверное, это был Вай'Тар, но леги Харибдии по большому счету было все равно, кто он такой, пока он делал то, что она требовала, и давал ей ответы, которые она желала услышать. --- Мы ответили на ваш призыв. Мы глубоко скорбим от того, что вы настолько

встревожены, что просите нашего совета.

--- На юге проснулось нечто, что объявило себя потомком Селла Ш'Карра. На мой мир прибыли чужаки и убили моих жрецов. Торвендис чувствует, что ему грозит опасность, и я хочу знать, почему.

--- Знамения оказались сложными, --- расплывчато ответил другой мудрец, чьи одеяния были красными.

Леди Харибдия сердито посмотрела на него.

--- Вы существуете, чтобы служить, --- сурово напомнила она. --- Если вы не желаете служить, то не желаете жить. Есть ли на Торвендисе сила, которая угрожает мне? Не сговариваются ли наши незваные гости, чтобы поднять войско против города?

Белый мудрец сделал широкий жест.

--- Не бойтесь, моя госпожа, мы делаем все, что в наших силах, чтобы стянуть ваши тревоги. Мы просто... очень хорошо понимаем важность задачи, которой вы благословили нас.

--- Очень хорошо, --- с натянутой улыбкой повторил красный мудрец, и все

разноцветные старцы согласно закивали.

--- Песнь Резни особенно активна, --- продолжал белый мудрец. --- Как, конечно же, знает ваша милость, это знак перемен и конфликта. Стервятник тоже высок, а у Шакала наблюдаются странные конфигурации. Все указывает на конфликт и большое отчаяние.

--- В опасности ли город?

--- Ничто на планете не в состоянии угрожать нам, моя госпожа. Но... возможно, есть нечто дурное, исходящее от некоторых сателлитных народов.

--- Меня весьма расстроило бы, если бы от них исходило что-то иное, --- сказала леди Харибдия. --- Кагүцея?

Командующая легионами шагнула вперед. Кагүцея была наполовину демоном, и это была лучшая половина --- все остальное было чистокровным и полным зла человеком. Рассказывали, что, когда леди Харибдия приказала призвать великое множество демонов, Кагүцею должны были принести в жертву вместе с другими. Но она была кем угодно, только не жертвой, и не дала демону вырваться

нарүжү из ее плоти. Они сплавились воедино, в нечто, на что было довольно страшно смотреть, и получившееся существо приобрело естественный авторитет, каким владеют истинные чудовища. Кадүцея раньше была воином, и не было времени, чтобы она не сжимала оружие в каждой руке — одержимость не изменила этой привычки, а лишь усилила ее до того, что одна рука оканчивалась пламенеющим дулом плазменной пушки, а вторая превратилась в жуткую клешню.

Ее тело было слегка деформировано попытками демона выбраться наружу, но с тех пор демон и смертная достигли перетирания. Тело, в котором обитали двое, было мощным и гибким, с красивой, бледной, узорчатой кожей и терзательным, широкоглазым и острозубым лицом. Кадүцея не носила доспехов, не для того, чтобы продемонстрировать свое неестественно совершенное тело, но потому, что по какой-то причине ее тело искажалось и не давало надеть на себя броню, даже изготовленную по ее меркам. Но в целом

это мало что значило, потому что для того, чтобы ее убить, потребовалось бы больше, чем просто смертельная рана.

— Что вы желаете, моя госпожа? — спросила Кадүця слегка шипящим голосом. Меж губ мелькал язык, похожий на змеиный.

— Я хочу знать о западной линии обороны. Есть какие-то новости?

— Мы предвидели ваше беспокойство, моя госпожа. Стража на внешних стенах удвоена. Мы собираем жертвы на случай, если понадобится призыв. Наши ручные гарни и шпионы докладывают о движении в горах. Есть предположение, что среди дикарей появился новый лидер, который не собирается соглашаться на ваши предложения. Трик из Узүтрүдного Меча терпел, а новый правитель, если судить по тому, как он обошелся с главати племени, вряд ли готов принять вашу щедрость.

Леди Харибдия улыбнулась. Мудрецов заметно передернуло от этого зрелища.

— Ах, варвары. У них крепкие дети, будет жаль, если мы утратим такой ресурс. Кажется, я не так давно покорила

их, и бюджет не слишком удобно все повторять.

--- Возможно, но по вашему приказу мы можем обрушиться на горы Канис, и там не останется ничего живого крупнее, чем тропная крыса.

Леги Харибдия утомленно взмахнула рукой, похожей на паука.

--- Эта кампания будет стоить нам живой силы. Вряд ли мы можем позволить себе это, если действительно появилась новая демоническая сила, намеренная заявить о своем присутствии. Пусть воины охраняют запад, но ты должна быть уверена, что мы можем направить наши войска в любое место, где они могут понадобиться.

В любой отдельно взятый момент на внешних стенах находилась четверть миллиона легионеров. Каждую могла выгнать на стены и целый миллион, если бы это понадобилось --- и если бы враги каким-то образом пробили брешь, тогда ворвались бы лишь в ловушку, наполненную легионатами леги Харибдии. Даже если что-то бы и миновало их, на укреплениях

крепости размещались Насильники, дожидаясь возможности присоединиться к хаосу битвы.

Но все равно она беспокоилась. Чувствовалось, что с Торвендисом что-то не так, эхо канней вокруг нее на полтона выбивалось из строя, и страх, пронизывающий крепость, казался более близким, острым и сильным. Леги Харибдия всегда наслаждалась новым вкусом ощущений, но вдруг явилось что-то, о чем планета знала, а она нет?

Она посмотрела на массивный звериный череп.

--- Слл Ш'Карр мертв, не так ли?

Мудрецы согласно забормотали.

--- Хорошо. Проследите, чтобы моя воля была исполнена, и продолжайте докладывать о знамениях. Я не хочу, чтобы какая-то неудобная война мешала нам и дальше взирать на великолепие Слаанеша.

Мудрецы поклонились и поторопились уйти. От них истекали волны облегчения от того, что никто из них на этот раз не умрет. Кагүцея

стремительно удалилась с нечеловеческой грацией.

Их эхо останется здесь еще на много часов, звенящий отзвук, слышимый лишь для леги Харибди. Она всегда подозрительно относилась к своему окружению — не были ли их голоса подкрашены ложью? Она профильтровала остатки разговора, чувствуя, что они боялись и были совершенно одержимы желанием ублажить ее своими бессмысленными советами. Это она и так знала. Но здесь было кое-что еще, горький привкус, которого она не чувствовала раньше.

Жалость. Они жалели ее. Не потому ли, что ужасались ее неповторимому облику? Нет, на каждом углу города можно было увидеть и более впечатляющие зрелища. Что же тогда? Может быть, с ней скоро случится нечто, о чем они не хотели ей говорить? Что-то, чего она, по их мнению, неспособна понять? Она отметила, что надо как следует спросить парочку мудрецов и узнать, не постыли ли они скрыть от нее какое-то

пророчество.

Леди Харибдия цокнула языком от досады. Новые проблемы. Она поразмыслила насчет уничтожения племен, которые могли быть источником подобных неприятностей, но это не стоило усилий -- если племена атакуют, то сами пойдут в пасть ее легионам и погубят себя. Когда она смотрела на картину в целом, на Торвендис, который она держала в своей удушающей хватке, и на несокрушимую защиту ее города, действительно беспокоиться было не о чем.

Но что-то проснулось, и оно, похоже, называло себя Сс'ллом Ш'Карром. Но ее миру бродили незваные колдуньи. Солнца и луны вели безумный танец, как будто пытаясь что-то сообщить тем, кто жил на мире внизу. Что из этого было значимо? Может быть, это хаотическая природа Мальстрима воздействовала на Торвендис, просто чтобы ничто на планете не превратилось в рутину? Или это были знамения чего-то большего?

Леди Харибдия могла призвать

миллионы легионеров, воющие стаи демонов и ударные отряды Насильников. Не было ничего, с чем она не могла бы совладать, даже если бы это нарушило концентрацию всего города на славе Слаанеша.

Леги Харибдуга повторяла это про себя, когда выходила из капеллы, стараясь не чувствовать на себе пристальный взгляд мертвых глаз демонического черена.

По горам во всех направлениях разбежались скороходы и разлетелись птицы-посланники, от усыпанного солью побережья на дальнем севере до жарких вулканических пиков, граничащих в южной пустыне. Все они несли одно и то же послание, написанное на собранной коже углем и кровью в знак серьезных намерений отправителя. Оно гласило, что Узлрүднүй Меч выступает войной против леги Харибдуги и прощает любые долги чести и обеты кровной мести тем, кто присоединится к нему. Предложение распространялось даже на традиционные

враждебные Мечу народы, вроде пьющих
кровь людей, которые жили под тотемом
Медведя на краю болот, и бледнокожие
желтоглазые племена Этеи, чьи глиняные
корабли бороздили просторы северных
морей.

Когда в город Голгофа начали
приходить ответные послания, многие из
них были простыми отказами или
изощренными оскорблениями и
напоминали Узурядному Мечу о давних
прошедших битвах и массовых убийствах,
из-за которых любые союзы были
невозможны. Но в других письмах ему
предлагали воинов, оружие или верность
целых племен.

Появился слух, что Этея хочет
объединиться с Мечом, ибо леги Харибдия
нанесла тяжкий урон флотам этих
налетчиков и даже начала обращать их в
поклонение богу похоти посредством
храмов, выстроенных на северных берегах.
Меньшие племена, которым даже не
писали, начали спрашивать, могут ли они
быть удостоены чести сражаться и
погибнуть рядом с Голгофом. Другие

народы захлестнули восстания, когда они обнаружили, что их вожди, как и Трик, продавали соплеменников на съедение рабским шахтам леги Харибдии. Другие просто жаждали битвы и стягивались к растущим лагерям в западных предгорьях, словно притянутые запахом вражды.

Золотоглазые убийцы с краев пустыни прискакали на север на бледных конях. Вьючные ящеры принесли на себе носилки с весьма мускулистыми головорезами из долин в сердце гор, где никогда не светило солнце. Больше двух недель армия Голгофа ширилась и ширилась, пока это была уже не армия, но совокупность ярости новой нации, племен гор Канис, наконец-то объединенных не завоеваниями правителя, но гневом на леги Харибдию.

Она должна была убить нас, когда у нее был шанс, говорили они. Она должна была закончить дело, которое начала в Стрельчатом Пуке. Теперь мы покажем ей, как свободные племена платят по своим счетам.

К тому времени, как Голгоф отдал

приказ свернуть кочевой город и
выступить, армия гор достигла числа в
двести тысяч душ.

Центурион Колкус не спал уже
двадцать два года. С тех пор, как его еще
ребенком бросили в отборочные ямы,
чтобы он доказал, что достоин вступить
в легионы леги Харибгии, или погиб,
пытаясь это сделать, он жаждал
ощущений. Он не мог спать, потому что
каждую секунду сна можно было
потратить на поиски новых переживаний.
Когда он впервые убил как солдат, хаос
битвы так глубоко запечатлелся на нем,
что он мечтал снова испытать столь же
глубокие чувства.

Он видел гущу сражения у водонаго
Кровавого Камня, зачарованный криками и
запахом. Он возглавлял патрули,
заходившие в глубины южных дождевых
лесов, и погружался в их смертоносную
чуждость. Теперь, когда его назначили
командовать обороной внешних стен, ему
некуда было простирать свои чувства,
кроме разве что зрения.

Это было скучно в сравнении со многими вкусами битвы, которые он когда-то ощутил и жаждал попробовать вновь. Но такова была его работа. Так приказала леги Харибдия, и пока он стоял на посту, его долгом было подчиняться.

Колкус провел ночь, дисциплинируя нерадивых рекрутов, и теперь наблюдал, как над горами зажигается рассвет. Три солнца соревновались за право первыми выйти из-за отдаленных пиков. Небо этим утром было оранжевое, усеянное упрямыми звездами, и твердая точка Песни Резни пристально глядела с одной стороны горизонта. Хороший вид.

По всем стенам менялся караул. Легионеры надевали чешуйчатые доспехи, укутанные шелками постельных тонов, и стесняли тех, кто стоял на страже по ночам. Другие легионеры поддерживали в форме свои мышцы и рефлексы, сражаясь на копьях на широких площадках между укреплениями, между которыми находились узкие «бутылочные горлышки». В случае атаки они должны были загнать туда врагов и перебить их. Вдали на

стене проводились ежедневные тренировки по стрельбе из защитных орудий -- редких, древних и монструозных пушек, дула которых имели вид оскаленных пастей демонов и изрыгали взрывчатые снаряды.

Сами стены были шедевром, который, как говорили, построили поработанные чужовища, а проект разработала сама леди Харибдия. Крутые поверхности, обращенные вовне, были созданы из оранжево-розового камня, который походил на песчаник, но был тверже любого гранита. Массивные контрфорсы укрепляли стену, защищенную от любой прямой атаки, и враг ли их можно было пробить даже орбитальным ударом. Но, разумеется, враг ли кто-то мог быть настолько безумен, чтобы отправить целый боевой флот в Мальстрим, к Торвендису.

Стена во многих местах изгибалась, чтобы атакующим приходилось прорываться в места, над которыми нависали сразу две стены, и их можно было осыпать снарядами с обеих сторон. Окна и зубчатые баррикады образовывали

лабиринт на подступах к стенам, который должен был сломить массированную атаку и разбить ее на отдельные фрагменты. Если кому-то и удавалось забраться на стены, отдельные секции можно было закрыть и забаррикадировать, чтобы атакующие попали в ловушку, и их можно было уничтожить когда угодно.

Но не стена была настоящей защитой. Каждый участком стены командовал центурион, такой, как Колкис, обладающий опытом, несгибаемостью и яркой преданностью высшей цели — сохранить Торвендис как сосуд поклонения Слаанешу. Под командованием каждого центуриона было до тысячи человек, и все они были натренированы в стрельбе и кровопролитном ближнем бою. Казарменные комплексы, которыми полнилась земля сразу за стеной, могли исторгнуть из себя достаточно людей, чтобы за полчаса заполнить все укрепления, и на посту всегда стояло немало стражи, которая могла заметить практически любую угрозу, какая только существовала на Торвендисе в данный

полмент. Среди легионеров на стенах было множество мутантов, которые могли изрыгать кислоту на врагов или рвать их на части нечеловеческими когтями, а тем таинственные фигуры в мантиях, что изредка мелькали среди них, были боевыми магами, которые могли призвать дождь молний, если это требовалось.

Но только центурионы, такие, как Колкис, знали об оружии, которое следовало применить в случае действительно серьезной опасности. Вдоль стены через равные промежутки располагались вычурно украшенные башни, но они выполняли не сторожевую и даже не декоративную функцию. Это были храмы Князя Наслаждений, залитые кровью. Внутри, чьи полы были покрыты сложными знаками призыва. Говорили, что легион Харибдия заключила соглашение с варпом, которое подчиняло ее воле армию демонов в обмен на почитание Слаанеша. Этих демонов можно было призвать, чтобы защитить ее царство, но, конечно же, обычные легионеры об этом ничего не знали, потому что именно их должны

были принести в жертву для призывающих ритуалов. Верность этих менее опытных солдат пред лицом смерти не всегда проверялась.

Один из легионеров -- молодой, с незначительными шрамами -- побегал к Колкису.

-- Сэр, семнадцатая когорта во время дежурства увидела какое-то движение. Они решили вас оповестить.

Колкис понял, что парень его боится. Он выглядел как двухметровая громада, на которой с трудом можно было найти клочок кожи, не отмеченный шрамами поклонения, и, как сам знал, вполне мог сойти за монстра.

-- Движение? Нагальщики?

-- Скорее всего, сэр. Но с этими новыми приказами они сочли нужным послать меня к вам.

-- Будет надеяться, что это нечто большее. Мы слишком давно не видели кровопролития. Покажи.

Легионер повел Колкиса в наблюдательный пункт, который только что покинула семнадцатая когорта. Этот

участок стены выходил на холмы у подножий гор, где нашел себе место лес и лежал на равнинах тяжелым темным сине-зеленым одеялом. Надальщики жили гнилью и мертвецами, которых сбрасывали со стен легионеры, и использовали лес в качестве укрытия, а легионеры, в свою очередь, использовали их для тренировок в стрельбе. Леги Харибдуга часто приказывала уничтожить лес, но каждый раз, когда его счищали с лица земли огнем и топором, он в считанные дни вырастал снова и вдобавок еще, как будто Торвендус хотел напомнить, что даже леги Харибдуга не может переделать все по-своему.

Колкис протянул руку, и один из стоящих на посту легионеров передал ему темный телескоп. Центурион осмотрел край лесов, находящийся примерно в двух километрах от подножия стены, пытаясь различить во тьме силуэты. Он увидел нечто движущееся, но это мог быть просто крепкий ветер, дующий вдоль подножий гор.

Его глаз уловил вспышку, что-то

вроде отблеска солнца на отражающей поверхности. Он попытался сфокусироваться на этом пятне и увидел крошечную, темную и жилистую фигуру, которая метнулась обратно под защиту деревьев.

Неожиданно раздался резкий звук. Колкис оторвался от телескопа и увидел, что молодой легионер схватился за горло и торчащее из шеи тонкое древко из черного дерева с белым оперением. Парень закашлялся, из его рта хлынул поток крови и, закатив глаза, он повалился на спину и задержался на каменном полу.

— По местам! — закричал кто-то. Несущие стражу легионеры быстро расселись между крепостными зубцами. Начали созывать лучников и наводчиков. Один из легионеров снял с пояса глиняный закрученный рог, готовый отдать сигнал общей тревоги по приказу Колкиса. По стене пронесся лязг доспехов и железа.

Колкис нагнулся и вырвал стрелу из горла умирающего легионера. Пришлось как следует дернуть, чтобы высвободить зазубренный наконечник. Он поднес острие

к языку и облизнул его, порезав кожу и позволив собственной крови прикоснуться к металлу. Тут же во рту зашипало от колдовства — жаркого металлического вкуса, который распался на дюжину послевкусий пряностей, сладости и разложения.

— Магическая, — пробормотал он про себя. Магия означала нечто большее, чем пагальщики.

Скорее всего, беспокоиться не стоило, просто пришла какая-то банда молодых варваров, что похваляются благородным происхождением от вождей-отцов, и решила проверить свою мужественность, убив кого-нибудь на стенах. Но все равно это было оскорбление, которое следовало покарать, если возможно, а приказы с повышенной бдительности были совершенно негвуслысленны. Любую угрозу следовало считать предельно высокой.

— Трубить тревогу! — крикнул Колкис. Роза проблеяли долгую тональную ноту, которая пронеслась далеко по всей линии обороны. Колкис уже видел, как стены ошетикиваются копытами

легионеров, занимающих оборонительные позиции, готовых защитить лучников и колдунów и, если до того дойдет, выставить мощную стену копий против каждого, кто полезет вверх по стене.

Над краем укреплений мелькнула серебряная полоса, и шальная стрела звякнула о камень. Еще одна, и кто-то закричал, хватаясь за плечо. Колкис выглянул меж зубцами стены и увидел стрелы, несущиеся с опушки. Все они были зачарованы, что позволяло им лететь дальше и точнее, чем мог бы послать их самый искусный лучник. Он слышал, что кочевники, живущие на краю пустыни, охотились с таким оружием, и только у них могло быть такое количество этих стрел — но пустыни были в тысячах километров к югу.

Говорили, что в горах что-то происходит — Колкис слышал слухи, принесенные шпионами и лазутчиками легионов, которые гласили о новом лидере и серии восстаний. Может быть, племена объединились и собрались здесь? Возможно, это — начало большой атаки на стены.

первая попытка горцев вызвать силы легиона Харибди на бой со времен Стрельчатого Ника?

Хвала Принцу, Колкис так надеялся на это.

Стрелы полетели гуще, осыпая укрепления, как дождь. Копьеносцы пригнулись для защиты, в то время как отряды мечников, которые входили в боевой резерв и должны были блокировать секции стен, если бы на них забрался враг, подняли щиты над головами и укрывались под ними. Слишком медлительные легионеры падали, пробитые сквозь лица и плечи почти вертикально падающими стрелами, другие, с пронзенными руками или ногами, ползли в укрытия, оставляя за собой кровавые следы на камне. Но это были исключения — стены были построены именно против таких атак, и большинство легионеров на посту были хорошо защищены.

— Они думают, что могут нас так победить? — спросил начальник когорты, прижавшийся спиной к стене рядом с

Колкисом.

--- Нет, солдат, не думают. Это не нападение. Это сигнал.

Колкис посмотрел назад, через стену, и увидел, что лес как будто пополз вперед. Он понял, что на самом деле эта приближающаяся темная масса была огромной ордой воинов, выбравшихся из-под прикрытия деревьев и потчавшихся к стенам. Им придется сперва преодолеть окопы и баррикады, потом они вбегут под обстрел лучников на стенах --- но их было так много...

Некоторые из них могут добраться до стен, и их будет еще достаточно много, чтобы получилась достойная битва. Темная гроздь восторга --- жажда крови, как понял Колкис --- загорелась внутри центуриона, и он взмолился Принцу Слаанешу, чтобы у нее появился шанс захлестнуть его с ног до головы.

--- Пусть лучники пристреливаются! --- окликнул он трубившего в рог. --- Расставьте часовых, я хочу, чтобы они уничтожили любых лазутчиков, прежде чем они доберутся до нас. Опустошите

казармы, расставьте людей у люков для контратаки. Пошлите сигнальные ракеты и возблагодарите Слаанеша за этот бой!

По всей стене зажглись сигналы, многоцветные огни ракетниц превратили утреннее небо в буйство цвета. Сметившаяся в единый гул, трубные звуки призывали толпы воинов из казарм сразу за стеной. Некоторые направились по витиеватым лестницам на вершины стен, другие — в подземные сборные пункты, откуда можно было контратаковать через люки, скрытые в лабиринте защитных траншей. Вниз посыпались стрелы — команды лучников проверяли, насколько далеко могут стрелять, и намечали линию, за которой любые нападающие попали бы под град стрел, сдобренных ядами и галлюциногенами.

Группы бойцов, которые должны были сражаться с захватчиками, если бы те прорвали ряды копейщиков, собрались вокруг своих предводителей-мутантов и распевали гимны восхваления и ненависти. Колдуньи, сморщенные и истощенные

десятилетиями службы темными
искусствам Слаанеша, спешили вверх по
извилистым лестницам в окружении
элитных телохранителей, чтобы
открыть комнаты, скрытые в богато
украшенных башнях, и подготовить их на
случай, если придется вызвать слуг самого
Бога Похоти. А трупные бригады,
состоящие из дезградивавших существ,
которых едва ли можно было назвать
людьми, собирались позади укреплений,
готовые подбирать тела погибших
защитников и уволочь их в те норы, где
они обитали, когда не было битв.

И над стеной поднялся новый звук, что
становился все громче и громче, пока не
погавил собой и блеянье труб, и гомон
прибывающих солдат. Это был низкий
свирепый рык, и по мере нарастания он
становился все четче, пока не стало ясно,
что это -- боевой клич сотен тысяч
воинов, которые все, как один, тчались из
леса к стенам. Они были словно кипящая
темная масса, в которой сверкали
серебряные искры -- отблески утреннего
солнца на оружии, оскаленных зубах и

диких глазах.

Наводчики разглядели много различных видов оружия и одеяний, кожаных доспехов, наездников на белых пустынных конях или быстрых ящерообразных хищниках, громадных мутантов и быстрых как молнии жителей пещер, землистокожих океанских налетчиков и коренастых варваров. Теперь не осталось сомнения — горы Канис объединились, и единственной силой, которая могла свести эти народы вместе, была перспектива войны против врага, которого ненавидели все.

Легионы леги Харибди нацелили копья и натянули луки, готовясь саровать этим животным нечто, что они должны были возненавидеть по-настоящему.

ГЛАВА ПЯТАЯ

В конце концов, это случилось почти само по себе — так, как будто это всегда предполагалось и дожигалось своего часа в душах каждого из них, и нужен был только лидер, который стал бы катализатором. Больше не было Узутрудного Меча, ибо Узутрудный Меч был мертв. Не было и племени Этеи, и Медведя, и кого-либо еще. Был лишь народ гор Канис, наследники Стрельчатого Пика, единая нация, сплоченная войной.

Узутрудный Меч был уничтожен, а с ним и всякая надежда, что Голгоф станет, как мечтал, истинно великим вождем. Но даже если для него ничего не осталось, была еще возможность достойно погибнуть.

Вокруг него бежал клин из двадцати тысяч мужчин и немалого числа женщин, которые с криком изливались из лагерей в лесу — сердце атакующего войска. Ноги взбили землю в слякоть, все на ходу выхватывали оружие. Эти люди были

отобраны из Узутрудного Меча и первых племен, которые вызвались объединиться с ним. Голгоф видел, что Хат ведет через предгорья собственный отряд. Далеко слева скакал авангард кавалерии на бледных конях, справа была огромная толпа воинов с северных берегов, возглавляемых Эмеями, которые выглядели болезненными и вялокожими, но были столь же жестоки и склонны к убийствам, как любые жители Торвенгуса.

Фланги находились слишком далеко, чтобы их видел Голгоф, и на севере их поддерживали странные воины с мощными, как у огров, телами и огромными глазами. От того, что они жили во тьме долин. Южное крыло представляло собой массу воинов, восседавших на самых причудливых созданиях — чешуйчатых монстрах и длинноногих птицеподобных существах — рядом со всадниками-кочевниками из южной пустыни. Зрелище внушало благоговение: строй двигался вперед подобно сплошному ковру насекомых, стекаясь с предгорий к стене, которая отделяла горы от владений леду

Харибди.

Стена простиралась в обоих направлениях, сколько Голгофу хватало глаз, и выглядела крутой и неприступной, с массивными бастионами и нависающим сверху выступом. Она была примерно в сто метров в высоту, а расстояние между бастионами составляло метров пятьдесят. На укреплениях вверху с трудом можно было разглядеть крохотные фигурки — легионеров, готовящихся отразить атаку. Многие воины Голгофа тащили лестницы и крюки-захваты, другие намеревались осыпать укрепления дождем стрел. Другие просто хотели вытравить легионеров в чистое поле и потерять головы в хаосе битвы под стенами. Сказать по правде, Голгоф был одним из них.

Земля впереди была изрыта траншеями и утыкана рядами шипов. Не обращая внимания на опасность, орды нахлынули на нее. Столь немногие из них когда-либо видели битву, масштабом подобную той, что им обещали здесь, что они практически обезумели от жажды боя

и плевать хотели на угрозы. Масса
немых тел сгрудилась вокруг Голгофа,
пока тот лез через баррикаду из
заостренных колов, зная, что взбирается
по телам собственных воинов, которые
упали и погибли, пронзенные остриями.
Перебравшись на гругую сторону, он
увидел, что траншея впереди заполняется
телами, и вместе с толпой вокруг себя
побежал по телам павших.

Они кричали — затоптанные люди от
паники, другие — от радости, прилива
адреналина, подобного которому
они никогда не чувствовали. Начали
прилетать первые стрелы, неточные
выстрелы с большого расстояния, которые
все равно попадали в цель, ибо упасть они
могли только в массу атакующих. Голгоф
увидел воина — он был уверен, что это
кто-то из Меча — который пошатнулся со
стрелой, угодившей сбоку в грудь, и исчез
под ногами своих товарищей, как тонущий
человек под волнами.

Когда стрелы начали падать гуще,
Голгоф вытащил щит из-за спины. Рои
стрел пробивали прорехи в наступающей

орде, но те быстро заполнялись другими
воинами, с нетерпением жаждущими
показаться в первой линии. Земля вокруг
кишела ловушками и несла смерть
скрытыми шипами, что пронзали ноги
неосторожных, и ловчими ядами, которые
пожирали по двадцать людей за раз.

Голгоф услышал трубы на стенах —
отвратительный звук, созывающий на
битву солдат Бога Наслаждений. Он увидел
сверкающие наконечники копий и
сигнальные вспышки взрывчатки. В
отдалении что-то полыхнуло, и
в близости взвился столб дыма и
изуродованных тел. Удар грома
прокатился по наступающим воинам.
Голгоф поднял взгляд и увидел на стене
огневую точку, где взгромодилась
гигантская боевая машина, швыряющая
взрывчатые снаряды в сердце его армии.

Они трусливы, эти рабы королев-
дегенератки. Они скорее готовы убивать
настоящих мужчин с расстояния, чем
выйти и сражаться с ними лицом к лицу,
мечами и топорами. Голгофа переполнила
ненависть к леги Харибди, которая

лишила чести Узурпудный Меч, к ее
солдатам, которых он бы с радостью рубил
тысячами, если мог бы до них добраться, к
самой планете, что позволила захватить
власть этой раковой опухоли. Ненависть
пронесла его над дымящимися кратерами,
между падающими стрелами, над
баррикадами и траншеями.

--- Вперед! --- закричал он на орду
вокруг себя, на людей, которые теперь
были окровавлены и пошатывались. ---
Вперед, псы! Ради вашей чести! Утрите
как мужчины!

От взрывов содрогнулась земля.
Сверху пошел дождь из земли и крови. Под
ногами лежал толстый слой тел, а
оборонительные траншеи углубились
окровавленным топям. Коня на пружинах
вырывались из земли и пронзали животы
людей.

Голгоф попытался разглядеть, что
происходит в дальних частях линии
атаки. Конница обратилась в смятение,
лошади застряли на баррикадах, в
сметавшейся массе люди и звери
затанцовывали груг груга на смерть.

Некоторые избежали свалки и растянулись
длинной цепью, залопирывая вперед — кое-кто
даже добрался до самой стены, и конные
лучники стреляли прямо вверх, а солдаты
собирали по кускам лестницы, чтобы
взобраться на укрепления. Со стен уже
стекали потоки мерцающей кислоты,
окатывая тех, кто пытался подняться, и
стрелы падали густыми волнами.

Хат справлялся лучше. Его люди
мчались вперед, увлекаемые потоком
воинов Этеи. Они сильно уменьшились в
числе из-за оборонительных сооружений, но
это значило, что те, кто был достаточно
силен, чтоб прорваться, не были
обременены теми, кто пал. Хат на самом
деле не командовал ими — никто не мог
по-настоящему руководить такой оргой,
она неслась вперед скорее по инерции, чем
по приказам — но Голгоф хотел, чтобы его
старый друг был здесь, как представитель
племени Меча.

Яркие магические стрелы взмывали
вверх над всем войском варваров. Их
выпускали таинственные южные убийцы, и
с каждым выстрелом крошечная фигурка

нагала с укреплений, чтобы упасть и разбиться о землю далеко внизу. В ответ с одной из башен вдруг ударили яркие конья толный, прямо в сердце сметававшейся конницы. Вспышка белизны, и на ряды варваров посыпался мокрый ливень обращенной в пыль земли, конской и человеческой плоти.

Они утирали, как и люди по всей стене. Голгофу не было до этого дела — он видел достаточно много утирающих и достаточно многих убил сам. Места для сочувствия не осталось, все внутри него заполнил гнев, казалось, готовый взорваться. Он двигался вброд по пролитой крови к стене, ряды воинов вокруг него редели, стрелы утыкали его щит, вознесенный над головой, а волосы и кожа стали липкими от брызг крови.

Внутри стены было сухо и темно. Сквозь камень начали просачиваться звуки битвы — глухой пульс боевых кличей и воплей, перетекающих внезапно в револutions и грохотом, с которым магические залпы ударялись в землю.

Тарн вытащил кинжал и зажал его между зубами. Бокон он втиснулся в расщелину и начал продвигаться вверх. Крепкая кожаная одежда защищала его от острых камней. Кинжал был его единственным оружием, потому что здесь, в середине стены, не было места, чтобы брать с собой щит или меч. Тарн не возражал — кинжалом он мог убивать лучше, чем большинство людей — чем бы то ни было другим. Но правде говоря, он был достаточно силен, чтобы обходиться даже голыми руками. Трик выбрал его еще при рождении, отделив от более слабых младенцев очень простым способом: он держал их на холоде все дольше и дольше, пока не остался только один, и это был Тарн.

Для большинства эта трещина была бы слишком узкой, но Тарн был стройным и гибким, все его тело состояло лишь из мышц и костей. Массивные камни, из которых была выстроена стена, слежались за долгие века, но при этом немного сдвинулись с мест, так что остались промежутки, достаточно большие, чтобы

түдә моң протиснүться хүдөй человек.

Но мере того, как он взбирался, глухие отзвуки сражения стесались --- снизу доносился громоподобный рев орды, сверху --- грохот орудий и треск колдовства. Он чувствовал запахи благовоний и парфюмов, которыми умащали себя слугители Бога. Наслаждений и с помощью которых производили ритуалы. Многие могли бы назвать этих людей женоподобными, но Тарн видел, в какое жуткое месиво они превращали охотников и пагальщиков, которые попадались в руки их патрүлей, и знал, что они были столь же безжалостны, как самый горделивый варвар. Он слышал слухи, что легионеры не чувствуют боли, как все. Их магия была столь же стертоносна, как у самых могущественных племенных колдүнов, и к тому же они советовались с демонами, строя свои планы.

Порой Тарн размышлял, не мог ли он стать хорошим слугой для леги Харибди. Боги знали, что он не слишком предан Узүтрүдному Мечу или Голгофу. Он

сбежал со службы Трику, когда стало ясно, что старик обезумел так же сильно, как и мумифицировал, и присоединился к Голгофу по большей части из-за того, что погиб бы один в горах, и Голгоф казался наилучшим вариантом для убийцы, жаждущего выжить. Тарн даже не ненавидел легионы, как большинство племен — он вообще никого не ненавидел и просто считал, что все остальные — второстепенны перед его собственными желаниями выжить и найти себе приключений. Но судьба решила, что Тарн должен достаться Узутрудному Мечу, а не леги Харибди, поэтому Тарн убивал для Голгофа и наслаждался этим, пока мог.

Тарн протискивался вверх по трещине, пока не выбрался через пол крохотной комнаты, заключенной в глубине стены. Воздух был спертый, дышалось с трудом. От сильного запаха пряностей и какой-то странной алхимической субстанции обжигало глаза. На стене, коптя, горел единственный зажженный факел — Тарн решил, что какое-то забытое заклинание не давало

эту угаснуть.

Он взял кинжал в руку и остотрелся, чтобы убедиться, что он в безопасности. С одной стороны пол просел, вероятно, из-за трещины в стене внизу, и открывал взгляд расщелину, из которой он выполз. Стены были какие-то странные, покрытые сложными узорами с необычной текстурой — только со второго взгляда Тарн понял, что они увешаны растянутыми и выделанными кожей, усеянными татуировками. Узоры искажались и скручивались на глазах у убийцы, на него как будто уставился призрачный взгляд — но он выкинул эту мысль из головы и бесшумно вышел через единственную дверь в комнату.

Выход находился под деревянной лестницей. Очевидно, солдаты поднимались по ней на укрепления, об этом можно было сказать по бряцанию доспехов и топоту ног. Тарн чувствовал запах пота и духов воинов, слышал неразборчивое бормотание — видимо, молитвы их богу. Он выглянул между досками ступеней и увидел десятки босых ног, многие из

которых были покрыты старыми
неглубокими ранами, нанесенными самими
воинами.

Бойцы прошли мимо, и Тарн быстро
выкарабкался на лестницу. Она была узкая,
и воздух по-прежнему был затхлым, но на
этот раз доносящиеся сверху запахи были
смешаны со зловонием крови и смерти.
Тарн хорошо знал эти ароматы — это
место, хотя и странное и наполненное
многими непонятными ему вещами, все же
было полем боя, таким же, как и все
остальные. И лишь на поле боя Тарн
чувствовал себя как дома.

На стенах висели золоченые иконы,
форматы напотивавшие свернувшихся
змей или переплетенные ветви. Повсюду
были следы царапин, над дверью в самом
верху лестницы был прибит старый
гниющий труп. Он был одет в обрывки
униформы легиона, поэтому Тарн
предположил, что это преступник, убитый
за какое-то нарушение и вывешенный в
наказ остальным. Эти люди не так уж
сильно отличались от его народа, подумал
Тарн.

Пока что он был один. Но Тарн знал, что стены не только кишат легионерами, есть еще и несколько других лазутчиков, которые так же, как он сам, пробираются в сердце обороны.

Некоторые направляются в казармы, чтобы убивать резервных бойцов и оттянуть легионеров от стен. Другие, как Тарн, должны устроить как можно больший переполох на самих укреплениях. Большинство, конечно, не пройдет дальше стен или бастаионов, но те, кому это удастся, принадлежали к числу самых хладнокровных убийц в горах.

По ту сторону двери стоял стражник — Тарн услышал сквозь дерево, как тот дышит. Он тихонько приоткрыл дверь и вонзил кинжал за ухо часового, даже не глядя за порог. Убийца поймал тело, вытер клинок об атласную униформу, положил труп прямо у порога и закрыл дверь за собой. Так Тарн впервые убил одного из этих врагов — еще одно убийство для бесконечного каталога, который он хранил у себя в голове. Немногие из подобных ему людей так долго считали свои жертвы, но

Тарн считал, хотя ему понадобилось бы какое-то время на пересчет, чтобы назвать конечную цифру.

Лестница закончилась, и Тарн оказался в коридоре под самыми укреплениями — потолок коридора был полом для верха стены, и здесь, внизу, слышался топот десятков ног, выкрикиваемые приказы и свист летящих стрел. Тарн устремился по коридору и вышел на свежий воздух, на уступ в задней части стены, по которому можно было пройти вверх, к бастионам. Уступ был узок, чтобы затруднить продвижение врагов вниз, и это был единственный способ достичь уязвимых казарм и командных постов, если не считать очень длительного падения. Оборонительные сооружения были хорошо продуманы и выстроены таким образом, чтобы атакующие попадали в узкие места, где их могли бы удержать или уничтожить относительно немногочисленные обученные воины, или же так, чтобы они застряли на стенах, где на них обрушились бы пушки и лучники.

Короткий и узкий лестничный пролет вел к бастионам, и Тарн увидел, что там творится бурная деятельность. Группы лучников давали залп, а потом уходили, в то время как ответные стрелы колотили по катню. Конейщики фортировали резервы, чтобы заполнять бреши, оставленные погибшими. Отряды бойцов, вооруженных щитами, мечами и более экзотическим оружием, занимали позиции на перекрестках и у дверей, чтобы дать отпор любым врагам, которые могли обратиться на стены.

Тарн увидел какое-то существо, которое, вероятно, принадлежало к человеческой расе, но не слишком походило на человека — оно было вдвое выше взрослого мужчины, покрытое темно-красной чешуйчатой кожей, а вместо рук у него были плети со щупальцами на месте пальцев. Ног у него не было, вместо них под юбками из чешуи и шелковыми обмотками виднелась толстая кожаная оболочка, похожая на ногу слизня. Огромная широкая пасть изрыгала приказы, и по сложным украшениям на его растянутой униформе

Тарн понял, что это нечто вроде офицера. Тарн бы назвал его Затронутым, другие сказали бы, что это урод или мутант — потомство Торвендуса часто рождалось со множеством аномалий, и некоторые дети были достаточно сильны, чтобы не только выжить, но и во многом превосходить обычных людей. Некоторые племена убивали их при рождении, неважно, насколько сильны они были.

Леги Харибдуга определенно ценила тех, кто был для нее полезен. Тарн видел, что это конкретное чудовище — хороший солдат, которого, несомненно, немало уважали другие легионеры.

Тарн не питал ни капли уважения ни к кому и ни к чему, кроме себя. Низко пригнувшись, он взбежал по лестнице, пока не оказался прямо под мутантом. Существо смотрело в другую сторону и указывало на поле боя своими змееподобными пальцами, выкрикивая лучникам, куда ил обрушить свои залпы, на каком-то странном языке.

Тарн беззвучно прокрался по нескольким последним ступеням до самой

тени лутанта, ясно понимая, что достаточно лишь одной пары зорких глаз, чтобы заметить его и поднять тревогу. Он выпрямился и впервые увидел поле боя. Темная шевелящаяся масса на земле растекалась, словно слизь, в направлении стен, постепенно истончаясь по мере продвижения через траншеи и ряды кольев. Сверкали взрывы, пушки и гаузы поднимали в воздух нечто, напоминающее фонтаны темной пыли — Тарн знал, что эти пылинки на самом деле — тела и фрагменты тел, мгновенно разорванных на куски.

Это была плохая смерть, что под толотом пушечного огня, что под ногами своих же товарищей. Еще до начала атаки Тарн надеялся, что Голгоф позволит ему вести бой здесь, наверху, где можно убивать чисто.

Пора было присоединиться.

Один из лучников потянулся, чтобы достать из колчана охапку стрел, и случайно оглянулся. Он встретился взглядом с Тарном, и мгновение они просто смотрели друг на друга. Легионер

был старше большинства, с запавшими глазами и морщинистым лицом, которое к тому же было рассечено прямыми вертикальными шрамами, нанесенными им в знак верности Богу Наслаждений. Легионер выкрикнул предупреждение, и командир-мүтант обернулся, уставившись на Тарна глазами на коротких стебельках.

Тарн никогда не делал ошибок. Иногда он ненамеренно создавал ситуацию, которая, хоть и незапланированная, могла, тем не менее, стать необычным преимуществом. Но не ошибки.

Он с силой метнул кинжал и исчез из виду, упав на лестницу, как только полетели стрелы. Убийца услышал звук металла, пронзающего кость, и понял, что клинок пробил череп мүтанта. Если повезет, его мозг окажется на правильном месте, и существо умрет еще до того, как коснется пола.

Тарн поторопился вниз по краю лестницы, пригибаясь, чтобы увидеть любого, кто пойдет навстречу, прежде чем тот увидит его. Он услышал шаги.

инстинктивно метнулся вперед и возна-
локоть в первое появившееся перед собой
лицо, сломав противнику челюсть и
всадив обломки кости в артерии в верхней
части горла. Той же рукой, не прекращая
движение, он выхватил стрелу из колчана
утирающего и вонзил ее в пах следующего
за ним лучника. Когда тот с воем согнулся
пополам, Тарн схватил его за загривок и
швырнул через плечо. Изломанное тело
покатилось по ступеням.

Придут другие, а он в ловушке на
этой лестнице, именно так, как и
предвидели строители этих укреплений.
Тарн потянулся вверх, зацепился пальцами
за трещину между двумя каменными
блоками и, опираясь краями подошв, сделал
два широких шага вверх по стене. Потом
он перескочил через паранет и оказался на
основных укреплениях, приземлившись
позади лучников, которые собирались
ринуться на него вниз по лестнице. Убийца
охватил рукой шею ближайшего воина и
сломал ему позвоночник у самого черепа —
этот прием он выучил в детстве, и
теперь для него это было практически

рефлекторное действие. Другой даже не заметил, что кто-то стоит позади, пока Тарн не схватил лук убитого, немногого стрел и выпустил три из них в лучников. Стреляя, он быстро считал. Шесть — нет, девять осталось. Две стрелы попали в цель. Семь.

Он оглянулся. Позади, на расстоянии краткой пробежки, возвышалась причудливо украшенная башня, ребристая колонна, увенчанная острыми зубцами, словно короной, и высоким тонким шпилем. В башню вела солидная дверь, покрытая рунатами. Она могла быть открыта, могла быть закрыта, но других вариантов не было, кроме как прорываться сквозь лучников или прыгать со стены.

В него полетели стрелы, выпущенные более решительными лучниками. Они что-то голосили на незнакомом языке, но Тарн понимал, о чем идет речь — «кретины, он позади нас, убейте его побыстрее».

Если бы Тарн начал паниковать, то даже если бы каждый его выстрел убивал по человеку, отряд бы утыкал его стрелами еще до того, как уполовиниться.

Он хорошо владел луком, но лучше — голыми руками. Он бросился на них.

Лук был тонкий, но крепкий, изготовленный из какого-то матового черного вещества. Место, за которое надо было его держать, было позолочено, как и концы лука, сужавшиеся до тонкого острия. Тарн пробежал несколько шагов, вознамерившись воткнуть острый конец в живот одного лучника и позволил своему телу по инерции пронестись дальше, к остальной шестерке, и сбить их с ног. Чья-то шальная стрела взмыла высоко в воздух.

Тарн пошарил вокруг и нашел короткий меч в ножнах, прицепленных к поясу лучника. Рывком он высвободил оружие и позволил своему телу совершать привычные движения, отточенные бесчисленными тренировочными поединками и свалками на поле боя. Он хлестал и парировал клинком, вонзил его под челюсть одному врагу, высвободил меч и отрубил другому руку.

Четыре.

Рукоять, увенчанная золотым шаром, пробила висок, а клинок проткнул бедро.

Три.

Бой закончился. Трое на одного практически означало победу: легионеры были хорошо натренированы и, что может быть важнее, были полностью преданы своему делу, но Тарн уже сто раз атаковал более многочисленных врагов и побеждал. Раньше, когда он работал на Трика, убийца прославился тем, что шел на риск, на задания, для выполнения которых надо было не просто перерезать людям глотки, пока они спят, и был всегда готов доказать, что он может драться с кем угодно, на любых условиях, и победить.

Три человека? Три мертвеца, насколько мог сказать Тарн. И они стали мертвецами еще до того, как эта мысль успела покинуть его разум.

Теплая липкая кровь в волосах вызывала знакомое, почти уютное ощущение, как и лагони, онемевшие от ударов клинка, натыкающегося на кость. Руки и ноги ныли, и они будут гореть, как в аду, на следующее утро, но пока что это говорило лишь о силе и скорости, которые позволили ему убивать, не дав жертвам

издать ни звука.

После целой жизни, проведенной в убийствах, это занятие должно было стать скучной рутинной, но для Тарна в целом свете не было иного дела, которым бы стоило заниматься.

Стоны утирающих лучников привлекли чужое внимание. Он услышал голоса и звон копий на бастionaх и даже заметил, как ствол одной из inferнальных пушек поворачивается к нему, готовый в упор стрелять по укреплениям, если враги пробрались на стену в большом количестве.

Значит, башня.

Тарн сбегал вниз со стены, поднялся по ступеням. Дверь была сделана из тяжелой дровесины, почерневшей от времени и покрытой ранами. Глаза отказывались фокусироваться на них, как будто какая-то его часть боялась их увидеть. Но дереву извивались размытые силуэты.

Тарн понял, что потерял драгоценные мгновения, тараща на дверь.

Он толкнул ее. Она распахнулась.

Убийца бросился внутрь, выставив перед собой меч, готовый сразиться с отрядом мстительных легионеров.

Комната внутри была освещена четырьмя жаровнями, испускающими темно-красный болезненный свет. Повсюду вырезаны все те же странные, обжигающие глаза руны — на стенах, потолке и на полу, где узоры concentрическими кругами окружали единственный закрученный символ, изображающий свернутую змею.

В комнате было слишком много стен. Тарн не мог сосчитать их.

Дверь позади захлопнулась сама по себе. Других выходов видно не было.

Тарн не паниковал. Раньше он бывал в ситуациях, которые, фактически, были безнадежны. Как-то элитные стражи племени Змеи окружили его банду на какой-то одинокой горе, и он выполз из образовавшейся после стычки кучи трупов — раненым, но живым. Он с боем пробился сквозь глиняный дом врагов Трика и попал в засаду лучников, которые осыпали его горящими стрелами, но отчаянно бросился на ближайшего врага и вышел из дома.

живым. Он даже решил поточь убить самого Грика, и не только остался жив, но увидел Грика мертвым и к тому же прикончил немало своих соплеменников.

Нет, это была не паника. У Тарна были большие возможности — выйти обратно на стену и умереть или остаться здесь и умереть. Это было жуткое место, которое по непонятным причинам вызывало у него отвращение, но у него была дверь, достаточно широкая, чтобы вместить двух человек, и, по крайней мере, он мог убить свою долю врагов, прежде чем они прорвутся и одолеют его числом. Не такой уж и плохой способ уйти, и к тому же многие сукины дети будут долго, очень долго помнить Тарна. Сколько людей проникло на стены леги Харибдии и пролило кровь их защитников голыми руками? Немного. Может быть, и вовсе никто.

Тарн никогда ни о чем не жалел. Он убил больше людей, чем большинство встречало за свою жизнь. Он никогда не растрачивал свою жизнь на служение тому, кого он скорее бы убил, чем

подчинился ему. Он никогда не проигрывал в честном бою. Хороших дней для смерти не существовало, но этот был лучше, чем большая часть других.

Заложить дверь было нечет. Но когда он услышал легионеров, поднимающихся по ступеням, дверь не распахнулась. Что-то тяжелое ударило в твердое дерево, и дверь выгнулась — они пытались ее выбить. Она закрылась? Тарн не видел на ней ни замка, ни засова.

Наверное, магия. Тарн не обращал внимания и выжидал, прижавшись спиной к стене возле двери, у самого ее края. Еще один удар, дверь снова прогнулась и треснула. Руны скорчились, будто от боли, и потекли по древесине подобно каплям воды.

Наконец дверь лопнула, и в комнату ворвался окованный бронзой наконечник ручного тарана, рассчитанного на четырех человек. Прежде чем его успели вытащить, сквозь дыру мелькнул клинок Тарна и глубоко вонзился в горло одного из легионеров. Он услышал крик боли и гнева. Двое попытались пробраться в комнату, но

Тарн врезал одному из них ногой в бок головы, а второму вознал в шею набалдашник на рукояти меча. Он выглянул наружу меж обломков и трюнов и увидел на стене примерно две дюжины легионеров, которые выстроились в очередь, чтобы убить лазутчика.

Внутрь полетели стрелы, и Тарн отступил. С ревом легионеры ринулись внутрь, намереваясь заполнить маленькое помещение своими телами и задавить Тарна массой и численностью. Убийца дважды ткнул мечом и почувствовал, как свежая кровь хлынула на его руки и грудь, покрытые старой, уже запекшейся. Три или четыре легионера ворвались в комнату с копьями наперевес. Изгибаясь меж острых наконечниками, Тарн крутанулся и срубил голову одному из них. Потом он прыгнул на врагов, сбил двоих на пол, прижал их коленями и врезал ребром ладони по челюсти следующего за ними.

Тарн снова уколол коротким мечом в правую руку, а левой вытащил из мешка убитых копье. Еще больше легионеров побежало на него, выкрикивая слова.

которых он не понимал, и бесстрашно
хлынуло в дверной проем.

Тарн хватал их, насаживал на
клинок, парировал копьем, шаг за шагом
отступая вглубь комнаты по мере того,
как росла куча падающих тел. Раненые
выбирались из потока трупов,
отплевываясь кровью, только чтобы
утереть еще раз. Кровь хлестала из
перерезанных глоток и отсеченных
конечностей, брызгая на стены. Голодные
руны как будто упивались кровью,
становились все больше и начинали
светиться.

Лучники, стоящие прямо за дверью,
стреляли в него, но теперь тела были
навалены до середины проема, и большая
часть стрел зарывалась остриями в
мертвечину. К этому времени Тарн
затаскивал копьеносцев и мечников за
баррикаду из трупов, чтобы убить их там.
С башен на него бросили подкрепления, но
Тарн одолел и их. Сколько они пошлют?
Сколько они позволят ему убить, прежде
чем разрушат башню тяжелым снарядом
из пушки или заставят какого-нибудь

чародея летнуть в гверь трескучие
потоки молний? Скоро ли они начнут
бросать внутрь бутыли с маслом и
горящие головни?

Тарну было все равно. Это случится,
рано или поздно. Но пока что он был
твердо намерен провести остаток своей
жизни, убивая, как он провел все минувшие
годы.

Сквозь кучу тел пробился мутант с
четырьмя толстыми мускулистыми
руками и огромной рогатой лошадиной
головой. У него не было оружия, но
здоровенная лапа одним ударом
отшвырнула Тарна на заднюю стену
помещения. Наступая на трупы, существо
пошло к нему и занесло над
распростертым телом огромные, тугие
стиснутые кулаки. Тарн откатился в
сторону, так что крошащий камень удар
обрушился рядом с ним, и вскинул руку
вверх, пронзив мечом мягкую часть
мутантского бедра. Клинок перерубил
артерию, наружу хлынула сине-зеленая
кровь. Тарн рванул меч, рассекая
сухожилие монстра, тот покачнулся и

упал на стену. Убийца подполз к нему сзади и перебил врагу позвоночник на уровне талии. Мутант еще больше завалился набок, и тогда он нанес последний удар в затылок.

Тарн позволил себе почувствовать боль, чтобы оценить ранения. На нем была добрая сотня порезов. Пара пальцев на руке, в которой осталось измочаленное древко копья, была сломана. Чувовище перебило ему несколько ребер, грудина отделилась от них и двигалась, причиняя боль, когда он дышал. Обломки костей могли пробить легкие или задеть какую-нибудь артерию или вену. Возможно, сейчас он истекает кровью изнутри.

Он выронил древко и подготовился к новой атаке. Но ее не было. Через останки, наваленные у двери, он видел, что на стене никого нет вплоть до следующего бастиона. Дальше виднелись блестящие острия копий между бастионом и платформой орудия, но никто, похоже, не горел желанием отомстить за десятки убитых. Рывнула пушка — но стреляла она не в башню, а почти прямо вниз. Взрыв

далеко внизу отдался эхом, и Тарн понял, что орда уже у самого подножия стен, обменивается стрелами с защитниками и пытается найти способ забраться вверх.

Может быть, у врага кончились люди? Может, Тарн убил всех легионеров на этом участке стены, и в неразберихе еще никто не заметил их гибели?

Нет... кто-то приближался. Тарн посмотрел на изуродованные тела в поисках лука и стрел, чтобы убить его до того, как он войдет, но их не было. Он только сейчас заметил, что комната по колению залита кровью.

Приближающийся силуэт не принаглаждал легионеру. Он был одет в свисающий до земли плащ, темно-синий с вышитым на нем закрученным пурпурным орнаментом и золотой отделкой. В одной руке фигура сжимала глиняный бронзовый посох, чей набалдашник имел форму руны, вроде тех, что покрывали стены комнаты. Как и они, набалдашник менялся и причинял боль глазам, которые отказывались фокусироваться на нем.

Высокий воротник незнакомца

скрывал всю голову, кроме щели спереди. Тарн был рад этому, потому что, когда фигура приблизилась, он разглядел только серую, обескровленную кожу и рваную дыру на месте носа. Говорили, что колдовство взимает дань с тела и делает человека старым задолго до срока. Но те, кто овладел им, могли не обращать внимания на плоть, жить в мертвом теле и оставаться такими же ловкими и сильными, как в молодости. Должно быть, это было подобное существо.

Оно подняло свободную руку, и трупы начали подниматься. Тарн набросился с мечом на сочащиеся тела и отрубленные конечности, парящие в воздухе. Но они выплыли из комнаты и зависли над полом, а колдун прошел между ними. Кровь осталась на месте — пруд крови, глубиной по колено и становящийся все глубже.

Колдун стоял в дверях. Тарн зажал меч в обеих руках и приподнялся на носках, готовый нанести удар, но при этом он инстинктивно понимал, что нечто настолько обыденное, как клинок в сердце, даже не отпугнет такое создание.

Кровь бежала вверх по стенам, напитывая руны, которые становились все больше и жирнее, корчились и содрогались. Тарн пытался посмотреть на них, но его глаза сами с силой отворачивались от размытых форм.

В тени на лице колдуна светились затаенные катарактой глаза. Усохшие губы вытолкнули слова на языке, который Тарн никогда не учил, но каким-то образом понял.

--- Спасибо тебе, друг мой, --- сказал он. --- Ты весьма облегчил мне дело.

Это было худшее из того, что он когда-либо видел. Хат участвовал в отчаянном бою в ущелье Возмездия и присутствовал при резне у истока Черноводной реки. Он видел, как стратегические планы шли прахом, и видел это с обеих сторон. Но это было хуже. На всем Торвендусе не было способа взять эти стены. Одних только лестниц и захватов, которые несла варварская орда, недостаточно, когда стены такие высокие и крутые --- у защитников будет более чем

достаточно времени, чтобы зарубить или застрелить любого, кто поднимется до вершины.

Но Хат не мог это остановить. Никто не мог. Он должен был делать то, что всегда делали воины. Должен был сражаться с отвагой и силой и надеяться, что останется жив, когда безумие погойdet к концу.

Хат знал, что что-то не так, еще до того, как добежал до стены. Вдали он видел участок фронта, возглавляемый племенем Эмеи — он, разумеется, ожидал, что те опередят его людей. Эмеи привыкли к молниеносным рейдам на побережье, где они покидали свои драккары, грабили и устраивали бойню, а потом снова исчезали во тьме океана.

Но они распались, как волна, на полпути, еще задолго до самих стен. Их поливали снарядами и бесчисленными тучами стрел, но то же происходило и с Узлрүдным Мечом, и с воинами Медведя, которые толпились вокруг Хата, а те тчались вперед, как прилив смерти и ярости.

Что-то случилось. Этеи были нарушителями клятв, вырождками и убийцами до последнего человека и никогда ни от чего не бежали. Что-то шло не так.

Но вокруг Хата было много чего не так. Он никогда не видел подобного безумия. Впереди возвышалось огромное укрепление, монолитный блок вывернутой земли, оцетинившийся шипами. Большая часть варваров — чисто выбритые, вооруженные топорами воины Узлмрудного Меча и бородатые сыны Медведа с булавами, которые привели на бой многих своих женщин — обходили насыпь стороной, но некоторые лезли через нее и попадались в почти невидимые силки из какого-то прочного острого металла или соскальзывали с осыпающихся краев и падали под ноги бегущим вниз.

Стрелы падали вниз целыми потоками, какое-то скорострельное устройство на бастиионе прямо над головой грошивало взрывчаткой толпы, наваливающиеся на оборонительные сооружения. Гүл стоял чудовищный. Но хуже был запах — вонь горящих тел.

опустевших кишок и крови.

Хат высоко поднял топор, пытаясь разогнать сгрудившихся вокруг людей.

--- Дорогу! Назад! Назад!

Он ревел на пределе громкости, но шум все равно скрадывал его приказы. Рой чего-то вроде ярких светящихся насекомых сорвался со стен и влетел в толпу вглубь, но Хат все равно расслышал вопли смятения. Золотисто-оранжевые искры с жужжанием носились туда-сюда быстрее, чем мог уловить взгляд. Люди взбирались друг на друга, чтобы сбежать от них, и их тела горели.

Еще одно заклинание копьем сорвалось вниз, и из земли проросли извивающиеся, покрытые шипами лозы, которые хватали людей, душили и затягивали под пропитанную кровью землю. Многих затоптали на глазах у Хата, пока толпа влекла его все ближе к стенам.

Еще одна полоса взрывов прочертила сквозь орду, высоко вскинув изломанные тела, и от раздирающего уши грохота уши Хата наполнились белым шумом.

Потом гром магии и треск оружий прекратился. Хам подумал, не оглох ли он, но нет, он все еще слышал боевые кличи и стоны утирающих, сливающиеся в гул.

Свист летящих стрел тоже пропал.

Если бы Хам мог повернуть назад, это бы он и сделал, но толпы воинов по-прежнему тчались вперед и несли его на покрытом шипами валу, над ямами с кольями и траншеями, забитыми трупами.

Почва у вала начала подниматься, таща с собой тела — как мертвых, так и живых. Хам поднял взгляд и увидел троицу чародеев леги Харибди. Они стояли на стене, высоко подняв руки, с белыми искрами, сверкающими в глазах и меж пальцев. Укрепление превратилось в поднимающуюся земляную колонну и обнажило каменный фундамент, в котором зияла огромная черная дыра.

Это была самая дьявольская вещь, которую когда-либо видел Хам. Он подозревал, что она же будет последним, что он видел.

Колонна взорвалась и рассыпалась

черной влажной землей над Хатом и
воинами, столпившимися вокруг того, что
было входом в огромный черный туннель.

И оттуда появились сотни
легионеров-конейщиков в развевающихся
шелках, которые выбежали из скрытого
туннеля и ворвались в толпу варваров.

Далеко на юге белые кони
залопировали вверх по стене. Оставшиеся
пустынные всадники тчались вертикально
вверх к укреплениям, обмениваясь с
лучниками стрелами, как ударами
кулаков. Они потеряли, наверное, девять из
десятерых воинов, но их было достаточно,
чтобы устроить атаку на бастiónы.
Никто ничего толком не знал о
налетчиках пустыни, тем паче о том,
что их скакуны столь же волшебны, как их
стрелы и метательные клинки.
Возможно, не стоило и удивляться, что
решение бросить коней на стену, которое
казалось самым безумным среди всей
какофонии сумасшедших рисков, стало
наилучшим тактическим выбором во всей
этой атаке.

Из орды Голгофа, наступающей в центре, поднялись лестницы и, ненадежно пошатываясь, прислонились к громадным стенам. Только самые храбрые добрались сюда, поэтому не было недостатка в безумцах, которые готовы были по одному забираться по высоким узким лестницам под бурей стрел. Конейщики отталкивали лестницы от стен, и они рушились обратно в толпу, как поваленные деревья. Воины падали градом, так же, как стрелы.

Два управляемых магией подземных прохода открылись, и ударные отряды легионеров нахлынули на воинов Меча и Медведя, окружающих Хата, и Эмей, которые толпились справа от него. Вдобавок к копьям у них были большие круглые щиты и зубчатые кинжалы на случай, если копья сломаются, и они окажутся нос к носу с варварами. Завязалась адская схватка, на первые ряды варваров напирали сзади и теснили их вперед, а легионерам было некуда отступить. Ударные отряды были напичканы какими-то чудовищными

составати, от которых глаза превращались в белые сферы без зрачков, и всякая боль покинула их разумы. Не осталось ничего, кроме убийства, ни возможности отступить, ни места для утений, только чистая резня в тени стен.

Племя Элеи остановилось в полном составе и встретило легионеров сплошной стеной щитов и глинных мечей. Они принимали на себя атаку за атакой, прогибались, когда их передние ряды погибали, но не ломали строй. Элеи побеждали, но им не суждено было добраться до стен на расстояние выстрела, прежде чем настанет ночь.

Пыскулистые и бледнокожие люди долин погибли почти полностью под огнем полудюжины пущек и ливнем раскаленного масла и кислоты, пока они лезли по своим веревкам с крюками. Около десятой части выжило и отступило, остальные лежали в кучах трупов и утирающих у подножия стены.

Пустынные всадники добрались до верха стены и потчались в обоих направлениях колоннами по двое, грудь к

орудия. Защитники были хорошо обучены, но не предвидели, что кавалерия может атаковать их на стенах, поэтому конейщики не успели сформировать достаточно плотный строй, чтобы отбить атаку пустынных. Почти два километра стены были защищены от бастиона к бастиону, три орудия лишились своих расчетов. Когда защитники подорвали бастионы, чтобы не дать им проскакать дальше, конники перегруппировались, молча приняли решение и ринулись вниз по узким лестницам, атакуя колонны легионеров, которые поднимались им навстречу. Они решили погибнуть там, и многие так и сделали, рухнув вместе со своими конями со стены или налетев на копья легионеров. Но внушающий ужас клин конницы все же дошел до казарм и изрубил сотни людей, все еще распевавших свои предбоевые молитвы.

Выжившие, удовлетворив свою честь, развернулись, снова взлетели на стену и спустились по ней к фронту. Когда фиолетово-серые сумерки стенили кроваво-

оранжевый день, горстка гордых всадников на белых конях в безмолвном триумфе подскочила к наголову разбитым толпам долинных племен.

Мало кому еще удалось взобраться на стену. Благодаря одной лишь жажде крови многие воины Узлрүдного Меча под командованием Толгофа вскарабкались на стены и рубили направо и налево, прежде чем их окружили и истребили — хотя и большой ценой — мечники легионов. Толгофа среди них не было, хотя и не потому, что он не старался.

Крупный отряд Узлрүдного Меча вместе с воинами Медведа, которых оттеснили далеко от группы Хата, обнаружили, что никто не мешает им поставить лестницы, и практически без потерь поднялись на стену, совершенно лишенную защитников. Думая, что им выпала удача героев, они приготовились атаковать задние укрепления, когда из заполненной кровью башни хлынул поток гибких, зловеще прекрасных демонетт. Воины были очарованы их чувственными движениями, но лишь до тех пор, пока

острые клешни и изольчатые зубы не
впились в их доспехи и плоть. Когда
настала ночь, этот участок стены
защищали уже не фанатичные легионеры,
но призванные служанки самого Бога
Наслаждений.

Атака обернулась неудачей. На
стенах больше не видно было огромного
количества воинов, но варвары нигде не
могли приблизиться и безнаказанно
взобраться на стены. Ночь, которая на
Торвендисе могла без всяких причин и
предупреждений сменить сияние лунного
света на полную темноту, была
полностью на стороне защитников.
Некоторые безумцы продолжали
сражаться, отдавая собственные жизни без
всякой надежды на успех. Варварская орга
отхлынула, но большей частью
беспорядочно. Некоторые, как Этеи, могли
похвастаться доброй битвой за плечами, и
лишь очень немногие, как пустынные
всадники, уходили, осененные победой.

Торвендис был жесток. Он послал
ночь, которая сияла над полем боя, как

издевка. Песнь Резни, которая не покидала небо с тех пор, как Голгоф впервые встретился со своим наставником высоко в горах Канис, висела низко, в середине небосвода, и была больше, чем помнил кто-либо из ныне живущих. Булавочную головку света окружала бело-голубая корона. Под ее светом кровь, пропитывавшая траншеи и кучи трупов, светилась белым, а стены выглядели так, словно их посеребрили.

Никто не пытался подобрать хоть какие-то тела. На поле ничего не было видно, кроме быстро перемещающихся трупоедов, которые выползли из своих лесных шалашей, и мелькающих стрел, выпускаемых часовыми, чтобы отпугнуть их.

Холодный свет пробивался сквозь густой полог леса, стекал между деревьями и освещал оставших бойцов, все еще возвращающихся с поля битвы.

Голгоф наблюдал за ними, скрывшись в листве. Лес вокруг был густым и темным, корявые стволы деревьев скрывались под мхами. Хотя солдаты

зарнизона регулярно вырубали окраины
леса, он почти сразу же восстанавливался
и каждый раз выглядел более древним и
заросшим, словно настехаясь над их
усилиями. Под ногами лежал толстый
слой моха и гниющие листья, темные
кроны походили на низкое зеленое небо.
Запах мха и тихое дыхание леса почти
что заглушали зловоние крови,
доносящееся с поля боя.

Лес был полон выживших воинов,
многие из которых были ранены. Они
пробирались между плотно растущими
деревьями обратно к заросшим травой
холмам, где прежде собралась армия.
Сквозь вздохи листьев слышались стоны
утирающих, как и разгоряченные споры
людей, пытающихся найти виновного в
неудаче.

Переплетенные корни поймали
многих отставших на краю леса, пока те
пытались добраться до укрытия под скалой.
Толгоф мог поклясться, что видел какие-то
движущиеся силуэты, которые были не
воинами, а пагальщиками, привлеченными
из глубин леса раненой добычей, что

пыталась прогнаться через подлесок. Выжить в битве еще не означало, что удастся прожить до наступления ночи.

Это была бойня. Голгоф видел, как с протянутых вверх лестниц падает дождь из трупов, а когда он отступил в сумерках, то шел по глубокому болоту пролитой крови. Он бывал на войнах, и их было более, чем достаточно, чтобы увериться в своей воинской отваге. Но он никогда не видел ничего подобного. Никогда он не видел своими собственными глазами такое кровопролитие, которое однажды станет одной из легенд, составляющих сущность Торвенгуса.

Изумрудный Меч потерял не меньше четверти всего племени. Долинный народ погиб, пожалуй, на две трети и продолжал умирать — Голгоф слышал булькающие вопли людей, в легкие которых наконец проникла кислота, вылитая со стены. Уже сейчас, слыша, как сломленные остатки его армии с трудом пытаются продержаться ночь, Голгоф понимал, что и он никогда не удастся сосчитать мертвых. Сто пятьдесят тысяч тел — и

то эта оценка, скорее всего, недотягивала до общего кровавого счета.

Ночь стала холоднее, и внезапно он почувствовал у себя на шее острое клинка.

--- Ты чертовски уродлив, Голгоф. Слишком уродлив, чтобы спрятаться, --- сказал скользкий влажный голос.

Острое убралось, что позволило повернуть голову. Над ним стояла бледная женщина с дряблой кожей, глубоко посаженными черными глазами и висколючеными волосами цвета воронова крыла. Голгоф никогда не встречал ее, но ему описывали ее внешность и репутацию: Лутр'Кья из племени Этеи.

Лутр'Кья вышла из зарослей в низину, где сидел Голгоф. Ее чешуйчатая броня, которую она носила как плащ, была покрыта зарубками и пятнами высохшей крови.

--- Я так и думала, что найду тебя прячущимся. Посмотри на себя, сын Меча. Весь в грязи. Жмешься в темноте, --- на ее рыбом лице появилась усмешка. Она опустила свой глиняный тонкий меч, как будто подначивая Голгофа напасть. ---

Надеюсь, ты можешь придумать причину, по которой мне не стоит убивать тебя, Голгоф, потому что мне, боюсь, ее не найти.

Голгоф с трудом поднялся на ноги. Он был покрыт порезами и, видимо, сломал пару ребер, упав с осадной лестницы.

— Убей меня, если хочешь, Лутр'Кья. Леди Харибдиэ это не удалось, Трику тоже. Может быть, тебе повезет больше.

— Будь ты проклят, Голгоф! Ты шлешь со мной? Ты убил моих соплеменников! Ты повел нас на стены на верную смерть!

Голгоф резко приблизил свое лицо к ее лицу.

— Вы уже мертвы! Вы утерли много поколений тому назад! Посмотри на нас, сучка-Змея. Мы — ничто! Меч продал своих детей в рабство. Змеи живут на голых камнях, их мужчины умирают от трудов еще до того, как отрастить бороды. Мы существуем только потому, что не стоим внимания леди Харибдиэ, которая могла бы нас истребить.

— Значит, надо отбиваться!

Проклятье, Голгоф, ты мог бы сразиться с ней на ее условиях, а не бросать своих братьев и сестер на стены!

--- Лучшее смерть сейчас, чем рабство навечно.

--- Голгоф, наши племена много поколений рвут друг друга глотки. Но я беспрестанно пытаюсь удержать племена Эмеи вместе, и я всегда думала, что горные народы смогут выжить, только если будут сражаться как один, -- голос Лутр'Кви похолодел. -- Теперь я вижу, что племя предали. Ты пустил моих людей на мясо, так же, как если бы на стенах были воины Узутрудного Меча.

--- Узутрудного Меча нет. Эмеи нет, -- Голгоф простер руки к потрепанным кучкам выживших в лесу и пропитанным кровью просторам поля боя. -- Это все, что у нас есть! На время этой битвы мы стали не рабами, а чем-то иным. Я дал вам цель, ради которой можно сражаться. Твой народ должен быть благодарен. Иначе они бы умерли, как ничтожества, точно так же, как жили. Мне нет дела до тебя, до твоего племени, до своего, до леги

Харибдун и чего бы то ни было еще. Все, что я хочу -- это достойный погребальный костер для племени, которое погибло еще до того, как я родился.

Лүтр'Кья настороженно отступила назад.

-- Ты безумец, Голгоф из Узүтрүдного Меча.

Она приняла позу бойца, кончик меча парил в воздухе перед ней. Лүтр'Кья пользовалась репутацией женщины, которая нередко убивает мужчин, но предпочитает делать это собственной рукой, если того требуют обстоятельства. Несомненно, выжившие воины Элеи следуют за ней по пятам, чтобы защитить, но шкура Голгофа -- только ее добыча, если она того захочет.

-- Ты обещал надежду, и поэтому я решилась нарушить клятвы моих предков и присоединиться к тебе. Но в тебе так глубок гнев на слабость твоего собственного племени, что ты скорее приведешь нас всех к уничтожению, чем признаешь, что Меч -- самый слабовольный народ из нас всех. В своем безумии ты

погубил моих людей, и я требую твою жизнь.

В темноте Голгоф распрямился в полный рост и ухмыльнулся, держа в повисшей руке топор.

--- Сделай это медленно, сучка, --- сказал он.

Лүтр'Кья начала кружить, осторожно ступая по корням, чтобы не споткнуться, и притериваться к Голгофу, пытаясь понять, действительно ли он хочет дурной смерти. Но выяснить это ей не удалось.

Над ними прошла тень, на секунду затмив яркие звезды. Воздух согрознулся от биения огромных крыльев и визга механизмов. Что-то громадное и очень тяжелое с влажным шумом приземлилось за пределами леса, где начиналось поле боя, и потом на них нахлынул жар --- волна обжигающе горячего воздуха, которую как будто выдохнула иссушенная пустыня. С деревьев сорвало листья и закрутило слепящим вихрем. Когда ветер исчез, Лүтр'Кья повернулась, и Голгоф уставился туда же, куда она --- на оранжево-красное пламя, взметнувшееся над полем ярким

раскаленным сполохом. Люди кричали и бежали через лес, погальше от этого явления, и звали за собой тех, кто был слишком изумлен или изранен, чтобы двигаться.

Голгоф, пригибаясь, поспешил вперед, к границе леса. Лутр'Кья не остановила его, но последовала за ним, держась за спину и все еще настороже.

Мимо проковыляла группа окровавленных долинных жителей, многих из которых не хватало конечностей. Они поддерживали друг друга и, спотыкаясь и ругаясь, пробивались через подлесок. В их глазах был страх — эти люди второй раз за день смотрели в лицо смерти.

Голгоф дошел до края леса и посмотрел между деревьями. Там горело тупное пламя, окутанное паром и дымом. Теперь он мог разобратить в нем силуэт, человекоподобный, но искаженный, с чудовищно широкими плечами и странными наростами. Он был очень близок — нет, не близок, но огромен.

На мгновение Голгоф забыл о гибели племени и погребальном костре, который он

попытался для них построить. Было ли
это какое-то секретное оружие легионов,
демон Бога Похоти, посланный разогнать
остатки армии Голгофа? Но почему-то
казалось, что этот окутанный пламенем
монстр -- не из тех существ, которых
могли бы призвать во имя повелителя
удовольствий. Что это тогда было?
Знамение? Союзник?

-- Глас океанов... -- вырвалась
Лутр'Кья позади, когда осознала подлинный
размер этого существа. Голгоф подошел
поближе, чтобы лучше его рассмотреть.
Он увидел, что рост чудовища достигает
трети высоты стены. Его кожа имела
неприятный серый цвет и была усеяна
кусками механизмов, похожих на пушки
легионеров, но раскаленных докрасна и
сочащихся каплюющей кровью. На спине
простирались металлические крылья.
Очерченное огнем, вырывающимся из
сочленений и пистонов его машин, оно было
поистине огромно, и Голгоф подумал, что
если бы он не потерял все, что ему было
дорого, он бы ощутил страх.

Монстр посмотрел на стены и

растелеялся. Хохот был подобен грому бури. Легионеры поспешно разбежались по укреплениям, чтобы встретить эту новую угрозу, и выстрелили из одной пушки. Взрыв разметал землю у ног чужовища, второй снаряд попал ему прямо в грудь. Существо отступило на шаг, но, когда дым развеялся, оно оказалось невредимым.

Чужовище широкими шагами пошло по ковру из тел, глубоко погружая ноги в пропитанную кровью землю. За считанные секунды оно преодолело расстояние, которое всего несколько часов назад было оплачено десятками тысяч жизней. Оно подняло когтистые руки и взревело от гнева.

Пошел дождь. Дождь из крови.

Земля корчилась. На глазах Голгофы из нее начали пробиваться, цепляясь когтями, темные силуэты, которые падали, еще не сформированные, на мокрую почву и дергались, сбрасывая с себя атмиевские оболочки, разворачивали руки и хвосты. Десятки, а потом и сотни вытягивали свои уродливые тела из земли и были, аккомпанируя рыку своего

повелителя. Огненно-красные глаза свирепо
горели, усеянные звериными клыками
пасти открывались, чтобы реветь. Эти
существа походили на меньшие версии той
бести, что призвала их, и все равно
каждый был выше человека. Они
протягивали руки с жуткими когтями и
крались через поле битвы, заваленное
обломками и трупами.

Вниз посыпались стрелы. Рывнула
пушка. Гигантского монстра
обстреливали из луков и били снарядами,
но тот даже не шелохнулся. Многие из его
потомства вырывали стрелы из своих
мускулистых тел и кричали, бросая вызов
стенам.

--- Кровь! --- заревел громадный зверь. ---
Кровь для Кровавого Бога!

Возможно, это существо
действительно было союзником.
Возможно, оно или его собратья убили бы
Голгофа на месте, если бы вообще
обратили на него внимание. Но так или
иначе, Голгоф понял, что, видя это, все же
чего-то добился. В невероятной резне
пролилось достаточно крови, чтобы

привлечь это существо, демона Кровавого Бога. И хотя Голгоф не мог похвастаться, что знал пути демонов, он догадывался, что те из них, кто был верен одному богу, не слишком любили последователей другого. Стены выстояли, но если этот демон решит обрушить на них свою ярость, то долго им не продержаться.

И он был не один. Говорили, что на бастионы во время битвы призывались демоны — теперь, похоже, появилась другая сила, которая сама владела искусством призыва. Из-под земли все еще выползали извивающиеся демоны, собирались в звериные стаи у ног чудовища и скачками мчались к стенам.

Демон тяжело затопал к стене, с каждым шагом сотрясая землю. Он протянул руки и вонзил когти в камень одного контрфорса, глубоко погрузив их в трещины между камнями. Потом дернул, и огромный каменный блок вылетел из стены и покатился по земле, вздымая фонтаны кровавой грязи.

Стена просела, по ней побежали трещины. Несколько легионеров упало с

края, остальные побежали, когда по всей передней части стены с треском подтаявшего ледника разошлись огромные трещины. Демон сунул руки в проделанную брешь и надавил в стороны, расширяя рану. Бастион наверху обрушился, еще больше легионеров посыпалось вниз с вершины этого участка стены, которая трескалась и выгибалась, скидывая людей между крепостными зубцами.

Демон поставил в брешь тяжелую когтистую стопу и полез вверх по стене, вырывая лапаты куски из ее поверхности. Он потянулся вверх и снес глинную череду укреплений, осыпав себя битыми камнями. С радостным ревом чудовище зарывалось все глубже в рану и выдирало наружу целые каменные блоки, открывая скрытые коридоры и тесные катеры. Крошащийся камень рушился и поднимал завесу белой пыли. Меньшие демоны начали карабкаться по пробитой стене, подниматься по рваным краям пробоины и запрыгивать на укрепления. Грохот стоял чудовищный, как от землетрясения, и шум

падающих камней отдавался вокруг, доходя до опушки, на которой стоял Голгоф.

Голгоф выбежал из-за деревьев и высоко поднял топор.

--- Все, кто может меня слышать! --- вскричал он. --- Все, кто называет себя мужчинами! Торвендис послал нам знамение! Он послал нам разрушение! Все, кто хочет узреть, как падет город, в атаку!

Одиноким, он потчался вперед, к дему и его детенышам-солдатам, ощущая неожиданную легкость в ногах и наполняющую тело силу и смертоносность ста человек. Может быть, за ним бежали воины, может, он был совершенно один. Ему было все равно.

Убо Сс'лл У'Карр крушил укрепления, демониические последователи обретали плоть у его ног, и стена леги Харибди рушилась.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Торвендис нельзя полностью нанести на карту. Пустыни здесь сменяются лесами, ледники — лавовыми реками, горы — океанскими впадинами, а города — пыльными равнинами. Попытки картографировать его, похоже, только ускоряют изменения ландшафта, как будто Торвендис замечает любую попытку разгадать его секреты при помощи компаса и карты. Никто из его жителей не просыпается в одном и том же мире дважды, и ничто не остается неизменным на планете, где даже цвет неба каждый час разный.

Но даже земля не меняется так, как власть, постоянно, на протяжении всех веков перераспределяющаяся по всему Торвендису, словно лесные пожары, которые то вспыхивают, то выгорают. Подводная империя Понтифика Инфернума, где из колонн лавы создавались могучие крепости и храмы, кровавое правление Селла Ш'Карра, Ковен Тысячи,

который правил нацией големов из черного
стекла, бесчисленные эпизоды полной
анархии, когда единственными законами
были разбой и безумие — казалось, все это
были державы, которые невозможно
повергнуть. Но истина состояла в том,
что каждое правление было всего лишь
одной гранью бесконечной головоломки
власти, и любое из них длилось лишь
краткую фазу в прошлом планеты. Как
нельзя нарисовать карту Торвендуса, так
нельзя и записать его историю.

Есть только легенды, и если собрать
их вместе, оказывается, что они неясны и
противоречат друг другу, но при этом
одинаково истинны. Хаос проявляет себя
на Торвендусе как изменчивость,
непознаваемость. Многие мудрецы и
пророки пытались разделить историю
планеты на аккуратные лоттики
времени, и все они умерли безумцами.
Хаос не позволяет, чтобы его
классифицировали, а Торвендус — мир
чистого Хаоса, обманчиво
замаскированного под скалы и океаны.

Всякий житель Торвендуса в конце

концов становится легендой или частью легенды. Невинные, сокрушенные демоническими легионами Сс'лла Ш'Карра, после смерти стали большим, чем когда-либо при жизни, превратившись в часть безумного наследия повелителя демонов. Те, кто влачил существование в горах, лесах и пустынях, сыграли свою роль, ненамеренно создав границы между отдельными воюющими государствами. Но все они, неважно, насколько великими были, оставили не более чем рябь на озере легенды Торвендуса. Даже чудовища вроде Ш'Карра или Багровых Рыцарей стали лишь очередными персонажами в бесконечной галерее тиранов, героев и тясников.

Единственная легенда, имеющая значение — сказание о самом Торвендусе, что завоевал Арзүлеон Век, мир, который тянет на себя каждая сила Хаоса, готовая принять участие в нескончаемой войне за власть в варне. Это история о том, что никто, человек или демон, не может истинно властвовать, о том, что Хаос — это перемены, неопределенность и безумие, о том, что каждое действие на

Торвендисе — триумф, а каждое изменение — трагедия. И если спросить любого обитателя планеты, то он согласится, что эта та легенда, которая не закончится никогда.

Воздух был густой и знойный, Крон дышал им с трудом. От каждого движения густая растительность джунглей содрогалась и сбрасывала капли теплой влаги, жалящие его обожженную кожу. Он был покрыт незажившими красными ожогами, местами доходящими до самых мышц, и каждый шаг причинял адскую боль. Крон хорошо знал, какова боль в аду.

Он шел уже где-то три дня. За это время ему удалось выбраться из пустыни и уйти от кровавого дождя, из-за которого в его всклокоченных волосах до сих пор путались липкие сгустки. Он пришел к границе джунглей и встретился в их глубины. На Торвендисе было немного мест, более подходящих, чтобы укрыться, и он знал, что ему придется скрываться, пока он не выздоровеет и будет готов приступить к последним шагам плана. Крон не был глупцом и предвидел, что

кто-то может последовать за ним на Торвендис. Начать хотя бы с Несущих Слово. Могут быть и другие.

И все же время от времени Кронумечталось, чтобы его выбор пал не на джунгли. Влажность давила со всех сторон, каждое растение щетинилось иголками и кишело паразитами. Здесь не было тропинок, с каждым шагом приходилось пробиваться сквозь ветки и лозы, сплетающиеся вокруг. К Кронум приползли стаи паразитов: вши насыщались кровью в волосах и на одежде, какие-то извивающиеся твари забрались под ногти, нечто глинное и скользкое внедрилось под кожу на спине и проело своим круглым ртом воспаленную дыру на лопатке. Он ничего не ел и не пил, кроме дождевой воды, но знал, что в его кишки наверняка пробралось что-то живое и пожирало его изнутри. Обычно он даже не обращал внимания на такие вещи, но сейчас Крон был изнурен колдовством и побегом из горячей гробницы Сс'лла Ш'Карра и язвил как никогда. Пройдет всего несколько дней, и он вернется в

состояние, близкое к полной силе, но на протяжении этих дней он будет совершенно беззащитен перед преследователями, если кто-то из них его найдет.

Крон понимал, что за ним следят. Вокруг прятались сотни хищных птиц и рептилий, которые надеялись, что он в конце концов упадет замертво, как это случалось со всеми одинокими путниками. Ночь наполнилась звуками когтей, рвущих кору, хлопанием крыльев и шелестом кожи, трущейся о кожу. Крон побывал во многих джунглевых дырах и знал, что некоторые из глаз, следящих за ним, были человеческими.

Он добрался до дерева с широким дуплом, которое, видимо, было загублено толщей или болезнью и превратилось в пустую оболочку из почерневшей древесины. Это было хорошее укрытие, и сейчас, когда ночное небо, густо усеянное пятнами туманностей, тяжело нависло над головой, Крону необходим был отдых, иначе ему грозило полное истощение иммунитета. Джунгли давно убили бы

обычного человека болезнями и инфекциями, но Крон не натеревался утирать подобным образом.

Он перешагнул через скользкую поросль и взгляделся в темноту дупла. Внутри, на мерцающей паутине, обтянутой дохлыми сухими насекомыми, прятался паук с нечетным числом лап. Глаза на стебельках дернулись вверх при приближении Крона.

Размах лап паука был не меньше, чем размах рук Крона. Человек снял с пояса нож. Существо напряглось и прыгнуло, его тело раскрылось, оказавшись одной большой крестообразной частью, усеянной зубами.

Крон дважды взмахнул ножом и рассекал тварь на лету, начисто отрубив ей ноги. Куски паука быстро расползлись по густым зарослям.

Крон был стар и ранен. Но все еще быстр.

Раздался шелест, и вдруг земля как будто ожила. Она кишела существами, которые появились из отрубленных конечностей паука. Они собрались в единую

отвратительную массу и окружили Крона, готовые броситься и отравить его ядами, которые подействовали бы даже на него.

Крон прошептал слова, обжигаящие горло и оставляющие за собой след в воздухе. Круг пламени вспыхнул вокруг его ног и разошелся в стороны, озарив темную зелень джунглей оранжевым светом. Послышалась какофония уханья и визга — это всевозможные твари спасались с деревьев, взмахивая крыльями и перебирая тонкими ногами. Когда огонь угас, выжженные заросли были усеяны обугленными трупами паучьих паразитов и бесчисленных других существ.

Крон закашлялся и повалился на колени. Сила, похоже, покинула его. Он не помнил, когда в последний раз спал, и ничего не ел уже много дней. Прошло столько времени с тех пор, как он использовал полный потенциал своих способностей или хотя бы что-то близкое к нему, что его тело ослабло и утратило прежнюю выносливость. Даже это мелкое заклинание взяло свою дань.

Крон прополз последние несколько

шагов до полого дерева, опираясь
обожженными ладонями на густую теплую
траву. Он никогда не чувствовал себя
настолько слабым, никогда не ощущал
столь тяжкое бремя веков на своих плечах.
Наверняка было время, которое он уже
забыл, когда он задумывался, каково это —
прожить невероятно долгую жизнь. Он
думал, как эти герои легионов-предателей
и чемпионы Хаоса чувствуют себя, терпя
и преодолевая то, что было далеко за
пределами способностей обычного
человеческого тела.

На самом деле, к тому времени, как
Крон начал сам беспокоиться по поводу
таких вещей, он уже сотни лет сражался в
войнах Хаоса и прожил неестественно
долгого лет, даже не заметив этого. Такова
была жизнь, которую он вел. Сам того не
сознавая, Крон стал не совсем человеком, и
даже сейчас он не мог точно сказать,
когда Хаос по-настоящему завладел им,
его телом и душой.

На джунгли снова опустилось
покрывало тихих звуков. В бледном свете,
сочащемся сквозь полог леса, на ветвях

выгнулись сгорбленные пернатые фигуры, а среди толстых змеящихся корней --- внимательные моргающие глаза. Все еще острый, несмотря на минувшие столетия, взор Крона уловил отблески звездного света на кремневых наконечниках копий и потной коже. Эти дикари были тише, чем большинство животных, но Крон все равно их видел.

Наверное, они ждали того же, что и птицы-пагальщики. Все они ждали, пока он упрет, может быть, из любопытства, потому что очень немногим чужакам удавалось так долго прожить в джунглях. Крон насчитал дюжину наблюдателей --- людей с наполовину выбритыми головами и золотистой кожей, сквозь которую были видны прогеты кости и перья. Должно быть, это был патруль, самые крепкие представители племени, охотники за головами, каннибалы или собиратели скальпов.

Крон улыбнулся. Даже сейчас, раненый и усталый, он мог сразиться с ними в смертном бою. Пусть это и обернется адскими туками, но он мог бы победить их

всех. Фактически, он был в большей безопасности, пока они за ним наблюдали, потому что дикари отпугивали крупных хищников.

Пока он смотрел, один воин сделал почти неразличимый жест, и горстка его соплеменников отделилась от остальных. Они расползлись по зарослям, чтобы окружить пустотелое дерево и не дать этой необычной добыче сбежать. Может быть, ночью они попытаются убить его отравленным дротиком или метательным ножом, но было время, когда Крон мог ловить пули на лету. Возможно, он еще способен на это.

Пока голодные каннибалы крались к его укрытию, Крон отключил половину своего мозга и наконец-то смог немного отдохнуть.

Ни один смертный не был способен понять, что за мысли жили в голове Сс'лла Ш'Карра, если их вообще можно было назвать мыслями. Самым приблизительным образом они

напоминали нескончаемый вопль, или рык, снова и снова повторяющий слово «кровь», или всепоглощающую жажду, или чистую ненависть, или чувство погружения в огонь. Но ничто не могло полностью описать то, что заставляло Сс'лла Ш'Карра, воплощение Кровавого Бога, делать то, что он делал.

И все же, наблюдая за возрождением своей армии, Сс'лл Ш'Карр ощущал нечто вроде ностальгии. Аг сочился наружу из пор земли, полусформированные тела его легионеров карабкались из пропитанной кровью почвы. Он знал, что они найдут его — демоны Кхорна рождались из насилия и гнева, и братья Ш'Карра всегда ждали его в земле Торвендуса, питаясь от каждого акта кровопролития. Чтобы вернуть их, нужно было только желание их освобожденного властелина и озеро крови, что насытило землю у стен.

Сотня громадных существ, каждое вдвое выше человека, завывала, сбрасывая атмическeские оболочки и выпуская сквозь кожу железные когти. Сотня могла стать тысячей, а тысяча — миллионом, и все,

что им нужно было — больше крови. А на Торвендусе не было недостатка в крови или в способах ее пролить. С'лл Ш'Карр чувствовал вкус миллионов тел, толпящихся за стеной перед ним — слабых, спелых, ждущих, пока их разорвут на куски во славу Бога на Троне Черепов.

И чтобы добраться до них, им нужно было только преодолеть стену.

Тарн смотрел, как стена рушится вокруг него. Он находился в зоне сразу за стеной, между укреплениями и казармами, и мрачно думал, насколько жестокой и быстрой станет его смерть сейчас, когда он пережил так много возможностей умереть, начиная с предыдущего утра. Стена, как он понимал, обрушится гигантской каменной лавиной, сметая все на своем пути, и это будет смерть, недостойная мужчины.

Всюду бежали люди, волочили раненых с разбитых бастаионов и быстро поднимались по задним лестницам, чтобы сменить павших. С той стороны стены доносились ужасные звуки — грохот

разрываемого камня и забывание демонов. Люди кричали, когда их увлакивали вниз или когда падающие камни ломали их конечности. На вершине стены двигались какие-то приземистые, качающиеся силуэты с когтистыми лапами, которые с каждым взмахом снимали головы.

До этого Тарн проснулся рядом с кучей трупов, и голова у него болела от ползучих зловонных сновидений. Он выбрался из разрушенной башни и обнаружил, что битва закончилась, а укрепления завалены останками воинов Узлутрудного Меча. В воздухе стоял тяжелый запах магии. Краем памяти он помнил, как воздух прорвался, и по приказу из стен башни выкатились какие-то жуткие существа с шелковистой кожей и когтями.

Но это было давно. Тарн видел странные и ужасные вещи и научился вытряхивать их из головы, когда надо было сконцентрироваться на выживании. Он с трудом спустился со стен, преодолевая боль от многочисленных ран, и добрался до укрытия в тенях казарменных

комплексов. Сейчас он лежал, спрятавшись в сточной канаве, солоноватая вода накрывала его плечи, а наружу, над пленкой липкой ряски, торчал только нос. Рядом находилось много зданий — глиняных и низких общих солдатских спален, над крышами которых развевались знамена настельных тонов, а также склады для зерна, предназначенного для легионеров, и мощеные дороги для погвозки припасов и прохода марширующих колонн. Детали военной машины леги Харибдики выглядели впечатляюще, и не в первый раз Тарн подумал, насколько высоко он бы мог подняться, если бы родился по эту сторону стены.

Он прятался здесь с тех пор, как зашло солнце. Последние стоны на поле битвы утихли. А потом началось это.

Тарн рискнул высунуть голову над краем канавы. Теперь, когда всюду туда-сюда метались испуганные группы людей, казармы смотрелись не столь внушительно.

Подкрепления, поднимающиеся на стены, сталкивались с бегущими в обратном направлении.

ранеными.

Тарн поднял взгляд и увидел, что на вершине стены движется нечто огромное — больше, чем все, что он видел, больше торговых чудовищ, которые охотятся на северных берегах, и птиц рок, что утаскивают неосторожных с западных пиков. На коже монстра влажно поблескивали торчащие рога и окровавленный металл. Он взбирался на стену, рыча и расшвыривая огромной когтистой лапой легионеров, которые пытались удержать его при помощи копий и луков. Это был демон, легендарный великий зверь, созданный из чистой воли Хаоса, и вокруг его ног роились толны меньших демонов, что с жаром бросались на врагов, вторя своему господину.

Штук двадцать защитников отбросило вниз по узким лестницам, и они покатились по ступеням и площадкам, ломая кости. Отряд легионеров пробежал мимо укрытия Тарна под крики центуриона, пытающегося установить хоть какой-то порядок среди смятения.

Рядом слепо проковылял колдун, из

глаз и ушей которого текла кровь от
тяжкой волны магии, скатывающейся вниз
со стены. Даже Тарн чувствовал запах
крови, щекочущий ноздри, и слышал у себя
в голове шепот тысячи жаждущих
демонических ртов. Сотни легионеров
выбежали из казарм, но убийца знал, что
они не смогут остановить врага. По шкуре
демона колотили стрелы, но он не замечал
их, продолжая всаживать когти в камень и
рвать. Стена просела, демоны перебрались
через нее и полчились к казармам,
прорубая путь сквозь легионеров,
скопившихся у задней части стены, словно
приливная волна серокожих чудовищ
полуташин.

Стена рушилась, как вода,
разбивающаяся о берег. Поднялись столбы
пыли, огромные куски каменной кладки
покатились вниз, круша жилища солдат и
раздавливая целые центурии.

Демон шагнул сквозь бойню. Легионеры
полностью перешли в отступление, не
обращая внимания на немногих
центурионов, которые пытались их
остановить. Меньшие демоны прыгали

туда и сюда между казармами и линиями снабжения, убивая все, что им попадалось. Тарн прополз под грязной водой к месту, где канаву переходила горстка легионеров, схватил последнего, утянул его под воду и держал, пока тот не перестал вырываться. Крики приближались, запах крови подавлял зловоние канавы. Тарн сорвал шелка с тертвеца и обмотал их поверх собственной кожаной одежды, взял копье и, опираясь на него, вылез из канавы. С первого взгляда он мог бы сойти за легионера, и никто бы не задержал взгляд достаточно долго, чтобы хорошо рассмотреть его.

Тарн никогда не стыдился бежать, ибо человек, который убивал для своего хозяина, едва ли может чего-либо стыдиться. Разогнавшись, как следует, он присоединился к отступающим, направляясь подалее от стены, в глубины владений леги Харибди. Демоны бежали длинными прыжками, как волки, и разрывали людей на куски. Потоки стрел падали на сражающихся людей и демонов, лучники готовы были убивать своих, если

только это позволило бы уменьшить количество врагов, изливающихся из-за обрүщенной стены.

Шаги повелителя демонов гревели, как боевые барабаны. Вокруг царили ужасное зловоние и гал. Тарн знал, что теперь это уже не та битва — не отчаянная попытка Голгофа сразиться в последнем бою. Проснулось нечто новое и ужасное, и эта битва больше не принадлежала Голгофу. Это значило, что и Тарн не должен был в ней участвовать, и поэтому он бежал, и кровь в нем кипела, сражаясь с образами, корчащимися в голове.

Если он выживет, то найдет себе нового хозяина, как случилось дюжинү раз до этого. Но пока что единственным его союзником было выживание.

Леди Харибдия давно не была настолько расстроена. Все вокруг шло не так. Брешь в ее царстве была словно рана у нее в боку. Дикари и чүжеземцы распространялись по владениям Слаанеша подобно болезням. Во рту чувствовался

гүрнөй привкус, на краю слуха звучал
отвратительный скрежет. Иногда ей
хотелось, чтобы она могла испытывать
страдания посредством грубых чувств
иных смертных.

Это помещение крепости было
отключено от заградельного потока
эмоций, чтобы те, кто сидел вокруг
широкого стола из твердого дерева, могли
выжить. Прохладный ветер дул с балконов,
окружающих башню кольцом, доносил
отзвуки и ароматы города, развеивал
боевые знамена, принесенные легионами с
прошлых кампаний, и заставлял
трепетать пламя множества
истекающих воском свечей. Леги
Харибди не нравилось это место,
расположенное на самой вершине крепости,
и она надеялась, что, если она терпит
дискомфорт, то и другие тоже чувствуют
себя неудобно. Белый мурец (чье имя она
так и не потрудилась вспомнить) был, вне
сомнения, в полном ужасе, каждый мускул в
его теле был напряжен, а окруженные
морщинами глаза метались по сторонам.
С него градом катился пот. Леги

Харибдия подавила улыбку -- по крайней мере, оставались еще телкие удовольствия.

Кагүцея, единственная личность в царстве леги Харибдии, к которой та считала нечто близкое к настоящему уважению, развалилась на массивном деревянном троне, свесив руку с клешней и расслабленно опустив покрытую щупальцами голову. Она облизнула губы раздвоенным языком и взъерошила жабры, тянувшиеся рядом по ее шее. Кагүцея ничего не боялась -- и леги Харибдия не знала, было ли это воздействие демона внутри или просто естественное состояние ее разума.

Канцлер леги Харибдии, Мейн, вжался в спинку своего кресла и дрожал. Это был маленький, похожий на обезьяну человек с запавшими глазами, похожими на черные бусины. У него не было свободной воли, ее иссушила губительная для души обязанность исчислять общее количество ресурсов города. Только он один по-настоящему понимал, сколько всего было вырублено из земли, а потом уничтожено.

вылитом в злотки кутил или пущено на
здания и оружие. Математика этого
процесса была пропитана Хаосом и
поэтому основывалась на отсутствии
логики, и попытки понять ее высосали из
разума Мейна все интересные
составляющие. Леги Харибдгия ценила
своих канцлеров и их подчиненных, как
инструменты, исчисляющие, насколько
велико ее служение Слаанешу, но как
личности они ничего не значили.
Канцлеров она меняла довольно часто ---
Мейн занимал эту должность три года и
уже был на последнем издыхании.

Двери в зал широко распахнулись, и
вошел последний член военного совета леги
Харибдгии. Командир Деметрий из ордена
Насильников Космического Десанта Хаоса
был примерно в четыре метра в высоту и
столько же в ширину --- массивный
металлический блок, взгроможденный на
гидравлические ноги с когтями. Каждое
плечо соединялось шарниром со
встроенным в руку оружием:
четырехствольной штурмовой пушкой
слева и пучком шипастых энергетических

бичей справа. Плоские поверхности керамической брони были окрашены в бледный серо-голубой цвет, словно губы мертвеца, а на одной стороне груди был нанесен золотой символ Насильников — перекрещенные кинжал и молния. С другой стороны был высечен плотный текст, повествующий о сотнях битв, в которых сражался Деметрий, и знаки, отмечающие поверженных ил важных врагов. В центре груди находился саркофаг, содержащий в себе физическое тело Деметрия — мясистый узел, похожий на нераскрывшийся цветок. Он был бледным и мертвым, но пульсировал под напором машинного сердца.

С рычанием сервомоторов гредноут тяжело подступил к столу. Лепестки саркофага раскрылись, демонстрируя старое тело Деметрия, обугленный труп с отрезанными руками и ногами, сгнившим и иссохшим лицом. Над кожей, словно щупальца какого-то морского существа, колыхались веера обнаженных и углубленных нервных окончаний. Только через них хоть какие-то ощущения могли

добраться до разума Деметрия с его
пригнупленными чувствами.

Он был ужасно изранен в каком-то
далеком сражении, но восстановился ---
хотя тело было искалечено, тактический
ум остался невредим, и Орген похоронил
его в оболочке гредноута, чтобы он мог по-
прежнему руководить ими в вечной войне,
которой требовал от них Хаос.

--- Я рада, что вы смогли прийти,
командир, --- приветствовала его леди
Харибдия. --- Как жизнь на стенах?

--- Терпима, моя госпожа, --- ответил
Деметрий. Голос, исходящий из
перекроенного горла, походил на низкое
нагтреснутое гребезжание. --- В воздухе
витают война. Думаю, скоро мы послужим
нашему богу.

--- Весьма похоже на то. Я верю, что
вы и ваши люди способны решить текущую
ситуацию быстро и с минимальными
нарушениями нашего священного долга.
Насколько обосновано мое доверие?

--- Полностью, моя госпожа. Каждый из
моих боевых братьев стоит тысячи
варваров и больше.

--- Хорошо. Подозреваю, что скоро вы мне понадобится.

Голос леги Харибдии был холоден. По сравнению с ней Деметрий был неотесанным мужланом, чья страсть к переживаниям ограничивалась лишь насильем. Когда-то и сама леги была такой и наслаждалась резней, но теперь она знала, что это была лишь ступень на пути к нынешнему совершенству чувств. Деметрий застрял в лабиринте кровопролития, которое для него становилось все более обыденным по мере того, как он впитывал новые ощущения из битв. Однажды он вообще перестанет что-либо чувствовать, и его разум увянет, оставив после себя только гредноут --- пристанище для еще какого-нибудь тясника. Насильники были невероятно ценными и, без сомнения, лучшими солдатами на Торвендисе, но их присутствие напоминало леги Харибдии о стагнации, которая грозила каждому неосторожному прислужнику Слаанеша.

--- Кадүцея, --- спросила леги Харибдия, --- не поведаешь ли ты нам о ситуации?

Кадүцея поднялась.

--- Конечно, моя госпожа.

Она взмахнула клешней, и старый, потемневший от времени сервитор, которого переделали в голопроектор, создал в воздухе над столом светящийся образ главного континента Торвендуса.

--- Первоначальная атака прилась на западные стены, здесь, --- образ стал ближе и показал секцию стены, граничащую с предгорьями гор Канис. --- Горцы собрали удивительно крупную орду и атаковали стены напрямую.

Деметрий фыркнул от смеха.

--- Ха! Многих ты убили?

--- Где-то половину, --- не отвлекаясь, продолжала Кадүцея. --- С минимальными потерями. Потом, как ты думаешь, прибыл их союзник.

Изображение было размытое. Его собрали по множеству спиритических сеансов и отдаленных видений комнатных тудрецов леги Харибдиин, и оно было искажено от колдовства. Но картина была достаточно ясна, чтобы увидеть нечто огромное и чудовищное, разрывающее

стену голыми руками.

--- Мы считаем, --- сказала Кагүцея, --- что это существо, называющее себя Селл Ш'Карр. Демоны Кровавого Бога последовали за ним и разрушили стену. Остатки варварской армии пошли за ним. Наши легионеры отступили на окраины населенной части города, но понесли тяжелые потери. Я направила несколько дивизий, чтобы защищать западные окраины на всю глубину.

Напряжение стало еще выше, если это было вообще возможно. Враги проникли через границу. Святость города была нарушена. Прошло много времени с тех пор, как кто-то сообщал легиону Харибгии столь дурную новость, и если бы это была не Кагүцея, вестник вряд ли пережил бы ее разочарование.

--- Мобилизация резервов займет время, --- спокойно заметила легиону Харибгия.

--- Мы направили войска, чтобы замедлить их, --- продолжала Кагүцея. --- В основном рабов, выгнанных из западных шахт. Миньоны Кровавого Бога

примечательны страстью к резне ради резни, и вряд ли устоят перед соблазном напасть на столь слабого врага.

--- А когда рабы закончатся?

--- Легионы отправятся в западную часть города. Если нападут варвары, мы удержим их. Если не нападут, то мы устроим контрудар и отгоним их обратно к западной стене.

--- О каком количестве врагов идет речь?

На мерцающей карте появилось множество отметок, покрывающих пробитую стену, словно болезненная сыпь. Зеленые обозначали варваров, красные — демонов.

--- Около ста тысяч горцев. Мы убили очень многих, но к ним присоединилось еще больше союзников. Число демонов мы оценить не можем. Некогда Сс'ллу Ш'Карру подчинялись миллионы.

--- Но это не Сс'лл Ш'Карр. Ш'Карр мертв.

--- Да, моя госпожа. Но это может быть некий наследник этого демона, способный соперничать с ним в силе.

--- Прежде ты отправит это существо
к его богу. Командир?

--- Моя госпожа? --- отозвался
Деметрий.

--- Владыка демонов --- ваш. Кровавый
Бог --- мерзейший из всех наших врагов в
небесах, и я надеюсь, что ваши боевые
братья обрушат весь гнев Слаанеша на его
творение.

От улыбки кожа на щеках Деметрия
разошлась на всю ширину лица и застыла в
ухмылке мертвеца.

--- С удовольствием, моя госпожа.

Его сервомоторы зажужжали от
возбуждения.

Леди Харибдия перевела взгляд на
белого мугреца.

--- Что говорит варн?

Обращение к белому мугрецу, похоже,
застало его врасплох. Леди Харибдия
отметила, что она довольно часто
производила такой эффект.

--- Город встревожен, как и вы, моя
госпожа, --- сбивчиво начал мугрец. ---
Наслаждения... на уровне нормы. Слегка
погнорчены. Плотская раскрепощенность

не так уж обильна. Однако Князь
Наслаждений, несомненно, видит,
насколько вы и ваш город важны для его
культы, и нет сомнения, что наши
богослужения призовут великое множество
его слуг, если появится нужда.

— Нет сомнения? Ты говоришь не так
уж уверенно.

Мудрец затрясся. Его старческие
глаза увлажнились.

— Сейчас в немногом можно быть
уверенным, моя госпожа. Уже много недель
Песнь Резни не сходит с небосклона. В
городе рождаются странные твари.

— Город уже полон странных тварей,
мудрец.

— Моя госпожа, не поймите
неправильно, Слаанеш никогда не оставит
вас, но... но есть много пророчеств, и
многие из них воплощаются в жизнь.
Теленок с тремя головами, как предвидели
прорицатели Багровых Рыцарей, выводок
полудьяволов с щупальцами вместо рук,
как писали пророки подводных государств.
Все это знамения разрушений и неверия,
самые древние, какие есть. Они гласят,

что вернулось нечто, желающее недоброго
Богу Наслаждений.

— Воистину. Отрогье Кровавого Бога
снова шагает по Торвендису. Пусть
пророчества исполняются, как хотят,
түдрец, но никаким демонам не суждено
ворваться в город и отбить его у нас.

Деметрий расхохотался хриплым
гортанным смехом.

— Леги, на ваших стенах целая
четверть ордена Насильников. Пусть они
бросят на нас весь Мальстрим, мы
выстоим против этого.

— Разумеется. Мейн?

Мейн вздрогнул, как будто только
что проснулся.

— Что мы можем взять от
населения?

Мейн пошарил в своих слишком
просторных, грязных, темно-бүрых одеждах
и вытянул наружу листки пожелтевшей
бүтаги.

— Ко... количество пригодных к
службе горожан значительно превышает
миллион, из них половина подходит для
насильственной вербовки, примерно то же

для рабочей силы невольников...

--- Можно ли их мобилизовать?

Мейн снова начал копошиться, рассыпая бумагу по плитам пола.

--- Триста тысяч годных для боя солдат, по данным последней переписи.

--- Погойдут, чтобы утирать на баррикадах, --- сказала Кагүцея.

--- Это они и будут делать, если понадобится. А рабы?

Мейн продолжил, говоря все быстрее и быстрее.

--- Они пойдут в бой так же, как работают в шахтах. Уз-ног плети, утирая. Препятствие, не более, но их будут сотни тысяч...

Речь Мейна перешла в бессвязное бормотание.

--- Подготовьте надсмотрщиков, --- приказала леди Харибгия. --- Надо, чтобы они могли и хотели вмиг поднять стены из рабской плоти, если понадобится. Но пусть не прекращают труды, город не должен испытывать нехватку удовольствий, пока мы ждем следующего шага наших врагов.

Леги Харибдия поднялась во весь свой впечатляющий рост, увеличенный за счет добавочных позвонков.

— Вы получили приказы. Закройте этот город и уничтожьте эту чуждую заразу.

Советники покинули зал: мудрецы — поспешным бегом, Деметрий — тяжко топая, Кагүцея — скачками, как хищное животное. Леги Харибдия оставила над столом мерцающее изображение золотата. Ее город был прекрасен — сверкающая самоцветная короста на поверхности крупнейшего континента Торвендуса, открытая рана, что истекала благодатью в темный мир. Блестели огни, сверкали серебряные нити подвесных люстр на фоне черного бархата глубоких карьеров. Крепость была словно бриллиант в серебряной оправе, идеальный и драгоценный камень.

Как кому-то могло вздуматься навредить такому шедевру? Неисповедимы пути Кровавого Бога, но его страсть к разрушению для леги Харибдии прямо противоречила самой простой логике. Это

был бог, который отказывался от истинного поклонения и принимал только жертву — резню и уничтожение во имя его. Последователи этого божества были примитивны и больше похожи на диких животных. В те времена, когда Торвендис был в руках поклонников Кровавого Бога, война захлестывала планету, подобно огненным волнам, уничтожала все, чем стоило править, истребляла все народы, которые можно было поработить, и оставила после себя занесенный неплот мир, который надо было завоевывать заново. От этих времен остались многослойные поля сражений, истекающие ненавистью и болью — источники гурманящих голов наслаждений, которые леги Харибдия могла извлечь из земли, но вместе с тем живые напоминания об аде, который Кровавый Бог именовал властью.

Образ големата мигнул и потускнел, сквозь молочное ночное небо стало видно черные колонны зала. Потом он загрохотал и отключился, когда старые электросхемы выгорели.

Город не угаснет и не умрет. Самая

усердная прислужница Слаанеша продолжит добывать из Торвендиса священные удовольствия во имя своего бога. Она поклялась, что ее не остановит ни варвар, ни демон. Ведь она, в конце концов, высшая жрица Слаанеша, и этот город — ее церковь. Она исполнит свой святой долг, а все, кто встанет на ее пути, по иронии, получат в дар последнее наслаждение — смерти.

За всю свою жизнь Голгоф никогда не думал, что настанет день, когда он действительно войдет на землю, подобную этой. Царство леги Харибди было священным местом, куда он не был приглашен. Он чувствовал себя, как ребенок, нарушающий запрет. Так же он чувствовал себя, когда пошел убивать своих первых врагов и прокрался на поле боя, не достигнув должного возраста.

Святая земля была сухой, растрескавшейся, безжизненной. Там и сям из почвы медленно поднимались куски зданий, сводчатые галереи с колоннами, мощеные площади — или снова сливались с

нею. Утреннее небо было окрашено в яркий
желтый цвет, пронизано пурпурными
полосками у горизонта, и на нем горела
огонь солнца, соревнуясь с пестрыми
пятнами туманностей и яркой белой
точкой неугасимой Песни Рэзны.

В отдалении высился город, его
странные луковцеобразные башни
кренились под безумными углами, и даже с
такого дальнего расстояния Голгоф мог
разглядеть глинные цепи, которые
поддерживали некоторые из них, и тонкие
подвесные мосты между ними. Под
башнями чернели пятна глубоких карьеров.
Даже сейчас, в разгар дня, в нижней тьме
выдвинулись точки света.

Между Голгофом и городом бушевала
битва, если ее можно было так назвать.
Варварская орда хлынула через брешь,
пробитую Ш'карром, и вторглась в
запретный центр владений легионов
Харибди. Демоны преследовали тех, кто
обитал на окраинах города — пагальщиков
и бедных крестьян, которых просто
увлекли за собой волны отступающих
легионов. Варвары поразвлеклись с

немного численными легионерами, оставленными позади, но не теряли времени, готовые продолжать то, что из катастрофы превратилось во вторжение. Толгоф поразмыслил над тем, как его грандиозный самоубийственный порыв перешел в нечто совершенно иное. Он собрал племена вместе, но вместо того, чтобы уничтожить их в наказание за слабость, он, получается, предпринял первые шаги к возрождению могущества?

Рабов леги Харибдги плетями согнали на путь захватнической армии и собрали в огромную тесную толпу, половина которой была безоружна, часть — в лохмотья, а большинство были практически нагие. Хат насчитал десятки тысяч невольников, но к тому времени, как варвары нагнали демонов Ш'Карра, половина рабов была мертва.

Битва подходила к концу. Тонкая белая линия бледных истощенных рабов с каждой секундой становилась все меньше, сокрушаемая черной массой варваров. Стаи серокожих демонов прыгали там и сям, упиваясь кровью.

Происходило нечто необыкновенное. Они не просто безжалостно уничтожали препятствие, брошенное против них легионами Харибдией — они создавали альянс. Голгоф наблюдал за фронтом с некоторого расстояния, откуда битва казалась почти абстракцией, и приходилось стараться, чтобы представить, что эта бледная, едва различимая линия сопротивления состоит из людей. Но он ясно видел смысл победы. Люди и демоны сражались бок о бок, и сложно было сказать, кто сильнее стремился покарать легиона Харибдию.

Земля затряслась, тень накрыла солнце позади Голгофа. Он повернулся и увидел возвышающуюся над собой громаду Селла Ш'Карра, размером, казалось, с гору. Скрежещущие и движущиеся механизмы в его коже истекали дождем крови и машинного масла. Когтистые лапы были по локоть покрыты запекшейся кровью, и кровавые потоки текли от его мясистых жвал.

— Ты, — сказала существо чудовищным голосом, от которого содрогалась земля, — их король.

Голгоф заграл голову, чтобы увидеть демона целиком. Говорили, что это действительно Селл Ш'Карр — даже Голгоф, который не мог назвать себя много знающим человеком, слышал, как рассказчики историй с благоговением шептали это имя, когда повествовали о царствии безумных кровожадных монстров и тираническом лорде-демона, который правил ими. Теперь создание, называющее себя этим самым именем, возвышалось над ним.

— Да, — ответил он.

Жвала Селла Ш'Карра искривились. Голгоф счел это улыбкой.

— Кровавый Бог доволен. Много крови! Хороший прием, хорошее пробуждение!

Он застылся, и поршни начали выдвигаться из-под окровавленной кожи на его груди.

— Владыка Ш'Карр, — Голгоф попытался совладать со своим голосом, чтобы он не дрогнул, — мы завоевали больше, чем стели надеяться. У нас общий враг?

Ш'Карр обратил многочисленные

глаза на бұшыющую битву, к далекому
городу. Он сплюнул наземь тяжелый
дымящийся ком кипящей крови.

--- Бог слабой плоти! Принц холодной
крови! Я правил настоящим миром. Бог
плоти правит тенью. Эта язва слабости
ничего не знает о силе! О ярости! ---
Ш'Карр стиснул кулаки и сержито
захлопал широкими металлическими
крыльями под вой шестеренок и моторов. ---
О власти! О смерти!

--- Мы можем убивать их вместе,
владыка Ш'Карр! --- завопил Голгоф,
перекрикивая гул. Они могут, осознал он в
тот миг. Орган варваров будет расти с
каждой победой, а победы станут возможны
благодаря Ш'Карру и его демонам.

Говорят, что демоны --- цари среди
лжецов, и любой союз с ними --- смерть. Но
Голгоф уже познал смерть, когда
Узлрудный Меч оказался фермой для
выращивания рабов, и если за эту войну
отщипления придется заплатить душой,
то он с радостью отдаст ее, ибо она
теперь немного для него значила.

--- Твои демоны и мои воины, ---

продолжал Голгоф. — Уже сейчас они
сражаются бок о бок! Если хочешь, забирай
Торвендис. Я хочу только мести.

Ш'Карр свирепо уставился на город.

— Убить бога плоти. Вернуть мой
мир, — прогремел он про себя.

— Заключил союз, владыка Ш'Карр?

Демон задумался. Единственным
звучом было его тяжелое дыхание и лязг
механизмов. Голгоф знал, что Ш'Карр
безумен, как, говорят, безумен весь
демонский род, но также он знал, что
демоны, как и все остальные, подчинялись
базовым желаниям. Ш'Карром двигала
страсть к бою и кровопролитию, он хотел
видеть врагов своего бога изрубленными в
куски. Демон мог убить Голгофа на месте,
невзирая на чары Крона, и Голгоф
чувствовал, что его желудок скручивается
от мучительного ожидания — но если они
заключат сделку, то это будет стоить
риска. Будет стоить всего.

С'лл Ш'Карр расправил железные
крылья, и пошел кровавый дождь.

— С'лл Ш'Карр провозглашает!
Король воинов и легионы Кхорна едины.

пока дышат щенки бога плоти!

Его рев был громче бури. Голгоф остотрелся и увидал уродливых демонов, скачущих обратно из гущи битвы, со звериными мордами, дикими глазами и злобными оскалами.

--- Этот мир будет очищен и омыт кровью во славу Трона Черепов! От глубин океанов до самых небес будет править война, чтобы сокрушить правление слабости!

Они выползали из трещин в земле, эти серокожие монстры с глиняными гладкими когтями и месивом кожи и кости вместо лиц.

--- Смерть богу плоти! --- взревел Сс'лл Ш'Карр, стоя под хлещущим ливнем крови. --- Кровь для Кровавого Бога!

Всюду были демоны, они лаяли и орали. Голгоф чувствовал запах их тошнотворной, гнилостной крови и жирного дыма, струящегося с их тлеющей кожи. Его окружали демоны, призванные словами Ш'Карра, и несть им было числа.

Если бы Голгоф после смерти попал в один из множества адов, там могло быть

примерно так же. Но это были его союзники, они шли за ним и подчинялись ему. Он ощутил чувство, которое не посещало его уже много лет — сердце загорелось, чужа вкус победы в зловонии сгущающейся крови.

— Кровь для Кровавого Бога! — распевало все больше и больше демонических глоток. Тогда и Голгоф подхватил этот клич, и воины, возвращающиеся с битвы, пока все воинство захватчиков не распевало хвалы Кхорну, что восседает на Бронзовом Троне Черепов. Это был вызов армиям города Слаанеша, оскорбление самой леди Харибди и всем, кто следовал за нею.

С'лл Ш'Карр вернулся. Горные племена объединились. Ничто больше не могло устоять на их пути.

Близилась война. Война всегда была здесь, теперь она просто пробуждалась и страхивала с себя сон, порождая вспышки насилия. Вся жизнь Атакира была одной долгой войной — либо подготовкой к ней, либо медитацией на войны, либо

сражениями. Он знал войну изнутри, ибо
прожил десять тысяч лет, со времен
кровавого раскола Ереси Гора, который
завершился Проклятый крестовый поход,
когда Империя поглотил половину
галактики. Все это время Амакир
следовал за знаменем Хаоса и Несущими
Слово. Его воспоминания были галереями
битв, выстраивающимися в полки
фрагментами тысяч схваток, сотен
горящих городов и растерзанных планет, и
все они сверкали в его голове, как
отполированные самоцветы. Десять тысяч
лет одних сражений, и каждое из них так
же отдавало горьким привкусом войны, как
и ветра Торвенгуса.

Пракордиан поведал ему то же самое.
Когда говорящий-с-мертвыми позволил
голосам погибших явиться к нему на
закатном ритуале во славу пантеона
Хаоса, у него начались припадки,
внезапные конвульсии и пена изо рта. Это
были люди, пожираемые демонами,
размалываемые об огромные защитные
сооружения. Их догоняли чудовища и
топтали подгоняемые кнутами

товарищи. Но сильнее всего чувствовалось, что утирают они в страхе и уверенности, что за ними последуют еще миллионы. Рабы в шахтах и крестьяне в полях чувствовали это — они слышали крик возрождающегося Ш'Карра и видели банды озверевших воинов-варваров. Война снова опускалась на Торвенгис густой кровавой пеленой.

Атакир взгляделся вдаль сквозь ветер и недавно начавшийся ливень. Приближалась жестокая буря, из тех, что для обычного человека стали бы испытанием на выживание. Это было необычно, потому что укрытие Атакира — куча валунов — доселе находилось в центре пустыни.

Темный каменистый ландшафт был усеян лужами черной, похожей на столу жидкости, которая, как Атакир знал по опыту, была свернувшейся кровью. Небо было серым, как и земля, и периодически освещалось зарницами, от которых на земле возникали резкие тени. В центре огромного углубления, которое, видимо, осталось после обрушения какой-то

обширной пустоты под землей, зиял кратер. Похоже было на то, что нечто вырвалось из-под земли, разбрасывая куски скальной породы, которые лежали теперь вокруг, словно куски разбитых гор. Усиленные чувства Атакира распознали перекрученный металл на краю дыры и куски металлических сооружений, которые рассыпались вокруг вместе с камнями. Весь ландшафт был эхом разрушения, воспоминанием о том же катаклизме, который пробудил Атакира из полусна.

Атакир заметил движение на севере. Что-то пересекло горизонт и приближалось. Он вытащил болтер и скользнул в тени позади камней, задержав дыхание и взглядываясь в темноту.

--- Пракордиан? --- воксировал он.

--- Капитан?

--- В укрытие. Приближаются цели.

--- Понял.

Атакир проверил, как там Феоркан и Макело. Все четверо Несущих Слово двигались по пустыне довольно далеко друг от друга, и только Атакир засек движение.

В полукилометре от него появилось еще что-то, похожее на человека, но крупнее. Оно слабо мерцало, двигаясь от укрытия к укрытию. Атакир рискнул выйти из собственного убежища и начал легко ступать меж тенями, держа болтер наготове.

--- Капитан? Взял на мушку.

Это был Макело. Атакир застыл на месте.

--- Слева. На семьдесят градусов.

Атакир бросил взгляд вверх и увидел Макело, чей красный доспех выглядел темным в темноте. Прищурившись, он смотрел вдоль ствола своего болтера. Макело был из самых молодых боевых братьев Несущих Слово, причем одним из самых одаренных -- говорили, что его ждут великие свершения, если он сможет прожить достаточно долго, чтобы назвать себя ветераном. К тому же, он был метким стрелком, даже для кинестического десантника, и по привычке заряжал свой переделанный болтер заглушенными снарядами.

--- Чистый выстрел, капитан.

--- Кто эта цель?

Повисла пауза. Потом...

--- Нужные боги, --- воксировал Макело.

--- Ты вообще не умеешь прятаться, Брокс.

В ответ в воксе прозвучал металлический рык. С тех пор, как Брокса одолел вирус облитератора, он не мог говорить, но эмоции были и так понятны.

--- Фазгос? --- спросил Амакир по каналу всего отряда.

--- Приветствую, капитан, --- ответили ему. --- Хвала всему.

Фазгос. Хорошо. Амакир понимал, что разделять ковен рискованно, но теперь Фазгос, Скарлан и Брокс вернулись, и они снова были в полной силе.

--- Хвала всему, --- отозвался Амакир. --- Постарайся не столь очевидно выдавать свое присутствие, Фазгос. Если бы Макело был врагом, ты бы потерял половину огневой мощи.

Фазгос перебрался через ближайшую кучу камней и помахал Броксу и Скарлану, чтобы они двигались вперед. Он ничего не сказал, но Амакир знал, что Фазгос будет

при каждой возможности медитировать на свою ошибку, словно принимая как факт, что неудачи дают ему силу. Фаздос испытывал жгучее желание стать одним из жрецов легиона, Темным Апостолом, который с молитвой на устах ведет Несущих Слово в битву. Может быть, однажды у него даже получится. В Мальстриме происходили и более странные вещи, хотя Фаздосу не суждено в ближайшее время взять в руки проклятый крозиус. Ему придется выстрадать гораздо больше, прежде чем он начнет по-настоящему понимать Хаос.

--- Мы многое узнали, --- начал Фаздос, приблизившись, --- от тугетцев. Мы допрашивали тех, на кого натыкались. Все племена пришли в движение. Они приходят даже из южных лесов и от океанов. У них появился лидер, человек по имени Голгоф. Говорят, что вернулись демоны. Может быть, это Карнунлон?

--- Возможно, --- ответил Атакир. --- Но маловероятно. Он должен знать, что мы здесь, и не будет так сильно открываться. Однако вот это, --- Атакир

сделал жест в сторону огромной рваной дыры в земле, -- его рук дело. Здесь что-то выпустили на свободу, и для этого нужен был чародей редкого могущества.

Фаэдос подвел Брокса и Скарлана к открытию Атакира. Он посмотрел на громадный кратер и еле слышно пробормотал про себя молитву Пантеону, осознав, какую нужно было высвободить мощь, чтобы нанести земле подобную рану.

-- Здесь всюду несет колдуном, -- сказал Пракордиан, появившись из трака. -- Он истекает силой, как кровью. Если он не остановится, то иссушит себя, -- он помолчал, размышляя. -- Ему все равно, умрет он или нет.

Зрачки Пракордиана были расширены, он шатался на ходу, будто пьяный. И его действительно опьяняло колдовство, оставшееся от заклинания освобождения, и энергия, которая вытекла из гробницы после ее разрушения.

-- Чего он хочет? -- спросил Макело, который все еще нес дозор на вершине кучи катней. -- Капитан, это же бессмысленно. Карнүлон служил еще до Ереси, учился при

дворе самого примарха Лорзара. У него было более чем достаточно возможностей для саботажа и предательства. Если он просто хотел заставить легион страдать, то мог бы сделать это, не сбегая. На Торвенгисе нет ничего, что для него что-то значит. Что он пытается свершить? Зачем начинать войну здесь, когда вся его жизнь — война с Несущими Слово?

Как это часто бывало, Макело был прав. Миссия заключалась не только в том, чтобы найти и уничтожить Карнүлона, но и выяснить, что могло заставить столь старого члена Несущих Слово отринуть свой легион. Из всех легионов-предателей Несущие Слово могли похвастаться наибольшей дисциплиной и фанатичной преданностью делу Хаоса, и то, что могло нарушить такую дисциплину, было куда опасней, чем сам Карнүлон.

— Если Карнүлон — с этим Голгофом, то мы должны поторопиться, иначе мы можем легко потерять его, — Алакир обращался ко всему ковену. — Пракордиан

говорит, что его армия прорвалась через
внешнюю линию обороны леги Харибдии и
вторглась в ее царство. Когда начнется
битва за город леги Харибдии, то война
захлестнет полконтинента, и Карнүлон
затеряется в ней. Феоркан?

--- Капитан? --- отозвался разведчик.

--- Двинешься во главе отряда.
Макело, Брокс, пойдете сзади.
Пракордиан, оставайся со мной.
Направляется к южной стене --- нам надо
быть там, где убивают. Хвала всему,
Несущие Слово. Выбегает.

Слухи на Торвендисе
распространяются быстрее, чем солнца
путешествуют по небу. Любое событие
достаточной важности в считанные часы
станет известно во всех уголках света,
как будто вести переносят скалы, горы и
ветра.

Понадобилось воистину
катастрофическое событие, чтобы
пронизать перешептывания легенд и
привлечь внимание планеты. Но угроза
леги Харибдии, которая так долго

догнали и убила на Торвендисом, стоила
разговоров. Планета знала, что будет
война — рано или поздно она всегда
наступала, если только запастись
терпением. Нужна была лишь искра,
чтобы возгорелись битвы, и скверна Селла
Ш'Карра распространялась вновь. Кому-то
удалось создать из горного сброда армию,
которая внушала страх, и в западных
стенах теперь был пролом, через который
хлынуло это войско.

Это могло быть началом нового
цикла демонического мира, новым танцем
сил, выясняющих, кому достанется честь
владения планетой в новом веке.

Горы Канис опустели, ушли даже те
племена, что остались ранее — некоторые
вдохновились рассказами о победах
Толгофа, другие испугались, что тот
вернется с триумфом и истребит тех,
кто не пошел с ним. Племя Хищной
Птицы и разрозненные болотные
кочевники, которые почитали тотем
Ящерицы, пересекли горы и устремились в
бреши, смешавшись с растущей оргой, что
пробивала себе путь на восток.

Народы охотников за головами и шаманов сорвались с насиженных мест в наполненных испарениями джунглях и направились на север. Некоторые говорили, что загадочный волшебник повелел им присоединиться к крестовому походу Толгофа, другие следовали за вождями-демонами. Каное, вырубленные из разумных деревьев, переполняли новые реки, текущие там, где раньше были пустыни, и колонны воинов змеились на север, ориентируясь на танцующие звезды.

С изрезанного горного побережья прибыли драккары с воинством налетчиков, которые долго пребывали под властью Эмеи и видели в Толгофе лидера, способного сделать их выше Эмеи, если они докажут, чего стоят в бою. У пролома они встретились с налетчиками с другого края планеты, которые приплыли на джонках с изломанных островов на юге от континента, чтобы построить собственное государство на руинах города-леги Харибдии. Даже пустынные племена, чья родина была уничтожена, пришли искать что-нибудь или кого-нибудь, за кого

можно было сражаться, и их притянуло к
орге Голгофа, словно гравитацией.

Они приходили из всех уголков
Торвендуса, народы слишком талые или
слабые, чтобы их стоило уничтожить, и
такие, о которых никогда не слышали
советники леги Харибдгии, но когда все они
собрались под одним знаменем, их
оказалось слишком много, чтобы можно
было сосчитать. К тому времени, как
Селл Ш'Карр и Голгоф из Узлмрудного
Меча добрались до границ собственно
города, они возглавляли армию, которая
была больше, чем любое войско, какое видел
Торвендус на протяжении сотен лет.

Торвендус любил войны, ибо ничто не
создавало легенды так же хорошо, как
сталь, пронзающая плоть. Вкус резни
проникал в воздух и реки планеты, почва
предвкушала вновь напитаться кровью, а
воздух готовился уносить в небеса новые
крики.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Те немногие души, которые пытались записать историю Торвенгуса, неизбежно сходили с ума. Немногочисленные различные связи, которые им удалось выявить, тянулись, как правило, к митаническому битвам в прошлом демонического мира. И многие из наиболее почитаемых легенд Торвенгуса касались этих битв -- брешей, прорванных в истории, когда одна сила уступала место другой или из анархии поднимался новый правитель. Многие, многие пытались установить власть над Торвенгусом -- некоторых поддерживали темные силы варна, другие действовали совершенно одни, как оппортунисты или узурпаторы -- ибо так велика символическая мощь мира в центре Мальстрима. И всякий раз, когда одна сила пыталась отнять власть у другой, та не желала отдавать Торвенгус без боя. Тарн полз вперед на животе, стараясь держаться ниже камней и неровностей земли. Ночь была настоящим

проклятием воров --- от звезд, что
проливали на землю тусклый свет, и
расширившейся, побелевшей Песни Резни
небо выглядело белым, как молоко. В
такую ночь достаточно зоркий глаз мог
бы разглядеть бегущую крысу, но Тарн не
испытывал заблуждений по поводу того,
что он должен совершить вылазку именно
сегодня --- армия Голгофа раздвинулась до
внушающих ужас размеров, и Тарн обязан
был выдвинуться в город сейчас, иначе орга
ны бы распалась.

Багровые Рыцари основали свое
королевство после годовой осады островной
крепости Понтифика, на гранитные
стены которой они бросили громадные
боевые джонки, что несли ужасные
демонические осадные машины, и галеры,
наполненные гниющими воинами-рабами.
Демонический легион Селла Ш'Карра
разгромил немалую психическую армию
Бога Перемел на промерзших равнинах.
Мутандер и его пронизанные болезнями
боевые монахи вели против железной
империи Тысячи партизанскую войну,
которая в конечном итоге продлилась

больше, чем само царствие Мутандера. Сражения периодически велись даже за небеса Торвендуса, как, к примеру, тучи гарний бились друг с другом в древние века чудовищ, или когда шелковые птицы-машинны сотни государств состязались за владение континентом, недавно поднявшимся из южных морей.

В таких-то катастрофических битвах мозаика власти на Торвендусе менялась даже быстрее, чем его география. Конечно, величайшим из сражений было первое соперничество между Арзүлеоном Веком и Последним, бой между двутягиночками, который, тем не менее, принес больше разрушений, чем любой другой конфликт в истории планеты. Другие заявляли, что их триумфы затмили победы Века, и даже, что враг, которого они разгромили, был страшнее, чем неведомый и ужасный Последний, но их измышления --- не более чем слухи в бесконечной паутине истории, что формирует все живое на планете. Но всегда есть новые пророчества и предсказания, что однажды на планете

произойдет еще более великая битва, и
есть также те, кто говорит, будто
славнейшие дни Торвендуса минули, и
никогда уже не начнется столь же
великолепное кровопролитие, как то, что
свершили Век и Последний.

Только один факт никогда не
оспаривается. Никто не отважится
предсказать будущее. Мудрейший из
мудрецов и безумнейший из пророков не
рискнут предположить, что Торвендус
когда-либо познает мир.

На первый взгляд ландшафт мог бы
сойти за естественный, но на деле был
совершенно иным. Возвышенности рядом с
границами города леги Харибди были не
холмами, а наполовину погребенными под
землей зданиями, вросшими в почву и
походившими на животных, утопающих в
болоте. Рощи, которые росли между
ветшающими галереями и
амфитеатрами, состояли вовсе не из
деревьев, но из пучков накренившихся
колонн. Резкий звездный свет озарял
скульптуры на пьедесталах, которые,

покачиваясь, поднимались из песка. Говорили, что город всегда расширяется, потому что растет по собственной воле и рассыпает по окраинам свои семена, из которых произрастают здания и дороги, тянущиеся обратно к своему родителю.

Тарн жестом приказал двигаться вперед ближайшим воинам, по большей части Эмеям, которые, как выяснилось, превосходно умели скрываться и были почти столь же свирепыми убийцами, как и сам Тарн. Было тут и несколько других — пустынные кочевники, чья врожденная магия заставляла тени сгущаться вокруг них, и парочка зловонных болотников, которые могли убить человека так быстро, что он и не понял бы, что мертв.

--- Кто-нибудь потерялся? ---
прошептал Тарн ближайшему, землистокожему воину Эмеи с черными зубами и двухклиновым кинжалом, который он не выпускал из рук.

--- Отряд Кин'рика час назад свернул не туда, --- ответил Эмея.

--- Мы их больше не увидим, --- сказал Тарн. Он не особо сочувствовал Эмеям — в

свое время он убил их почти столько же, сколько собственных соплеменников — но они были хорошими рубаками, и нужно было сохранить как можно больше из них живыми, чтобы кто-то мог вернуться к Толгофу до наступления рассвета. — Перевалим еще одну высоту и будем на расстоянии полета стрелы от окраины города. Передай дальше, пусть все двигаются как один. Накажите, что сможете, и возвращайтесь, не полагаясь на глаза. Если кто-то останется здесь, когда взойдут солнца, ничто его не спасет.

Змея кивнул и уполз прочь. Приказ распространился быстро и тихо. Разведчики достигли нужной позиции и начали выполнять свою миссию.

Тарн полз, волоча свое тело по земле. Над возвышенностью вырисовались высочайшие вершины города, увенчанные булавочными головками света. Даже Тарн ощутил изумление, когда перед ним распростерся город, ошестинившийся светом и злобой, и он увидел в первый раз, насколько тот огромен и ужасен.

Город был отвратительным

шедевром. Тарн не понимал, каким образом ему еще удастся стоять --- громадные башни с массивными вершинами нависали над бездонными ямами карьеров, удерживаемые мостами и лестницами, которые с такого расстояния казались тонкими серебряными нитями. Каждую из этих раздутых башен окружали галереи и балконы, кишачие несчетными тысячами легионеров и вооруженных граждан. В руках жителей, оставивших ночные гулянья ради службы, под болезненным светом сверкали луки и копья, смертоносные плети и болевые стрекала. Тарн знал очень немного о том, что происходило в этих зданиях --- и вряд ли кому-то из-за пределов города хотелось об этом знать --- но понимал, насколько серьезной угрозой они считают Голгофа, если им пришлось отказаться от ночи священных наслаждений, чтобы стоять на карауле. Весь город казался живым, и Тарн мог поклясться, что башни медленно, едва заметно пульсировали, как будто дышали.

Город был целью Тарна. Ему в кои-то веки приказали не убивать, но собрать

информацию. Голгофа нельзя было назвать
очень хитроумным лидером, но даже ему
хотелось знать, против чего он идет. В
его войске было мало разведцев (не в
последнюю очередь потому, что он сжег
жизней всех волшебников Меча), поэтому
знание должны были добыть зоркие глаза
таких людей, как Тарн.

Яркое огненное копье взмыло с
вершины одной башни, и по вспышке света,
которая расцвела ниже по склону, Тарн
понял, что часовые заметили разведчиков,
и те оплатились жизнью за свою
неуклюжесть. Послышался опасный свист
отдельных стрел — лучники на внешних
башнях города стреляли в любое
движущееся пятно, которое замечали.
Немного Эмей или кочевников переживут
эту ночь, подумал Тарн. Впрочем, это
неважно, главное, чтобы хоть кто-то
вернулся — и лучше всего, чтобы это был
он.

Ветер дул с низким,
непрерывающимся воем, и Тарн не мог
как следует разобрать звуки, доносящиеся
из города. Но прижатыми к земле

лагонями и всем своим распростертым телом он чувствовал, как вибрирует монотонный гул тысяч и тысяч голосов, бормочущих молитвы и угрозы, стонущих от боли и рычащих от гнева. Тарн не видел людей, но чувствовал их — огромные стада рабов, которых били плетями, сгоняя в толпы и готовясь присоединить к далеко не добровольной армии. Эту тактику они уже применяли, всего несколько дней назад Селл Ш'Карр просто раскатал войско рабов. Но Тарн понимал, что если все рабы города выберутся из шахт и встанут на пути атакующей орды, то воины Голгофа и демоны Кровавого Бога увязнут в боине, а город останется цел.

Ах, демоны. Тарн сражался рядом со всевозможными дукарями и мясниками, людьми, к которым он бы предпочел не поворачиваться спиной, если только не хотел получить кинжал в ребра, и людьми, которых он убивал бы из принципа, будь в его сердце хоть капля морали. Но даже у него становилось кисло во рту от мысли, что демоны называют

себя его союзниками. Он видел, как страстно убивают демоны, прислуживающие леги Харибгии, и от этого зрелища на его разуме остались толстые извивающиеся шрамы.

Демоны были чужовищами, ни в облике, ни в мыслях они не имели ничего человеческого. Будучи лишь фрагментами воли своего бога, они были совершенно непредсказуемы. А само понятие Кровавого Бога наполняло Тарна ужасом. Он убивал умело и быстро, но те, кто следовал за Кровавым Богом — они именовали его Кхорном, Забирающим Череп, Владыкой Кровопролития и всевозможными иными титулами — сражались лишь со слепой яростью и жаждой крови. Они готовы были бросать в безнадежную схватку одну волну солдат за другой и бились не ради победы, но ради одного лишь наслаждения резней. Победа для поклонников Кровавого Бога состояла в том, чтобы пролить как можно больше крови, и, желательно, но не обязательно, выжить, чтобы повторить это на следующий день.

Но леги Харибгия призвала из варна

демонов собственного бога, чтобы те
убивали для нее, поэтому для Голгофа
имело смысл обзавестись таким же
союзником. И, кроме того, Селл У'Карр ---
будь он демоническим князем из легенды
или нет --- все всякого сомнения, возглавлял
самые свирепые и эффективные ударные
войска, которые Тарн видел за всю свою
жизнь, полную резни. Но все же... демоны.
Высшие боги, кто бы мог подумать, что
дойдет до этого!

Вряд ли он выяснит еще что-то в
эту ночь. Город до краев полон
защитников, рабов в нем больше, чем
можно сосчитать. Надо будет прорубить
путь сквозь них, прежде чем удастся хотя
бы ступить на землю города. Все так, как
он ожидал. Голгофу, наверное, понравятся
эти вести --- Тарн подозревал, что ему
хочется устроить настолько тяжкую и
жестокую битву, насколько возможно.

Еще пара воинов Элеи погибла под
огненными стрелами, которые летели
вниз, словно светлячки. Тарн развернулся и
уполз обратно за возвышение, чтобы
вернуться в лагерь Голгофа и сообщить о

том, что увидел.

Если состоится битва, какой хочет
Голгоф, то в ней вряд ли кто-то выживет.
Тарн понимал, что сам он, скорее всего, не
войдет в число уцелевших. За последние
недели он слишком часто выезжал на своей
удаче. Но ему было все равно. Большинство
людей рано или поздно умирают, и если
есть битва, в которой ему суждено найти
свой конец, то это именно она.

Ночь была гнет для авточувств.
Командир Деметрий из ордена
Насильников веселился, глядя на низших,
неулучшенных людей, которые думали,
что тьма дает им преимущество. Со
своего наблюдательного поста на
внутренних стенах Крепости Харибдии он
видел стрелы, летящие вниз с края города
на каких-то вражеских лазутчиков. Быть
может, несколько человек и вернутся к
врагу с информацией о городской обороне,
но что такого они могут рассказать? Во
многих зданиях и на перекрестках стоит
гарнизон из множества солдат, которых
достаточно, чтобы отбить любых

захватчиков. И даже если враги знают, что четыреста костических десантников Насильников стальным кольцом окружают крепость леги Харибди, к тому времени, как хоть кто-то из них доберется настолько далеко, их останется немного, и силы их практически иссякнут. Деметрий думал, что это будет неплохое развлечение для людей, которых он оставил позади, на защите крепости. Впрочем, добыче, на которую он устроит облаву, будет не так весело.

Массивное металлическое тело Деметрия задвигалось, разминаясь. Он ощутил вес штурмовой пушки и извивы живых щупалец нейробича, вложил дымовые гранаты в метательные устройства на верхней грани своего панциря, чувствуя, как яйцеобразные емкости наполняют пазы, покрутил стволами пушки. Боеприпасы тяжелого калибра приятно заструились в магазины. Деметрий с нетерпением ждал битвы, ожидание пронизывало его целиком, от влажного центра из плоти до чувствительных пластин артанласа.

защищающих его саркофаг.

Некогда он испытывал ужас при мысли, что его могут похоронить в холодном как лед керамитовом ящике, где он утратит способность чувствовать то, что давало ему причину убивать. Но нервная система Деметрия отказалась отпрекаться от жизненно важного наслаждения болью и проросла, словно корни, в материал успеха гредноута, сделав его куда более чувствительным к ощущениям битвы, чем в бытность здоровым костическим десантником. Да, это будет хорошая драка. Он тосковал по огню, выжигающему краску с доспехов, и крови, брызжущей на его мастерски выточенные бронепластины.

--- Командир? --- прозвучал голос в боксе Деметрия. Деметрий повернулся и увидал технодесантника Клаэса, чья серворука, снабженная десятью грелями, слепо тянулась в воздух над его наплечником.

--- Технодесантник. Мы готовы?

--- Флот подготовлен. Они так проголодались, что понадобились

определенные усилия, чтобы пробудить их и накормить. Но теперь они могут подняться на крыло в ближайший час.

--- Хорошо. Я хочу, чтобы ты был с нами, Клаэс. Нам не добиться успеха без флота, а он слушается тебя больше, чем всех остальных.

--- Я горд служить.

--- Будешь гордиться, когда отрогье Кровавого Бога умрет, Клаэс. Пока что наслаждайся битвой и полни, в чью славу сражаешься.

Клаэс кивнул головой, скрытой шлемом. Как и многие Насильники, он никогда не снимал даже часть доспехов --- Слаанеш был благосклонен к ордену и часто менял тела его воинов таким образом, что ощущения и удовольствия становились более непосредственными. Никто точно не знал, как именно теперь выглядит Клаэс --- и именно поэтому, как и по другим причинам, Насильники были возлюблены Слаанешем. Каждый костический десантник был храмом Божьих Наслаждений, его плоть была священна и неосквернима, и демонстрировать эти

благие мутации было все равно, что распахивать дверь храма каждому встречному. Деметрий и сам редко открывал свой истинный облик, спрятанный под массивной бронированной оболочкой тела гредноута. Делал он это только в присутствии тех, кто поистине воплощал идеалы Слаанеша, как легионеры Харибдия, или же перед великим врагом перед тем, как убить его.

— Значит, отряд уже отобран, командир? — спросил Клаэс.

— Лучшие из лучших, — прогромыхал Деметрий сквозь вокс-динамику гредноута. — Койвас. Хаггин. Большая доля штурмовых частей. Много стали, много жажды битвы, — Деметрий повернулся и посмотрел на город — миллионы огней и сверкающие моря наконечников копий. — Проведи оружейные ритуалы для боевых братьев. Они должны чувствовать каждую пульсацию, которую выпускают. Еще очень долго на Торвендисе не будет боя, подобного этому.

Клаэс спустился с укреплений и отправился благословлять болтеры и

доспехи Насильников, дабы Слаанеш мог
направить все, что чувствует снаряжение,
прямо в душу его носителя. Сейчас Хазгин
начнет преданно бормотать молитвы, а
Койвас — наполнять свой организм стесями
боевых наркотиков, к которым он уже
практически приобрел иммунитет. Члены
отделения Девриага будут вырезать
клятвы на доспехах друг друга. Каждый
Насильник скоро угрожит от
предвзвешения битвы, ибо Слаанеш
предопределил, что все они увидят
кровавое пролитие еще до следующего захода
солнца, и те, что остались оборонять
крепость, и те, что присоединились к
Деметрию для исполнения священной
миссии самой леги Харибгии.

Это будет хороший день, подумал
Деметрий. Один из лучших.

Леги Харибгия посмотрела с балкона
вниз, на собрание провидцев и чародеев. Их
согнали со всего города и привели сюда, в
проездную башню крепости — молодых и
старых, уродливых и нетронутых
мутациями, мужского, женского и всех

разновидностей среднего пола. Толпа внизу насчитывала сотни человек, и очень немногие из них знали, зачем они здесь. Высокие каменные стены башни отбрасывали тень на собрание, и они угрожали от холода во мгле. Большую их часть вытащили из постелей и познали по улицам к крепости. Некоторые, кого нашли в куполах удовольствий, до сих пор были обнажены и раскрашены.

Леди Харибдия требовала, чтобы шпионы вели записи о всех, кто родился с колдовскими талантами. Она предвидела, что они понадобятся ей для подобного случая, потому что ей хотелось знать, с кем она борется, и лучшим способом узнать это было спросить самого врага. Для этого требовался большой запас тех, кто был рожден с магией в крови.

Те немногие колдуньи, что увидели и узнали ее, сжались и побледили.

За леди Харибдией на почтительном расстоянии тянулся шлейф мудрецов, утомляющихся в пышных мантиях. Леди нетерпеливо взмахнула рукой, и они заторопились вперед, борточа священные

слова и делая сложные жесты руками. Мутный белый свет, словно бледная вуаль, упал на толпу внизу — некоторые заскулили от страха, другие начали шептать собственные спасительные молитвы.

— Вы нашли его? — спросила леди Харибдия у мудрецов.

Одного из них вытолкнули вперед, и он заговорил:

— Да, моя госпожа. Это было несложно, мы чует его запах даже отсюда.

— Хорошо. Вы готовы?

— Последние несколько слогов, и мы закончим, моя госпожа.

— Тогда действуйте.

Еще несколько мгновений, и заклинание сработало. В воздухе перед леди Харибдией затеплялись очертания и световые пятна, поглощаемые энергией невольных колдунов и сфокусированные при помощи знаний ее мудрецов. Изображение стало резче и приобрело форму человека, затем деформированного человека, затем чего-то совершенно нечеловеческого. Из спины и лба существа торчали странные

нароты. С него лилась тошнотворная энергия чистого зла. В толпе раздались низкие стоны, самые старые и немошные рұхну́ли замертво, осу́шенные голодным до жизненной силы заклинанием.

— Ха! — воскликнул образ. — Она смотрит! Она видит! Она видит свою смерть!

— Ты — тот, кто называет себя Сс'лл Ш'Карр, — холодно сказала леги Харибдия.

Образ сгустился и приобрел облик князя демонов в настоящий размер. Он возвышался над балконом, выставив огромную звериную голову из нитба силы, образующего магическое окно провидения. Он тоже мог ее видеть.

Существо скорчило гримасу. Леги Харибдия не могла припомнить, чтобы ей попадалось на глаза более уродливое создание.

— Ты гниешь из-за бога плоти, леги. Он высасывает из тебя силу. Кровь отоем эту землю, чтобы она очистилась от его зловония.

— Демон, Кровавый Бог давно покинул этот мир, — спокойно ответила леги

Харибгуя. -- Сс'лл Ш'Карр был пленен и повержен теми, кого он пытался покорить.

-- Я свободен! -- взревел образ, и от этого восклицания умерло еще больше колдунгов, истекающих кровью из ноздрей и ушей. Леги Харибгуя отрезала свои чувства от надоедливого гула их предсмертных криков.

-- Кровавый Бог увидел, что его мир сделали слабым, и направил меня на него! -- продолжал демон. -- Я -- его пес войны! Моя рука -- его рука!

Демон ревел так громко, что катни проездной башни тряслись, а более ветхих тугрецов сбивало с ног.

-- Ты не Сс'лл Ш'Карр, -- спокойно сказала леги Харибгуя. -- Сс'лл Ш'Карр мертв.

Она быстро похлопала в ладоши, и четверо мускулистых легионеров, тарширүя, вышли на балкон и вынесли тяжелый череп, который был прибит в капелле крепости.

-- Это -- чудовищный череп Сс'лла Ш'Карра. Ему отрубили голову, -- продолжила она. -- Так же, как я отрублю

твою.

Изображение демона устоялось на огромный череп, глядящий в ответ пустыми глазницами. Тогда демона исказились, жвала разошлись, и леди Харибдия поняла, что он улыбается.

Потом это существо начало стаяться. Это был омерзительный, рвущийся, рыкающий звук, и с каждым взрывом хохота чарогеи в толпе утирали, ибо их тела рвались и истекали жидкостью. Демон поднял к лицу лапу со стальными когтями и вонзил их в уродливую серую плоть, разрывая плотную гладкую кожу и темные влажные мускулы под нею. Чудовище, что называло себя Селлом Ш'Карром, загребло лапонею свою торсу, стиснуло полную горсть плоти и потянуло.

Лицо демона сползло, словно обрывки мокрой кровавой маски. Лопались нити сухожилий, горячие сгустки ихора стекали вниз. Иллюзорная кровь смешалась с настоящей кровью, которой истекала толпа — теперь масса утирающих, стонущих и извергающих рвоту людей.

В глазах демона горела
отвратительная нагашка. Усеянные
клыками жвала скалились в лотаной
ухмылке, скользкие от крови самого
демона. Когда последние обрывки плоти
стекли с изуродованного лица, леги
Харибдия увидел, что демон нашел столь
забавным.

Его череп был выкован из бронзы. Его
жвала крепили металлические
пластины, паровые пистоны управляли
горлом. Алхимические огни горели в
глубине меж челюстями и терзали в
глазах. Когда бронза открылась воздуху,
она начала гнуться от жара.

— Они думали, что убили меня,
паразиты и рабы, которые пытались
встретить меня лицом к лицу! Они
думали, что я изгнан, лишь потому, что
забрали мою голову! Нужно больше, чем
одна рана, чтобы сразить воплощенную
волю Кровавого Бога. Я отковал новый
череп и показал им, как воины Кхорна
мстят за себя!

Леги Харибдия осознала, что слова
демона могли на самом деле быть

истиной. Ее мѹдрецы точно в них поверили
многие опорожнялись от страха и
тряслись даже больше, чем когда сама
леди Харибдия была недовольна. Когда-то,
в далеком прошлом, она тоже в трепете
склонялась перед демонами, и, сказать по
правде, она ощущала немалый страх от
того факта, что сам С'лл У'Карр мог
стоять лагерем у ее города с несчетными
легионами демонов и последователей-
варваров.

Титанический образ демона угрожал
и угас. Леди Харибдия бросила взгляд с
балкона вниз, где лежала грѹда тел жертв,
чья жизненная сила пошла на поддержание
заклинания мѹдрецов. Лишь несколько еще
были живы. Они корчились, их легкие
коллапсировали, а из ѹшей и ноздрей
сочилась кровь. Когда выжившие ѹползѹт,
подѹмала леди Харибдия, останется
ѹжасно много грязи.

Жаль. Однажды они могли бы
послѹжить ей как колдѹны и провидцы. Но
это жертвоприношение было талой ценой
за подсказки о природе ее врага.
Изображение исчезло, оставив только

медленно угасающие точки огня, который горел в глазах бронзового черепя. Если устроить еще несколько сеансов провидения, можно будет понять, действительно ли этот тот князь дегонов, что создал царство крови и оставил на Торвендусе ирматы, видные по сей день, но пока что церемония была окончена.

Одно можно было сказать точно. Орга захватчиков должна атаковать до того, как закончится ночь — армия варваров просто развалится без пищи и воды, и только если они нападут на город, им удастся сохранить прежний натиск. Все знаки говорили о том, что их ждет еще одна светлая ночь, ибо звезды и луны соберутся, чтобы наблюдать за битвой — и это случится сегодня, когда, как думают варвары, городские лучники находятся в невыгодных условиях. Если во главе их идет С'лл Ш'Карр, то он будет нести с собой тяжесть легенды, но леди Харибдия тоже не сидела сложа руки, будучи королевой. Ее город кишел ловушками и огневыми мешками, и даже небооруженные

рабы и ленивые жрецы-гедонисты могли пригодиться, чтобы блокировать узкие артерии подвесных мостов.

Пусть Сс'лл Ш'Карр атакует, если хочет. Нападение будет отбито, и Насильники проследят, чтобы демона не спасло даже создание нового черепа. Легия Харибдия убралась обратно в крепость, оставив своих мудрецов разбираться с кучей тел. Прежде чем солнце взойдет, появятся новые легенды.

Пригнувшись, Голгоф прятался за кривыми камнями, тщательно осознавая, насколько он открыт врагам. До города было всего чуть больше полета стрелы. Он знал, что достаточно ему попасться на глаза какому-нибудь зоркому лучнику и быстро реагирующему колдуну, и стрела вонзится ему в глаз. Но Сс'лл Ш'Карр настоял, что Голгоф должен стать свидетелем этого, и вождь понимал, что будет глупо перечить своему союзнику. Поэтому Тарн отвел его в это место и посоветовал держать голову ниже, пока он смотрит на то, что запланировал

Ш'Карр. Тут были и другие — лазутчики, отобранные из Эмей и пустынных, которые должны были подать сигнал остальной орде, когда придет время.

Голгоф знал о плане Ш'Карра. Знали и все лидеры основных племен — Лутр'Кья, вождь Эмей, прямо сейчас распевала со своими воинами боевые гимны, а охотники за головами с южных островов отбрали самых смертоносных рубак, чтобы они сражались вместе со Эмеями в передовом отряде. Их ждало столько убийств, сколько оба народа не видели за десятилетия. Прямо сказать, этот способ начать битву был просто безумен, но, впрочем, Голгоф не так уж часто серьезно полагался на здравый ум. И что бы ни случилось, это был столь же добрый путь к смерти, как и все остальные.

Ссл Ш'Карр появился из-за ближайшего возвышения и широкими тяжелыми шагами двинулся к городу. Защитники начали пристреливаться. Их снаряды свистели мимо, а один или два даже попали и отскочили от толстой демониической шкуры. Ссл Ш'Карр где-то

успел оторвать себе лицо и теперь демонстрировал тускло светящийся бронзовый череп. Голгофу сложно было представить, что деяния демонического князя еще что-то могут его удивить.

С серебряными вспышками зачарованные стрелы вонзались в плоть Ш'Карра и растворялись в стекающем с него зное. Он не обращал на них внимания и начал петь.

То были древние слова, причиняющие боль слуху. Нечеловеческая глотка Ш'Карра раскатывала гортанные звуки, которые подхватил ветер, эхом вторя словам демона. Голгоф узнал сложные звуковые узоры и раскаты силы, которые слышались в заклинаниях Крона. Но здесь они имели совершенно иную, колоссальную мощь, от которой тряслись скалы и мерцали огни на сторожевых башнях города.

Ш'Карр перешел на рев, выкрикивая молитвы Кровавому Богу, которые были древними еще в дни молодости Торвендуса. Город в глазах Голгофа размылся, ибо сам воздух дрожал от мощи.

и странные огни засверкали в небесах. Звезды начали исчезать из виду, скрываясь от могучего колдовства, которое призывал Ш'Карр.

Потом раздался иной звук, приглушенный ветром и пением. Это был звук, который Голгоф слышал много раз до этого — слишком много, и в гуще битвы, и во тьме ночи.

Вопли.

В бездонных ямах под городом закричали миллионы рабов.

Город был выстроен на великой равнине, на которой когда-то велись бесчисленные битвы. По этой земле приливами и отливами проходили многие из величайших конфликтов, которые когда-либо видел Мальстрим. Она была одним из немногих стабильных мест на Торвендусе и погребла в себе несчетные слои убитых, которых добывали рабские орды леги Харибдиин, дабы извлечь из них чистые переживания сражений. Там покоились практически бесконечные залежи трупов, спрессованные и

костеневшие, превратившиеся в слоистые
окатанелостей, а с ними и огромные
демонические боевые машины и
колоссальные звери, используемые на войне.
Гильзы от пуль падали в землю, словно
семена, и земля порождала бесконечные
урожаи заржавевших клинков и
наконечников стрел.

Но самый мощный из всех этих слоев
лежал глубже остальных, ниже, чем кости
доисторических монстров и скелеты
демонов. Связанный с их искореженными
останками, он, тем не менее, был далеко
не мертв. Он находился там, где жар ядра
Торвенгуса соприкасался с напитанной
жизненной внешней корой.

Туда стекала кровь всех этих
сражений и там оставалась, собираясь в
багровый океан, процеженный через слоистые
мертвецов. Это было громадное, незримое
подземное море, залегшее под
невообразимым давлением меж
окатанелых костей и пластов скальной
породы.

Кровь была здесь с тех самых пор,
когда первая ее капля пролилась на

Сорвендисе, со времен, когда Последний правил планетой, и Арзүлеон Век нашел в себе силу бросить ему вызов. Каждое существо, убитое на равнинах, стало каплей в этом океане смерти.

Кровавое море лежало под городом леги Харибди. Именно к нему обращался С'лл Ш'Карр, ибо для нечестивого Кхорна нет ничего более святого, чем океан крови, пролитой в дар ему.

Рабы узнали об этом первыми. Стены шахт начали кровоточить, кровь стекалась вокруг их ног. Многие попытались сбежать — целые бригады вырывались из своих цепей и в страшной толкотне тчались вверх, по склонам отхогов, а стражники хлестали их кнутами. Многие другие благодарили неизвестного бога, который сжалился над ними и наконец позволил им умереть. Потоки крови хлынули из трещин в стенах. Горячие красные гейзеры били из земли, кровавые волны захлестывали основания самых могучих башен города. Кровь поднялась выше голов тех рабов, что оставили всякую надежду на свободу, и

закрутилась вокруг лодыжек тех, кто
пытался сбежать по острым скалистым
склонам. Самые стетливые нашли вещи,
которые держались на плаву, и прилив
понес их вверх, к самым низким мостам
города.

Огромное количество жизней,
оборванных в первые несколько минут
атаки Селла Ш'Карра, вызвало
отрачительные темные волны смертных
тук, распространяющиеся по
чувствительным улицам города.
Пульсиря, они нахлынули на стены
крепости, испортили вино, иссушили
растения в садах наслаждений. Даже
Мейну со всеми канцлерами и мудрецами
легги Харибди никогда не удавалось
точно подсчитать число рабов, которые
трудились под землей. В полчаса, за
которые шахты заполнились кровью,
погибло до двухсот пятидесяти тысяч
невольников.

Защитники города в ужасе глядели,
как порча Кровавого Бога оскверняет их
город, как волны крови разбиваются о

нижние уровни башен, вздываются и поглощают посты стражников, подвешенные над ямами, уносят прочь самые низкие подвесные мосты. Когда подгались и разбились изысканные витражи, потоки крови хлынули в башни, устремились вверх и забили яркими фонтанами с балконов и из гверных проходов.

Центурионы ревели защитникам, чтобы они держались. На них напали с неожиданной стороны, но чего еще можно было ожидать, когда Бог-Мясник послал своих тиньонов на прекрасный город? Все они слышали легенды, что во времена Сс'лла Ш'Карра целые страны утонали в реках крови, но слышали они и о том, как дегмон был побежден и убит. Ничто не могло уничтожить город, выстроенный леги Харибдией, и уж, во всяком случае, не грязные варвары и остатки мерзостной империи, которая давно уже отжила свой век на Торвендисе.

Это всего лишь прелюдия. Когда начнется настоящая атака, она захлебнется в зубах города, теперь полного

ярости Слаанеша.

Ужас, который воцарился под городом, стал сигналом к наступлению для захватчиков. Когда первые волны крови лизили края карьеров, люди пустыни послали в небо яркие алхимические вспышки, а Эмеи выстрелили визжащими сигнальными стрелами. Передовые войска, узкими рядами засевшие за высокими гребнями, подхватили свой тяжелый груз и начали двигаться к городу.

Десять тысяч Эмей под командованием Лутр'Кви и группа почти голых охотников за головами, возглавляемая Скорканом, Бороздящим Южный Океан, формировали первую волну. Эмеи волокли драккары с щитами на бортах, и у каждого воина наряду с мечом или секирой ителось весло. Охотники за головами тащили вырубленные из толстых джунглевых деревьев каноэ, рассчитанные на восемь человек и украшенные прибитыми к носам сушеными головами своих врагов, и были вооружены каменными топорами, благословленными

тысячей змеиных богов с островов. Сам Скоркан занимал почетное место во главе своих людей. Под его кожу были втиснуты черепа самых выдающихся врагов, которые вытирали на его торсе, как раковые опухоли.

Они наступали на город под прикрытием клубящейся песчаной бури, призванной пустынными кочевниками. Охотники за головами, чьи лодки были легче, первыми прыгнули в кровавый океан, толкнули с берега свои каноэ и яростно погребли в сторону ближайших башен. Сразу же за ними Змеи спустили драккары, несмотря на стрелы, падающие в кровь вокруг них. Точно так же, как они это делали на запруженных трупными реках южных островов и лотаном северного побережья, налетчики атаковали с кораблей, и в первые минуты все собравшиеся здесь защитники города врагали что-то могли им противопоставить.

Защитники могли представить практически любой способ вторжения, но атаку с моря они врагали не предвидели. На нижних уровнях было немного ценных

легионеров, и лучникам пришлось быстро перегруппировываться, прежде чем они смогли бы точно стрелять в кровавое море. Тысячи воинов на сотнях кораблей выстреливали с западного берега багрового океана, распевая песни битвы под звуки диких барабанов и вой боевых труб. Казалось, что их нет числа, и почти столько их и было.

Скоркан Бороздящий удержал за собой честь первого захватчика, который вошел в город. Его царское боевое каноэ ворвалось в низко расположенный купол удовольствий, пробив расписное окно, и каскад крови отнес его прямо в яму для ритуалов, где все еще лежало несколько убитых любителей празднеств. Каменное оружие Скоркана и его приближенных вкусило первые убийства из многих, когда они прорубились сквозь жрецов-вырожденцев и ринулись вверх по закрученным лестницам.

Битва началась. Орда Голгофа и Селла Ш'Карра содеяла невообразимое и осквернила сам город. Среди защитников распространилась весть о том, что

чужаки проникли через границы города, и все стало ясно.

Слаанеш был разгневан этим беспрецедентным оскорблением. Слаанеш жаждал мести.

Командир Деметрий переключал каналы вокса, стараясь вникнуть в суть смятения. Он наслаждался многообещающим ужасом своих союзников — чем страшнее угроза, тем слаще восторг битвы. Он подумал, что идея нападения была хитроумна — поднять океан и послать в него тех, кто жил набегами по рекам и морям. План, почти что достойный костического десантника. Но не совсем.

Внизу у стены, кольцом окружающие крепость Харибди, разбивались волны новорожденного океана крови. У контрфорсов сбивались плавающие тела, и на поверхность их поднималось все больше и больше. Скоро у подножия стены образуется плотный зловонный плавучий слой. Без разницы, сколько рабов и рекрутов умрет сегодня. Неважно, что вообразили себе атакующие орды, и

никогда не пройти за эти стены и не проникнуть в крепость. Здесь Насильники, и они их встретят.

Но Деметрия среди них не будет. Ему нужно было позаботиться о других делах.

Позади него вдруг раздался рев. Он повернул массивное тело гредноута и увидел зверя, поднимающегося со стоянки за стеной. Повернулись и все сто костических десантников, которых Деметрий собрал на стенах. В основном они были натренированы проливать кровь в ближнем бою и были вооружены цепными мечами и другими, более экзотическими видами оружия, которое они сами создали или нашли. Хаггин, который предводительствовал одним из крупнейших боевых отрядов, носил на каждой руке огромную, режущую, словно ножницы, силовую клешню, напинающую крабью. Койвас сражался шипастыми щупальцами, растущими на нижней части его лица, подобно жвалам, а руки оставались свободны для болтнистолетов-близнецов, которые он всегда носил с собой. Их бледно-голубые доспехи были зачастую

занятнаны выделениями тел, которые
сочились из суставов, или покрыты
боевыми шрамами, которые носились с
гордостью. Все повернули головы к
чудовищу, которое поднялось вровень с
укреплениями под рев двигателей.

Десантно-штурмовой корабль
«Грозовой ястреб» был монструозен. Его
крылья покрывала толстая корявая шкура,
между ними помещался огромный
подвесной фюзеляж, раскрашенный в цвета
Насильников. Сквозь металл проросли
мускулистые щупальца, облеплявшие
корпус, подобно корням. Передние
смотровые окна деформировались и
превратились в узкие щели в металле, из
которых злобеще светили бледные огни. В
кабине корабля уже много веков не было
ничего живого, с тех самых пор, как в его
машинный дух затанили демона. Весь
флот был преобразован в угрожающую
стаю гигантских крылатых бестий,
способных наносить удары с воздуха со
скоростью и точностью, недостижимой
даже для пилота из Костицкого
Десанта.

Еще пара столь же мутированных «Громовых ястребов» поднялась над укреплениями. Они повернулись и распахнули свои отсеки, открыв помещения со стоящими по кругу гравитационными скамьями, стягивающими ускорение. Деметрий взмахнул рукой-бичом, и Койвас выкрикнул приказ своим людям, которые начали взбираться в брюхо первого «Громового ястреба». За ними последовали и остальные отряды, в общей сложности сто десантников Хаоса — достаточно, чтобы почтить любое поле битвы. Сам Деметрий встал под последним «Громовым ястребом». Из пассажирского отсека вниз спустились щупальца, обмотались вокруг него и подняли громадное металлическое тело на борт, в сердце корабля, после чего фюзеляж закрылся за ним.

Здесь, рядом с ним, сидело тридцать десантников Хаоса, в остальных транспортах — еще семьдесят, и их окутывало тусклое биологическое свечение внутренностей «Громовых ястребов».

Воздух был густой и спертый, в нем витали запахи мощных боевых гормонов, которые струились по жилам Насильников.

--- Клаэс? --- воксировал Деметрий.

--- Командир? --- отозвался технодесантник.

--- Поднимай нас.

--- Есть, сэр.

Гравитационные скамьи включились - «Громовай ястреб» рванул вперед, полный решимости во второй раз сразить порождение Кровавого Бога.

Голгоф почувствовал, как стрела стукнула по деревянному щиту, который он держал над головой, с силой толкая корпус драккара. Всюду стояло зловоние и хор воинов Этеи и Узутрудного Меча, которые выводили на край кровавого океана сотню кораблей. Над ним нависали башни с раздутыми вершинами, опоясанные балконами и увешанные подвесными люльками, и на них Голгоф с трудом различал крошечные далекие фигуры, осыпающие захватчиков ливнем стрел. Перед ним простиралось беспокойное море

крови, рассеченное волнами от тысячи кораблей, что тчались в атаку. Говорили, что Скоркан уже пролил кровь. Голгоф ощутил острый укол зависти — он хотел убивать. Нечасто он чувствовал себя настолько сильным. Может быть, это. Слл Ш'Карр проводил воздействие Кровавого Бога, может быть, он просто был настолько близко к тиранше, которая осквернила Узлрудный Меч. В любом случае, скоро на его руках будет больше крови, и он благодарил за это всех богов.

Последний рывок, и драккар соскользнул в розовую пену прилива. Голгоф вскочил на отходящий корабль, а с ним и еще двадцать воинов. Каждый схватил весло и начал грести под ритм барабана правого, и увенчанный драконом нос взрезал волны кровавого моря.

Голгоф протиснулся мимо воинов и наклонился с носовой части, увидев под собой стремительно несущиеся алые волны и раскидываемые корпусом плавающие труны. Он узрел, как южные островитяне устремили свои каноэ к самым нижним башням, и одна из них уже кишела

воинами, которые перестреливались с
лучниками своими духовыми трубами.

--- Где ты? --- завопил он, перекрикивая
шумение и барабаны. --- Где ты? Я вырву тебе
кишки, сволочь! Я съем твое сердце!

Он чувствовал, что она где-то здесь, в
сердце города --- раковая опухоль,
воплощение снечи, которое постелено
чтобы совратить души его братьев. Легко
Харибдия гала Голгофу причину
стражаться, и она будет жалеть об этом
весь краткий и болезненный остаток своей
жизни.

Он указал на ближайшую башню,
толстопузое сооружение из черного камня,
отмываемое волнами крови и увенчанное
глинным тонким шпилем со стеклянной
сферой на вершине.

--- Сюда! --- прокричал он рулевому.

Люди радостно закричали, когда
драккар повернул к башне и они увидели
лучников, взбирающихся по ее внешним
стенам на огневые позиции.

Стрелы теперь падали гуще. Голгоф
замечал воинов, которые дергались и
переваливались через борта лодок, или же

попали на дно и отправлялись за борт
своими же товарищами, как мертвый груз.
Колдовской взрыв, словно разряд молнии,
раздробил нос одного корабля, и
искалеченные люди, размахивая руками,
попали в кровь. Где-то в отдалении, за
лесом башен, на море спустили
прогuloчную барку с настельными
шелковыми парусами, чтобы та
удерживала в стороне охотников за
головами, идущих на бесчисленных каноэ.

Из толстой башни летели стрелы и
вонзались в доски драккара. Один человек
закричал от боли, когда древко с белым
переносом пригвоздило его руку к веслу.
Толгоф вырвал его, пинком отправил
воюющую жертву за борт и сам взялся за
весло.

Рулевой повел корабль в дыру,
зияющую в стене башни, где огромное окно
лопнуло от давления. Ритм барабана
звучал все громче и громче, пока драккар
несся под обстрелом лучников, и тучи
стрел разбивались о щиты, поднятые над
головами. Раздался еще один
предсмертный вопль — скорее, заглушенный

хрип человека, которому стрела вскрыла горло. Пулевого отбросило к носу с двумя стрелами в груди, и другой воин перехватил штурвал, чтобы корабль не сбился с курса.

Борт сергито закрипел о камень, когда драккар прошел сквозь окно и влетел внутрь башни. Глаза Голгофа приспособились к темноте, и он увидел извивающиеся человекоподобные скульптуры, сплошь покрывающие стены, дрейфующие шелка и трубы, лучи слабого света, просачивающиеся сквозь потолочные окна, запачканные благовониями. На поверхности крови образовалась пленка из пряностей и сожженных приношений. Внутренняя часть башни представляла собой цельную полую сферу, усеянную скульптурами. Шары-фонари угасли под наскодом крови, вырвавшимся из разбитого окна, и теперь помещение освещалось только тусклым светом, пробивающимся там, где вершина сферы соединялась с полом шпилем, и через несколько круглых окошек на верхней поверхности.

— На стены! — завонил кто-то. Воины

потянулись к ленине, покрытой листовым
золотом, схватились за выступы и
подтянули драккар к стене. Выбравшись
наружу, они начали карабкаться по
статуям, и как раз в этот момент сверху,
через окошки, засвистели первые стрелы.
Воины закрепили щиты на спинах, чтобы
защитить себя на подъеме.

Голгоф ощущал запах надутых,
женокподобных врагов. Он чувствовал вкус
трюсости этих вырожденцев. Он зачерпнул
из колодца силы, как учил Крон, направив
ее в руки и пальцы, которые тащили его
наверх. Стрела врезалась в извращенную
скульптуру рядом с его головой, но Голгоф
не обратил внимания. Одному из солдат
Элеи стрела попала в бедро, и он,
завертевшись, рухнул в грязную кровь
вниз.

Голгоф дотянулся до карниза и вдруг
снова очутился на открытом воздухе, на
верхней поверхности основания башни. Под
ним был гладкий, темный с пятнами
камень. В тени шпиль стоял отряд
лучников, примерно в двадцать человек,
который использовал толстое брюхо

башни как огневую точку и поливал
стрелами атакующие корабли. Голгоф
выбрался на каменную поверхность и
увидел других воинов, которые тоже
вскарабкались наверх по стенам и через
потолочные окна.

Оставив щит на спине, Голгоф
отцепил топор и метнул его с двух рук в
ближайшую движущуюся цель — лучника
легиона, чья готовая сорваться с тетивы
стрела унеслась в небо от удара,
отделившего от тела плечо и руку.
Голгоф почувствовал на лице жаркие
брызги крови.

Он больше не заботился контролем.
Эти люди были паразитами — даже не
людьми, а инструментами
отверженного бога-совратителя, и
танипулировала королева, которая сама
была не более чем тарионеткой.

К нему мчались стрелы. Он отбил их
в сторону рукоятью топора, позволив
колдовству Крона даровать ему рефлекс
бросающейся змеи и презрение к ранам
сумасшедшего. Он побежал к ближайшим
нескольким лучникам, разрубил на части

двоих, прежде чем они успели вытащить очередные стрелы из колчанов, и с такой силой пнул еще одного в челюсть, что его голова с хрустом запрокинулась, и он скатился с крутого бока башни.

Еще какие-то недели назад воины Изумрудного Меча убивали бы солдат Эмеи, как только увидели, и скорее бы пошли на ужасную смерть, чем стали бы сражаться рядом с ними. Но легион Харибдия постарался сделать себя общим врагом всех племен, и поэтому Меч и Эмея теперь воевали вместе и предавали клинком и топором всех, кто противостоял им на этой башне.

Копье света брызнуло вниз и глубоко прожгло черный камень. Голгоф припал к поверхности. Двое воинов разлетелось на части в ослепительной вспышке, раздирающей уши грохотом. Он посмотрел сквозь тарело и увидел мощную фигуру, посылающую в них яркие разряды энергии с подвесного моста высоко вверх.

--- Наверх! --- кричал Голгоф. --- За мной!

Он побежал к тонкой основной части

башни, заметил закрытую дверь из
черного дерева и вломился в нее, словно бык
в изгородь. Внутри башни спиралью шла
винтовая лестница, и Голгоф возглавил
воинов, встретившихся наверх. Навстречу
им спускались легионеры, надеясь
блокировать атакующих на узких
ступенях, но Голгоф практически горел от
силы и врвался в них, даже не
размахиваясь топором, просто отбрасывая
людей в сторону. Клинки находили его
плоть, но боль только делала его сильнее.
Плечо налетело на щит, кости треснули,
но он призвал скрытый колдовской
потенциал внутри себя, и переломы
срослись еще до того, как он добрался до
следующего врага.

Вся ненависть изливалась из него
посредством насилия, которое он творил
над врагом. Это была та же страсть к
битве, которая у него всегда была, но
стократно сильнее и тысячекратно
лучше. Он видел, как опустилось его плечо,
видел свою армию отброшенной от стен,
ощутил презрение леги Харибди и
безразличную жестокость богов. Теперь он

сжал всю эту ненависть в крошечную, добела раскаленную искру и сделал ее топливом для тех утений, которыми научил его Крон тогда, в горах Канис. Он одной рукой сбрасывал легионеров с лестницы, начисто разрубал их пополам топором, зажатый в другой руке, и оставлял выживших, чтобы их затоптали воины, которые следовали за ним и ревели свои боевые кличи. Они были похожи на него. Они тоже хотели создать свои собственные легенды.

Голгоф снова вырвался на открытый воздух, на сей раз на головокружительной высоте, на балконе, который опоясывал башню. Через пропасть к следующей башне тянулся изящный мостик, перекрытый колдунот с огненной кожей и его стражей из двадцати легионеров, которые сформировали вокруг него внушительное кольцо копий.

Колдун произнес несколько слов подчинения, и легионеры, не задавая вопросов, ринулись в атаку, опустив копья.

Голгоф сорвал щит со спины и метнул его, так что окованный железом

край попал ближайшему легионеру прямо в лицо и сбил его с ног. На мосту хватало места только для трех человек, которые сражались бы плечом к плечу, и вскоре сбоку от Голгофа оказался воин Эмеи с гривой белых волос и парой синева-багровых шрамов, проходящих через глаз. У Эмеи был меч с клинками на обоих концах и двуручной рукоятью в центре. Когда он посмотрел на Голгофа, в единственном здоровом глазу мелькнула улыбка, и он выкинул свой собственный щит с края моста. Здесь он был не нужен — Голгоф явно не уделял никакого внимания собственной безопасности, и так же должны были вести себя те, кто сражался рядом с ним.

Огонь пронесся в воздухе, огибая легионеров, и нахлынул на Голгофа и воинов, выбравшихся из двери позади него. Голгоф упал на пол из полированного катня, белое магическое пламя прошло над ним и сквозь полдюжины воинов, словно нож, сбывая руки и головы. Он едва не потерял сознание от запаха горелой кожи и алхимической вони колдовства.

Легионер бросился в атаку сквозь
пламя, и воин Элеи рухнул с коньём в
животе. Голгоф сделал подножку,
заставил легионера потерять равновесие и
сбросил его с моста. Сзади кто-то метнул
топор и рассек лицо следующему
легионеру. К тому времени Голгоф уже
выпрямился и разрубал топором все, что
стояло на его пути, а его воины лезли друг
на друга, чтобы подобраться ближе к
колдуну, который постел угрожать их
лидеру.

Один из Узутрудного Меча схватил
странный двуклинковый меч погибшего
воина, прыгнул вперед, мимо описывающего
друга топора Голгофа, и вспорол живот
одного легионера, прежде чем его
столкнули с моста. Бешено размахивая
руками, он упал в сталкивающиеся друг с
другом багряные волны.

Лучник легиона выстрелил. Голгоф
поймал стрелу и вознал ее в глаз
ближайшего врага. Он отбил в сторону
оружие следующего и попросту растоптал
его ногами. Стоя на теле, за счет большей
высоты он обрушил свой топор сверху вниз

на головы тех, кто защищал колдуня.

На него полился дождь белого огня. Жаркая молния с треском прошла сквозь легионеров и проникла в тело Голгофа, отчего в его разуме вспыхнули звуки и световые пятна. Но он больше не боялся колдунов — он сам был колдуном, который обратил свою силу внутрь себя и использовал ее, чтобы убивать вблизи, а не с расстояния, подобно трюсу. Лагерь накрылась волдырями, когда он сжал руку на шее колдуня, чье глинное, тонкое лицо рептилии размывалось от жара и пламени, скатывающегося по нему. Его глаза были черными, как кремль, и походили на драгоценные камни, кожа торщистая и бледная, и платье проходило по ней волнами, словно жидкость. Рот чародея открылся для крика, но раздвоенный язык лишь беззвучно угрожал в воздухе, пока Голгоф выжимал из него жизнь.

Хребет врага сломался, и Голгоф яростно затряс тело, чтобы убедиться, что он умер, размахивая им влево и вправо и расшвыривая врагов. Воины подбежали к

Нету, бросили тело колдуня на пол и
разрубили его на клочки своими мечами.
Они сбросили изуродованные останки в
кровавый прилив и громко возрадовались.

Пустынные кочевники залопировали
по поверхности кровавого моря, из-под
копыт летели багряные шлейфы брызг. На
скаку они метнули в окна ближайшей
башни алхимические снаряды, сделанные из
молотой драконьей кости с фитилями из
волос гарний. Взрыв вырвал башню с
корнем и, сбрасывая с себя легионеров,
словно ящерица — чешуйки, она рухнула на
берег.

Следующая волна воинов шла пешим
ходом. Они использовали обрушенную
башню, как мост, и карабкались по тонким
мостам, которые все еще соединяли ее с
остальным городом. Их загоняли в
«бутылочные горлышки» и во множестве
убивали поджигающие лучники, но их было
слишком много, чтобы атаку можно было
остановить. Словно кровь из рассеченной
артерии, они вливались в город —
Узурпудный Меч и Змея, вонючие

болотные жители и гибкие беловолосые налетчики с восточных морей. Первые крупные храмы города пали под натиском воинов, которые прошли над его усеянными клинками укреплениями и ворвались в священные пределы, преодолев даже демонов, призванных жрецами, и осквернив своим присутствием святые иконы Слаанеша.

Погибшие в битве падали, как снег, их тела добавлялись к слою трупов, сбившемуся в углах, где кровавый прилив встречался с камнем. Тысяча человек погибла, когда отступающие легионеры разрушили башню, по которой немногие оставшиеся воители племени Медведя входили в город. И столько же легионеров было разорвано на куски, когда пустынные всадники проскакали вверх по стене башни и захватили одну из нескольких пушек, которые темными пятнами выделялись на линии горизонта — они пробili огромные дыры в ближайших линиях обороны, прежде чем взорвать склад боеприпасов к орудию.

Еще никто не заходил так далеко. Никогда еще солдаты леги Харибдии не

утирали от рук врага в пределах города.

Прогулочная барка осыпала приближающиеся каноэ залпами болтометов, установленных на носу и корме. Лучники, сидящие высоко на мачтах, поддерживали огонь своими стрелами, которые густо падали в красные волны и сбивали людей с атакующих лодок. Воды вокруг нее были густо усеяны трупами, как охотников за головами, так и матросов с барки, убитых гранатами из духовых трубок или отважными абордажными партиями, которым удавалось добраться до палубы.

Барка защищала невероятно огромный, скрытый под стеклянным куполом дворец удовольствий, который был одним из наиболее святых мест города. Серебряные опоры, похожие на лапы паука, поддерживали хрустальный свод над сетью наслаждений. Самые сложные и проникновенные ритуалы слаанешитской веры производились в этих утопленных в полу углублениях и на возвышенных поверхностях, и для этого здесь были

расставлены кұрильницы, испускающие галлюциногены, и проведен лабиринт туннелей, которые приводили со всего города рабов и участников празднеств. Бесценные шедевры чувственных искусств стояли возле пропитанных духами алтарей Повелителя Наслаждений. Нельзя было позволить, чтобы хоть один гологрудый дикарь вступил в это священное место, где много веков почитатели восхваляли Слаанеша своими изрищати. Вера в бога предписывала экипажэ этой барки защищать воды вокруг кұпола, и они справлялись с этим делом весьма и весьма хорошо.

Охотники за головами утирали. Они сражались с отвагой, многократно превосходящей то, что можно было ожидать от столь примитивных людей, но с каждым залпом болтов с серебряными наконечниками все больше их падало в волны. Матросы с барки — насильно завербованные кұтилы и закаленные легионеры — отбивались, полные праведного гнева Слаанеша. Когда Князь Наслаждений серчал, он серчал по-

настоящему.

Кровавый океан вздүлся под баркой, разметава каное по сторонам. Что-то огромное поднялось снизу. Вдүрг воздух наполнился обломками дерева и смятыми телами, разлетающимися вкүрг, визгом рвүщегося металла и звериным ревом, распевающим восхваления Кровавому Богу. С'лл Ш'Карр вырвался из-под крови прямо сквозь корпус корабля, как легендарное морское чудовище, разорвал металлической пастью снасти и разломил киль пополам своими пылающими когтями. Князь демонов выпрыгнул из крови и приземлился на бок купола удовольствий, разгробив его хрустальные стены.

Охотники за головами присоединились к С'лле Ш'Карру, пока тот раздирал купол, сбрасывал монументальные статуи из живой плоти и разбивал произведения чувственных искусств, которые излучали силу Слаанеша.

В то время как волны воинов атаковали город нешим ходом, түда же

устретилась огромная стая демонов, следующих за Селлом Ш'Карром против укреплений города. Они забирались на широкие улицы, висящие между башнями, и врывались в пещеры наслаждений. Тысячи легионеров образовали массивные заслоны из тел на ключевых перекрестках, и когда поток воинов и демонов врезался в них, разгорались сотни кровавых, диких схваток лицом к лицу.

В первые несколько часов был рожден миллион легенд о громадных демонах, которые одним взмахом руки расшвыривали десятки людей, и солдатах обеих сторон, совершавших безумно храбрые деяния. Были здесь и трусость, и безумие, и вспышки гениальности, что превращали поражение в победу, ошибки, из-за которых целые легионы погибали, как скот, варварство и красота убийства. Но милосердия не было.

Голгоф пробежал между растерзанными телами людей и нырнул под ворота ближайшей башни. Позади него простирался широкий проспект.

подвешенный на серебряных цепях в сотнях метров над волнами и заваленный изуродованными трупами. Он прошел уже полдюжины подобных миниатюрных арен сражений, ибо возглавлял растущий ударный отряд воинов, пробивающийся все глубже в город, прямо к внушительному монолиту крепости. Их потери возмещались воинами из грух волн атакующих, которые присоединялись к ним по мере движения от башни к башне и прорубали себе путь сквозь защитников.

Последняя группа легионеров оказалась крепкими, уверенными ветеранами, собравшимися вокруг утлого командира, который был на целую руку выше остальных. Голгоф лично сразил великана, а его братья-воины сбросили легионеров с края проспекта. Те, кто шел в арьергарде, приканчивали раненых, пока Голгоф взглядывался в трак за дверным проемом, которым оканчивалась улица.

Это место было безлюдно. Помещение внутри следующей башни было разделено вертикальными ширмами, расписанными зловещими узорами, которые, казалось,

извивались. На полу лежали высокие груды подушек с вышивкой и валялись обломки разбитых вычурных кальянов. Сквозь знамена, которыми были увешаны стены, просачивались звуки битвы, серебряные нити мерцали в свете, льется из отверстий в высоком потолке.

Голгоф помахал рукой Кьярагос, худой, хрупкой с виду женщине, чья скорость и жестокость делали ее одной из самых опасных воительниц племени Эмеи. Она присоединилась к передовому отряду Голгофа вскоре после того, как они прорвали оборону первой башни, и убивала так, что почти сравнялась с самим Голгофом.

— Кьярагос, возьми шесть человек и удерживай этот вход.

Та кивнула и начала выкрикивать имена в толпу воинов. Названные пошли к ней по скользкой от крови улице.

— Остальным, — приказал Голгоф, — следовать за мной.

Он провел их внутрь помещения. Многие едва не задохнулись от густых тяжелых ароматов, которые висели в

воздухе, как дым. Голгоф крикнул, чтобы они разошлись по сторонам и нашли путь вперед. Один из Узтурдного Меча отозвался, что нашел винтовую лестницу, ведущую в большой зал внизу, и оттуда доносятся звуки яростной схватки.

— Молодец, — одобрил Голгоф. — Есть тут что живое?

Воины вонзили мечи в обивку стен и сорвали знамена. Люди, предававшиеся наслаждениям в этой башне, к счастью для них, уже сбежали.

— Следуйте за мной!

Кьярагос вдруг предупреждающе закричала. Голгоф только успел увидеть, как она ныряет в дверной проем, когда изогнутую стену с оглушающим грохотом прорвали взрывы, разбрасывая всюду обломки каменной кладки. Резкие вспышки пламени усеяли покрытый мягкой обивкой пол, расшвыривая людей и поднимая тучи из мелких клочков ткани. Сквозь огромные дыры, пробитые в стенах, пробился утренний свет, поблескивающий на мокрых останках тех, кого разорвало на куски.

Голгоф вскочил на ноги и побежал.

чтобы увидеть то, что на них напало. Он заметил темный силуэт, кружащий снаружи, потом еще один, и тут огненные копья ударили в башню с противоположной стороны.

— В укрытие! — завопил кто-то ненужное предупреждение, когда новая очередь взрывчатых снарядов прошла зал. Толгоф схватился за край дыры в стене и высунулся наружу, чтобы увидеть нападающих.

Это были огромные летучие монстры, не гигантские птицы или громадные летучие мыши, не драконы или крылатые демоны, но нечто схожее с ними. Их покрывала пятнистая желтоватая кожа, облезающая с заляпанных ихором бледно-голубых тел, а их глаза были узкими, треугольными и полными злобы.

Пушки, установленные на их крыльях и под мордами, застрекотали, и яркие вспышки взрывов осыпали башни и улицы. Проспект, по которому только что прошел Толгоф, треснул, серебряные жилы полопались, половина его завалилась набок, а остальная часть вообще обрушилась.

Внезапно, как будто что-то заметив, три летающих бестии заложили вираж, заревели и спикировали вниз, к кровавому океану.

Голгоф не знал, что эти чудовища — «Грозовые ястребы» ордена Насильников, костических десантников Хаоса. Но, наклонившись над головокружительной бездной, он понял, что они увидели. Далеко внизу, поднимая вокруг себя пенный розовый фонтан крови, шел Сэлл У'Карр.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Зловоние крови подавляло все иные запахи. Леги Харибди пришлось опустить свои чувства далеко, далеко вниз, до уровня обычных людей, иначе она потеряла бы сознание. Ее крепость стала скучна — песни пленных духов стали не более чем эхом, а теплые от крови стены комнат для нее теперь были неотличимы от простого камня.

Это было небольшое помещение, расположенное высоко на одной из многочисленных башен крепости. Оно имело цилиндрическую форму, и в ней, подобно массивному канделябру, висела система кристаллических телниц. В каждом полированном кристалле размером с кулак находился какой-нибудь еретик или бунтарь, которого пленили и приговорили к заточению в этом месте, где все эмоции усиливались, улаждая леги Харибдию. Когда город пребывал в покое, она взбиралась в эту комнату по спиральным лестницам, чтобы ощутить

их предательство, услышать раскаяние с
примесью одиночества и отчаяния. Но
теперь, когда город утонул в дисгармонии,
даже эти простые удовольствия стали ей
недоступны.

Она выглянула из арчатого окна.
Вокруг крепости гордо возвышались
концентрические круги оборонительных
сооружений, и видно было огромные фигуры
Насильников, стоящих на стенах в полном
боевом облачении. За ними простирался
разоряемый город — отвратительное
красно-черное пятно там, где должна была
быть пуста, далекие группы бойцов,
сражающихся на каждом перекрестке,
знамена, сорванные с храмов, и целые
башни, медленно обрушивающиеся в океан
крови. Леди Харибдия слышала лязг стали
о сталь и яростный рев демонов.
Электрический привкус в воздухе говорил
ей, что на все алтари были призваны
демонетты и еще худшие создания, чтобы
помочь в защите. Но здесь были и иные
демоны — уродливые, бессвязно бормочущие
демоны-головорезы, которые распевали
хвалы Кровавому Богу.

С'лл Ш'Карр был там, бесновался, как хотел, и осквернял священный город. Нелытые варвары делали то же самое --- она слышала рассказы об одетых в меха горцах и бронзовокожих охотниках из джунглей, что сражались бок о бок, с примитивных дотрощенных волшебниках, которые творили грубые заклинания разрушения, и кочевых всадниках, галопирующих вверх по стенам. Как будто кто-то собрал все отбросы Торвенгуса и вылил их на город.

Леги Харибдгия сплюнула. Ее переполняло отвращение. Как смели они уничтожать такую красоту? Ни одно разумное существо не могло содействовать подобному. Армия захватчиков состояла из полуживотных со спутанными волосами и вонючим потом, безмозглых зверей, которые ничего не понимали в красоте и изяществе. Никто из них не познал священные наслаждения Слаанеша. Никто из них не знал, что значило истинное поклонение, полная отдача себя достойному богу. Весь город был храмом Слаанеша, и они не понимали святость

земли, которую оскверняли.

Позади раздался треск и шипение. Крошечный шар тьмы появился из ничего и завис в воздухе. Заклинание-посланник, которое она доверяла только самым ценным слугам.

--- Моя госпожа, --- слышался глубокий металлический голос, искаженный от расстояния.

--- Командир Деметрий?

--- Мы нашли его, моя госпожа.

--- Хорошо. Тогда убейте его.

Заклинание прекратилось, черная точка исчезла. «Из этого выйдет хоть что-то хорошее, --- сказала себе леди Харибдия. --- По крайней мере, я буду знать, что именно по моему приказу Селл Ш'Карр был убит в последний раз».

--- Открывай! --- выкрикнул командир Деметрий, и брюхо «Грозового ястреба» раскрылось, словно стручок с семенами. Город закрутился под ним, головокружительно высокие башни и затянутае облаками небо сменялись вдоворотами крови. Из пассажирского

отсека вытянуло зловонный воздух, и он
стенился воющим ветром.

Стоял страшный шум: рев ветра
стенился с прерывистыми очередями из
пушки транспортного корабля. Командир
Деметрий уставился сквозь окулярные
сенсоры дредноута и заметил движущееся
пятно серой плоти, пронизанной грязными
дымящими механизмами.

Не то что бы ему нужно было его
видеть. Его измененная нервная система
всюду чувствовала порчу Кровавого Бога.
Ш'Карр был в океане крови прямо под
ними.

--- По моему сигналу! --- равкнул
Деметрий в вокс. --- Приземляется в
храмовый округ Воспаленной Роскоши! ---
он ткнул рукой с пальцами-кнутами в
направлении простирающегося внизу круга
из пронизанного пурпурными прожилками
каменя, что возвышался на колонне над
багровой поверхностью, как огромный
каменный гриб. --- Стрелять на ходу и
быть начеку --- мы заманим его наверх!

Его поле зрения превратилось в
стробоскоп, когда в ответ на сетчатке

затемлякали руны. Сержанты были готовы.

--- Прыгаем! --- приказал Деметрий, и в тот же миг гравитационные скамьи отключились, сбросив тридцать костических десантников, набившихся в «Громовой ястреб», прямо вниз. Прыжковые ранцы включились все как один, замедляя падение и давая контроль над ним. Деметрий не озаботился ранцем --- его саркофаг раскрылся, и он расставил толстые металлические пластины подобно плавникам, чтобы направлять тяжелое металлическое тело в полете.

Его кожа открылась напору воздуха, обнаженные нервные окончания натянулись, и болезненная дрожь разошлась по искалеченному телу. Это походило на прыжок в океан бритвенных лезвий. Именно за такие ощущения Деметрий считал Слаанеша превыше всех остальных богов --- но пока он только пробовал истинное чувство, пока еще не началось убийство.

Деметрий врезался в священную землю, образовав кратер в камне вокруг себя. Компенсаторы в ногах гредноута полностью стягчили удар, и через миг

Деметрий был готов к бою. Штурмовая пушка загвиздалась по сторонам в поисках жертв, а саркофаг закрылся вокруг него, словно панцирь жука.

Каменный остров имел форму круга, и на черной, пронизанной пурпуром поверхности были выгравированы белыми сложными диаграммы. В центре находилась группа культовых сооружений — несколько храмов в честь талых аспектов Слаанеша, похожий на гигантскую жаровню факел жизни, где сжигались жертвы, статуя Арзүлеона Века и святилище рядом с ней. Впрочем, сейчас здесь не было верующих. Несколько легионеров укрылись среди зданий, выпуская бесполезные залпы стрел в дикарей, которые карабкались на дальнюю сторону каменного диска.

Деметрий дал очередь из штурмовой пушки, в восторге от ощущения раскаленной шрапнели, вырывающейся из многочисленных стволов. Взрывы прошили край платформы, и несколько южных варваров разлетелись на части от пушечного огня. Насильники уже приземлялись всюду вокруг, обнажали

ценные мечи и стреляли из
болтнустолетов в захватчиков.

Деметрий оставил своих людей
разбираться с варварами, а сам потопал к
ближайшему краю храмовой платформы,
откуда уставился вниз, на бурлящий
кровавый океан.

Где он? Где демон?

Здесь! Он то появлялся из крови, то
снова исчезал, плывя на
сверхъестественной скорости, и вел за
собой косяк меньших демонов. Один из
«Грозовых ястребов» низко опустился и
взметнул фонтаны крови огнем своих
пушек — и с внезапным ревом Сс'лл Ш'Карр
выпрыгнул из океана, как морское
чудище, хлопая огромными
механическими крыльями.

Его голова представляла собой
клякстую маску бронзовой горгульи, и ее
гигантские челюсти сомкнулись на крыле
«Грозового ястреба». Даже с расстояния
Деметрий услышал вопль, когда крыло
отвалилось, выпуская струи топлива и
ихора. Машина безумно накренилась,
перевернулась и спиралью полетела к

платформе.

Она прошла над головой Деметрия, врезалась в землю, испустив фонтан крови, пропахала распоротым брюхом камень и врезалась в скопление храмов. Монументальная статуя Века рухнула, как огромное дерево. Бак с топливом загорелся и выпустил столб пламени.

Насильники выбрались из под обломков и побежали, не обращая внимания на огонь, лизавший их доспехи. Многие выжили. Многие погибли. Деметрий поклялся, что за каждую смерть Селла Ш'Карр заплатит сотней жизней своих демонов.

Деметрий развернул шасси гредноута и отправил во взбирающегося по башне Селла Ш'Карра очередь из штурмовой пушки. Снаряды осыпали князя демонов, взрываясь при столкновении с его плотью и пульсирующими машинами. Новоприбывшие Насильники подбежали к Деметрию, и Хаггин выкрикнул приказ стрелять. Те, что были вооружены болтерным и другим дальнобойным оружием, открыли огонь по Ш'Карру, перча

его шкүрү снарядами. Рывкнүл ракетомет,
в воздухе повис шлейф дыма, и прямо над
Ш'Карром расцвел взрыв. Металлическая
голова князя демонов повернулася к
храмовой платформе, и полные злобы
огненные глаза уставились на
Насильников, строящихся в ряды вокруг
Деметрия.

Ссл Ш'Карр прыгнүл с башни и
снова нырнүл в кровь. По торю в
направлении платформы пошли волны,
расшвыривая плавающие на поверхности
труны.

--- Он идет к нам! --- воксировал
Деметрий. Над ним снижался третий
«Гротовой ястреб», раскрыв брюхо и
готовясь выпустить последний отряд
Насильников. --- Братья, готовьтесь к
контратаке!

Костические десантники Хаоса
начали строиться рядами за командиром.
Нейробичи самого Деметрия были
полностью заряжены и гудели.

Окүлярные сенсоры гредноүта
сканировали поверхность крови прямо под
краем каменной платформы. Волны

исчезли — Ш'Карр нырнул еще глубже. Он рассчитывал, что князь демонов прыгнет, когда снова появится на поверхности, и одним рывком перелетит через край и приземлится прямо посреди Насильников...

Звук крушащегося камня был подобен грому. Платформа треснула, огромный кусок ее поднялся в воздух, сбивая с ног десантников-отступников. Еще один удар, и эта часть полностью отвалилась. В проломе появилась бронзовая голова Ш'Карра, подтягивающегося вверх на ногтях.

Вся платформа накренилась. Деметрий устоял, как и большинство десантников Хаоса, но Ш'Карр зацелкал своим громадным металлическим клювом, отсекая руки и ноги бронированных воинов. Каждый болтнистолет изрыгал снаряды в князя демонов, вырывая куски его плоти, пока тот взбирался на поврежденную платформу. Чудовище ринулось к отряду Койваса, истекая дождем кипящей демонической крови и каплями машинного масла.

Они загнали его в ловушку. Настало

время убивать.

Деметрий тяжело ступал вперед, поливая Ш'Карра снарядами, так что ствол его пушки раскалился докрасна. Он хлестнул второй рукой, и шипастые бичи глубоко вгрызлись в бедро демона, прорубая мускулы и обнажая бронзовые кости, которые поблескивали сквозь кровоточащие рваные раны.

Ш'Карр взревел от боли и взмахнул когтистой лапой. Деметрий принял удар рукой, снабженной кнутами, отвел от себя его мощь и, пригнувшись, ушел в сторону, где Ш'Карр не мог его достать. Стреляя в торс демона в упор, он снова хлестнул его ногу.

Бичи оплели лодыжку Ш'Карра и натянулись, прорезая мышцы. Огня стоп Деметрия зарылась в камень, и сервомоторы в ногах завизжали — он тянул со всей силой, которую позволяло тело гредноута. Силовая установка на спине светилась, как раскаленное железо, выжимая из реакторов всю энергию до последней капли. Бичи врезались в кость — но теперь Деметрий понимал, что скелет

Ш'Карра состоял не из кости, но из горячей бронзы и стали.

Оружейный огонь трепал Ш'Карра, как штормовой ветер. Его кожа была усеяна дырами от пуль, перепонки крыльев превратились в лохмотья. Всюду разлетались клочья демонической плоти. Зверь взвыл, и под натиском Деметрия его чудовищное тело потеряло равновесие и медленно завалилось на поверхность платформы.

Насильники включили свои прыжковые ранцы, вскочили на огромную, силищуюся подняться тушу и начали сечь ее ценными мечами, как дровосеки, разрубаящие поваленное дерево.

Деметрий высвободил свои бичи и пробежал к голове демона, уклоняясь от его мечущихся рук. Он поднял штормовую тушку и опустошил магазины прямо в торгу Ш'Карра.

Бронзовый череп прогнулся и треснул. Разлетелись обломки извивающихся металлических жвал. Из глазниц вырвалось пламя, и Ш'Карр заревел от боли. Вокруг по-прежнему падал дождь из

крови и мяса, поднятый ценными клинками Насильников, и болтеры всаживали новые снаряды в поверженное тело.

Деметрий хотел почувствовать смерть князя демонов, который дважды объявлял войну Торвендису. Вряд ли еще когда-нибудь будет подобная смерть.

Он раскрыл саркофаг и открыл свое иссохшее тело воздуху, чтобы предсмертные слезы Ш'Карра влились прямо в его нервную систему.

Ш'Карр бешено дергался, но большинство Насильников держались и уворачивались от когтей, раздирая его шкуру клинками и огнестрельным оружием. Деметрий ощущал чистую, чудовищную боль, истекающую из князя демонов подобно жаркому тареву, гнев Кровавого Бога, смешанный с яростью зверя, загнанного в угол.

Шел дождь из крови. Кровь капала на обнаженную кожу Деметрия и огнем обжигала его нервные окончания. Он упал в жаркой боли, что заново включала старые центры удовольствия.

которые, как он думал, давно уже умерли. Сила этого переживания, которое Деметрий впитывал во имя Бога Наслаждений, должна была воистину польстить Слаанешу.

Ш'Карр был. Это был высокий, ужасный звук. Среди Насильников на краю платформы вдруг началась какая-то суматоха, и Деметрий включил вокс-канал, чтобы понять, что случилось. Он был разгневан, что его отвлекли во время столь святого акта ощущения.

— ...их сотни, отступает к огневой поддержке, отступает!...

Это был голос Хаггина. Его воины уже повернулись и отступали, окружая огнеметы и плазмаганы. И внезапно, словно темная волна, накатывающая на берег, над краем платформы взметнулась стена серой демонской плоти, занятой кровью.

Сотня демонов Кровавого Бога ворвалась на платформу, призванная во имя своего князя. Первые ряды повалились под огнем болтеров Хаггина, но их было слишком много. На глазах Деметрия

половина отряда Хазгина исчезла под бронзовыми когтями и шелкающими челюстями.

Сс'лл Ш'Карр рванулся, как дикое животное, и поднялся на колени. Тем временем Насильников теснили демоны, и они начали подгаиваться.

--- Убейте князя! --- взревел Деметрий.
--- Убейте его первым! Держаться! Держаться!

Но приказы были бесполезны. Сотни атакующих демонов сметали отряды один за другим. Сс'лл Ш'Карр страхнул с себя Насильников, которые еще держались за его спину --- некоторые спаслись, отлетев на реактивных ранцах, другие беспомощно рухнули наземь, и громадные ноги Ш'Карра растоптали их.

Это было невозможно. Ш'Карр не должен был выжить, только не теперь, когда Деметрий поклялся подарить его смерть Слаанешу. Демоны прыгали на Деметрия, но он раскидывал их во все стороны, хлеща бичами и поливая непрерывным огнем штурмовой пушки. Вокс трещал от призывов к отступлению

Деметрий пытался их остановить, но те, кто подчинялся его приказам, погибали, окруженные и задавленные числом. Койвас еще оставался жив, но его боевые братья были полностью отрезаны от остальных в тени Ш'Карра и отбивались от стай демонов.

Деметрий должен был закончить свое дело сам. Он был в неописуемой ярости от того, что у него отняли смерть Ш'Карра. Его Насильники, величайшие воители Торвендуса, пришли в смятение. Враг, которого им приказали уничтожить, был по-прежнему жив, возвышался над ними и триумфально ревел, хватая когтями всех новых десантников Хаоса и сокрушая их.

Но Деметрий поклялся убить Ш'Карра. Если придется сделать это в одиночку, то так оно и будет. Разбросав демонов, которые окружили его, он зашагал к громадному князю, и на его голой кожешипела демоническая кровь. Он перешел на бег, отбиваясь от врагов стволом штурмовой пушки и расчищая путь перед собой шипами своих кнутов.

Пушка разорвала на части последних

демонов, которые стояли между
Деметрием и его добычей. Он чувствовал,
что боеприпасы почти закончились, а
силовая установка едва не трескается от
напряжения. Ему было все равно. Даже если
ему придется год пролежать в
бездействии, пока мастера органа будут
чинить его тело-гредноут, это убийство
полностью окупит любую цену.

Ш'Карр увидел Деметрия и бросился
на него. Пригнувшись, Насильник ушел от
открытых от крови когтей, атаковал ногу
Ш'Карра, отчего тот снова повалился на
колени, и выпустил очередь в туловище
демона.

Кнуты Деметрия опутали шею
Ш'Карра и заставили его огромный,
похожий на лошадиный череп опуститься.
Последние несколько снарядов с грохотом
врезались в торгую демона.

Огромные когтистые пальцы
обхватили саркофаг Деметрия и
оторвали его от земли. Ш'Карр дернул, и
Деметрий ощутил вспышку боли в руке,
когда кнуты оторвались от тела
гредноута. Ш'Карр протянул дрогую руку

и выломал руку со штурмовой пушкой из плеча.

Мир вокруг Деметрия закружился. От шока, нанесенного столь сильными травмами, пастурное небо завертелось над головой, а башни города заплясали. Тысяча демонов бессвязно бормотала, глядя на него вверх, и гул их голосов стесивался с выстрелами последних сопротивляющихся Насильников. В воксе царила дикая какофония смерти, и Деметрий осознал, что он тоже кричит.

Оставался единственный шанс. Силовая установка гредноута добела раскалилась от тяжелой работы. Если перегрузить плазموпроводы, то оболочка лопнет, и он исчезнет в шаре плазменного огня, уничтожив вместе с собой голову и верхнюю часть тела Ш'Карра. Сам Деметрий погибнет, но он часто размышлял о финальном переживании смерти, и если оно стесается с гибелью Ш'Карра, то станет более грандиозным чувством, чем можно вообразить.

Деметрий все еще думал об этом, когда князь демонов вырвал из тела

средноута силовую установку и выбросил ее в море крови, бьющееся внизу. Затем, с силой раскрыв саркофаг Деметрия еще больше, он запустил внутрь коготь и вытащил наружу кусочек живого мяса.

С'лл У'Карр уронил корчащийся комок плоти в пасть и почувствовал, как тот, все еще шевелясь, проскользнул по его глотке. Потом он повернулся к демонам, толпящимся у его ног, и сделал знак следовать за ним. Они одолели непростого врага, но их ждало еще много битв, которые утолили бы их жажду.

Леди Харибдия смотрела на руины внешних стен, пытаясь подавить тошноту от зловония запекающейся крови. Она угалилась в свои личные покои, где ничто и никогда не могло добраться до нее — но теперь, глядя в хрустальный шар, висящий в середине опочивальни, она начала сомневаться, что в ее городе остались безопасные места. Приглушенные звуки битвы проникали в крепость, подавляя стоны душ, заточенных в камнях, и эхо резни отражалось от стен.

Насильники держались изю всех сил. Она сделала правильный выбор, когда привела их на свои стены, ибо любой из них был равен сотне варваров-животных. Но на каждого десантника-Насильника приходилось более чем сотня захватчиков, а Деметрий еще не вернулся, как обещал. Фактически, леги Харибдия не получила вообще никаких известий от командира десантников. Кагүцея с элитными ударными ротами легионеров были окружены и зажаты в западной части города, где пытались остановить поток захватчиков, все еще изливающийся с западного берега океана крови. Войска леги Харибдии повсюду были разрознены, так как не могли использовать кровь так же, как враги, свободно перемещавшиеся по ней, куда угодно. Предполагалось, что для любой атакующей армии будет невозможно перемещаться по городу, но Ш'Карр и его проклятое колдовство совершенно изменили ситуацию. Теперь в ловушку попали сами легионы, которые пытались лицом к лицу сразиться с врагом, способным легко уйти и поплыть к

обрушению местной атаки.

И теперь этот враг добрался до укреплений самой Крепости Харибдией.

Прилив из людей и демонов разбивался о стены. Они обрушили башни поблизости, чтобы создать пути, по которым могли скакать всадники и карабкаться пешие солдаты. Насильники разделились на отдельные бригады, которые возводили на каждой точке прохода заслон из болтерного огня, но с каждой минутой атаке подвергалось все больше участков стены. Взрывы вырывали куски из бастийонов, люди выбирались из кораблей, брошенных на растущем рифе из трюмов под стеной, и лезли вверх. Нагали лестницы и башни, становясь лестницами, ведущими на стены. На каждую брешь, зачищенную Насильниками, появлялась еще одна и изрыгала на стены поток вражеских воинов.

Поблизости раздался топот. Легия Харибдия отвела взгляд от жутких сцен на стенах и вышла из комнаты. Навстречу ей по коридору бежал отряд легионеров. Лица у них были перекошены, и у многих

текла кровь из ушей и носов -- леги
Харибдия поняла, что даже в нынешнем
состоянии ее крепость источала слишком
чистые ощущения, чтобы большинство
смертных могли выдержать их без
побочных эффектов.

-- Центурион, держится ли крепость?
-- потребовала ответа леги Харибдия.

Предводитель легионеров
остановился и поклонился.

-- Они наступают с северо-запада, моя
госпожа. Они поднялись по жертвенному
путь. Мы закрыли эту область, но скоро
за ними придет еще больше.

-- Это святейшее из мест, центурион.
Каждый шаг врага по этой земле --
богохульство. Этого не произойдет.

-- Их так много, моя госпожа.
Говорят, что Насильники обречены.

-- Я уверена, что слухи говорят
многое. Но если вы еще живы, значит, враг
еще не победил. Куда вы направляетесь?

-- В сточные системы, моя госпожа.
Мост заблокирован, значит, именно там
они атакуют снова. Охотники за
головами. Я видел их. Полуголые,

измазанные краской. Они, должно быть, собрались со всей планеты...

--- Ты проследишь за тем, чтобы их путешествие закончилось здесь. Крепость останется неоскверненной, или же ты утратишь, пытаясь сохранить ее. Понял?

--- Конечно, моя госпожа.

Центурион выкрикнул приказ, и люди последовали за ним дальше по коридору и вниз по широкой лестнице.

Даже в самом сердце крепости не было покоя от какофонии войны. Когда враг будет побежден, начнутся бесконечные жертвоприношения, чтобы отчистить город от следов их присутствия, и только потом Слаанеш будет снова получать свою дань наслаждений.

Под ногами леги Харибди вдруг раздался глухой треск и грохот падающих камней. Что-то взорвалось и унесло с собой немалый кусок крепости.

Почти сразу же последовал приглушенный шум людских голосов. Их было сотни, и они кричали, врываясь в крепость. Где-то, на много этажей ниже, захватчики проникли в крепость при

помощи скрытности или хитрости. Лязг стали о сталь отпечал места, где они сталкивались с легионерами — но почти сразу после того, как вторжение было остановлено, раздался еще один взрыв, на сей раз ближе, и леги Харибдия услышала, как еще больше варваров ворвалось внутрь.

Она убежала обратно в свои покои, но тепло и уединение ее прибежища казалось хрупким в сравнении с войной, бушующей снаружи. Она пожелала, чтобы оскверненные полы крепости источали чистые и интенсивные чувства на том уровне, который она обычно предпочитала. Это была последняя линия обороны цитадели — встроенный в катн-лабиринт наслаждений, который позволял леги Харибдии полностью отдаваться поклонению Слаанешу, мог перегружать и уничтожать разум сларых людей. Последний шанс. Она должна убить захватчиков наслаждением.

Души будут неть еще приятнее, gobелены засияют нелыслимой красотой, которая очарует или убьет любого мертвого. Им встретятся курильницы,

сжигающие настолько крепкий мускус, что он полностью парализует любого, кто вдохнет его, и кобры, пронизывающие яркими иглами боли тех, кто будет по ним идти. Леди Харибдия почувствовала усиленные, чистые удовольствия, эхом доносящиеся до ее покоев, но гораздо яснее, чем она слышала вопли варваров и легионеров, мутирующих одинаково.

Но это не продлится вечно. Ткань крепости была повреждена, и ее способность порождать столь головокружительные ощущения ослабела. Самым крепким захватчиком, возможно, удастся пройти через испытания наслаждений и выжить.

Леди Харибдия еще раз бросила взгляд в хрустальный шар. Насильники теперь превратились в небольшую группу фигур в голубых доспехах, окруженную ревущей ордой врагов. Но-прежнему не было видно ни Деметрия, ни его «Громоых ястребов», но Деметрий был ее последней надеждой. Если остался хотя бы один летающий транспорт, она могла бы призвать его на крышу крепости, чтобы он

унес ее в безопасное место.

Внезапно леги Харибдию шокировало осознание того, что она действительно задумалась о реальной возможности падения крепости.

Кровь тчалась по нижним уровням, варвары топтали шедевры искусства, которые леги Харибдия собирала всю жизнь. Вытряхнув ужас из головы, она побежала к лестнице, которая вела на верхние уровни крепости.

Далеко, далеко внизу, в каналах, вырезанных в блоках фундамента крепости, все заполнилось кровью. Туннели и камеры полностью утопли, тела верных слуг и легионеров медленно дрейфовали в темноте. Трупы захлебнувшихся узников начались под толчками подземных камер. Давно забытые складские помещения и застенки пропитались кровью, и их содержимое придавало ей странные оттенки. Бесценные гобелены на стенах были безнадежно испорчены. Пленные духи сердили и ярились, перенимая гнев Кровавого Бога, и в бешенстве

уничтожали сами себя.

А на стене одного глубокого коридора смотрел в пустоту ряд эльдарских черепов.

Войска под командованием Кагуцея были практически изорваны в куски. Они были заперты за импровизированными баррикадами на широких перекрестках высоко над западным краем города и полностью окружены захватчиками, изливающимися из соседних башен. Кагуцея вступила в этот бой с мобильной партией из семи тысяч ветеранов. Теперь их осталось едва ли три тысячи. Это были закаленные бойцы, которые прошли добрую дюжину кампаний, но сегодня они нашли смерть от рук немытых оргголоворезов, которые недостойны были даже произносить имя Слаанеша.

Враг атаковал уже с десятков раз, и каждый раз его отбрасывали с тяжелыми потерями. Но их было так много. Кагуцея выглянула между разбитыми досками самодельной баррикады и увидела вражеских воинов, бегающих между

балконати ближайших башен и за
укреплениями, воздвигнутыми на трех
дорогах, ведущих к этому пересечению.
Периодически в то место, где она
находилась, летели стрелы и тучи
метательных дропиков, стучали о
баррикады, лязгали о каменную
поверхность дороги и иногда, если стрелку
везло, со свистом вонзались в плоть какого-
нибудь легионера.

Один из центурионов подбежал к ней,
низко пригнув голову, чтобы какой-нибудь
остроглазый кочевник не пронзил его
стрелой. Кадуцея узнала его, но не могла
вспомнить имя — он уже более десяти лет
служил в армии города, как и она сама.

— Под нами на юге есть движение, —
сказал он. — Некоторые солдаты
сказывают, что это подкрепления Чарриана...

— Подкреплений не будет, — коротко
ответила Кадуцея. Раздвоенный язык
быстро мелькал меж губ. — Мы — это все,
что осталось. Наша цель — удержать
столько язычников, сколько получится, и
убедиться, что никто из них не пройдет
глубже в город. Прекрати подобные

разговоры, надежда сделает людей слабыми.

Если центурион и не был согласен, он об этом не сказал. Он лишь кивнул и направился обратно на южную баррикаду, где стояла его команда.

Кадуцея сказала правду. Окруженный и изолированный отряд никто спасти не будет. Они принесут больше пользы в качестве препятствия, а те, кто могли бы их вызволить, более ценны в других местах.

Демоническая половина напонила, что некогда ее принесли в жертву Слаанешу, и если она пожертвует собой снова, то это будет честью.

— Атака с востока! — закричали с баррикады на другой стороне. Через тизград стрел и метательных копий довести об очередном нападении варваров. Мышечная память не подвела, и Кадуцея, не обращая внимания на дождь из стали, понеслась по открытому пространству на глиняных, странно сочлененных ногах, быстрее, чем ее легионеры.

Стрела вонзилась ей в плечо, копьё нанесло глинный порез вдоль бедра. Она добежала до укрытия восточной баррикады и вырвала стрелу — черноватая демоническая кровь брызнула коррозивной струей, а потом рана закрылась.

Она протиснулась среди легионеров и выглянула между досками баррикады. Враги находились в луковцеобразной средней части башни, расположенной недалеко на дороге. Кадуцея чувствовала их запах, жар дыхания, пот на коже.

Стук стрел утих. Враги атаковали — их были сотни, тысячи, они изливались рекой из окон и дверей башни и мчались к восточной баррикаде.

Легионеры не двигались. Никто не убил бы без приказа Кадуцеи.

Первые варвары метали копья и топоры, которые не долетали, падали и скользили по дороге. Кадуцея втянула пальцы правой руки в тясистое отверстие, которое появилось в запястье. Внутри затерцал белый огонь, и рука превратилась в уродливое биологическое оружие, которое даровал ей демон-паразит.

Правая рука, хитиновая, похожая на крабью клешню, нетерпеливо защелкала. Демон жаждал крови, но женщина приказала ему ждать.

Немательный громик врезался в баррикаду.

--- Готовьтесь! --- крикнула Кагүцея. Вооруженные копьями легионеры отвели их назад, держа одну руку на запасном оружии.

Вонь варваров была невыносима. Кагүцея знала, что ее может заглушить только запах крови.

--- Бросайте! --- приказала она. Стена копий взметнулась над стеной, как волна, и нахлынула на атакующих воинов, разметаив брызги крови. Первые ряды сломались за секунду до того, как достичь стены.

Врагов потрепало, но они все равно полезли на баррикаду. Многие забрались на вершину и тыкали вниз мечами и топоратами. Кагүцея вытянула руку и выстрелила сверхгорячей плазмой вниз. Ее окутало зловоние горящего мяса --- три человека исчезло в багровом облаке

испарившейся крови.

Всюду вокруг легионеры били копьями, а те, что имели только мечи, забирались на баррикаду и скрещивали клинки с атакующими. По обе стороны падали трупы варваров, стоял чудовищный гул — ужасная песнь ран и смерти. Отряды легионеров атаковали с флангов через баррикаду, клином вонзились в ряды варваров и сбросили десятки врагов с дорожки, прежде чем отступить обратно за баррикаду.

Уже погибли сотни захватчиков и десятки легионеров. Сколько их еще было? Сколько им придется еще убить?

Недостаточно, сказал дэмон, и Кадүцея позволила ему завладеть собой. Клешня кромсала конечности и головы, пшуха выбивала дыры в терзостной массе варваров. Она наслаждалась запахом жареной плоти и текущей крови, горячими брызгами на своей коже и болью от сотни крошечных ран от стрел и удачных взмахов мечей. Вспышки демонического безумия вели ее вперед — чистый восторг разрушения, как будто она хотела

разорвать на части реальный мир и
оставить на его месте только
незамутненный Хаос варна.

Когда красная пелена, заволокшая
разум Кагүцеи, исчезла, и демон убрался на
заборки сознания, она стояла посреди
дороги, баррикада осталась далеко позади,
и гора искалеченных тел лежала под ее
ногами. Немногочисленные остатки
варваров убежали в башню, и враги в окнах
готовились выпустить на позицию
легионеров еще один залп.

Кагүцея заспешила обратно к
баррикадам, и тут что-то привлекло ее
взгляд.

Это была городская крепость вдалеке,
неясно различимая из-за расстояния и
облаков дыма, поднимающихся от башен,
которые были взорваны или подожжены.
Кровь фонтанами била из окон нижних
уровней, стены вокруг нее кишели бойцами.
Захватчики добрались до крепости и
самой леди Харибди.

Демон внутри нее сказал, что это
неважно, что она бьется здесь, и есть еще
много врагов, которых надо убить.

Женская половина согласилась, и она
вбежала обратно под прикрытие баррикады,
когда начали падать стрелы. Здесь
произойдет еще много битв, прежде чем
настанет ночь и судьба города решится.

Леди Харибдия смотрела, как
агонизирует ее город. Из наблюдательного
купола на вершине крепости она могла
видеть все до самых дальних границ своего
шедевра. На вершинах сотни башен ярко
горели пожары, другие же упали, как
деревья, или же были полностью отрезаны
от остального города, когда соединяющие
их дороги обрушились. Всюду были
зловонные орды варваров, и в некоторых
местах все еще виднелись яркие шелка ее
легионеров, которых было вдесятеро
меньше, чем врагов.

Стены были утрачены. Насильники
отступили в саму крепость, оставляя за
собой след из куч трупов — из купола леди
Харибдия слышала неприятный лай их
болтеров и чувствовала, как двери и
лестницы крепости заполняются
мертвецами. Разрушения высвободили

пленных духов, и они улетали в ночь, как
сгустки дыма. Небо над головой
кровоточило, как сам город, покрытое
покрыти язвами туманностей, из которых
сочились разорванные звезды, и падающими
кометами, как будто потерявшими
сознание от ужаса. Только Песнь Резни не
двигалась и холодно светилась, как
булавка с драгоценным камнем,
пронзившая небо.

Прямо под наблюдательным куполом
что-то зашевелилось. Нечто сердито
заскреблось в люк в полу.

Леди Харибдия оглядела свой
роскошно украшенный купол. На глаза ей
попался инкрустированный
драгоценностями кинжал, возможно,
подарок, или дань, или трофей ее войск ---
по всей крепости были разбросаны
несчетные тысячи подобных вещей. Она
подняла его и вынула клинок из ножен. По
крайней мере, он был острый.

В различные времена леди Харибдия
побывала почти в каждом атмла
служителя чувств, какие только могли
назвать поклонники Бога Наслаждений ---

включая и война. Она сражалась в битвах, которые бушевали по всему свету, и заняла свое место в армиях Хаоса. Но это было много лет назад. Сколько она может вспомнить? Готовся ли для битвы ее элегантное, совершенное тело?

Шум стал громче. Нечто вцепилось в люк и пыталось вырвать его. Легии Харибдия отступила к хрустальной стене купола и в первый раз за очень долгое время ощутила страх. Ее город лежал в руинах. Ее армии превратились в крошечные очаги обреченного сопротивления. И сколько бы она не взирала с надеждой на небо снаружи, там не было ни Деметрия, ни его «Громоых ястребов».

Пол провалился, и нечто полезло в дыру. Раньше него появился запах — вонь огня и крови, гнева и мести. Потом показалась серая узловатая рука с когтями из бронзы.

Уродливая, массивная тварь, которая вскарабкалась в купол, некогда была демоном Кровавого Бога, но теперь стала чем-то более низким. В неестественной

плоти существа остались уродливые, вздутые шрамы на месте механизмов, вырванных из тела, его искривленные конечности многократно ломались и не вправлялись на место — но теперь оно было здоровее, чем раньше, ибо погрузилось в кровь и досыта напилось ей. На его теле бугрились мышцы, влажные от жаркого хвора, вытекающего из множества заново открывшихся шрамов. Глаза — алые щели, полные злобы — были прикованы к леди Харибдии.

С одного запястья твари свисала цепь. Цепь со звеньями из человеческих языков. В боку зияла свежая, сочащаяся рана от копья.

— Ты, — сказала леди Харибдия.

Зверь не ответил. Он шагнул вперед, разрывая острыми как бритва когтями мягкий пол купола. Леди Харибдия выставила перед собой кинжал, твердо стиснутый в изящной, похожей на паука руке.

Существо оказалось быстрее. Оно было быстрее, чем любой смертный. Она взмахнула кинжалом, когда оно бросилось,

и глубоко ранила врага в грудь, повернувшись от щелкающих челюстей. Но оно стиснуло руку на ее шее, подняло и впечатало спиной в стену купола.

Ее скульптурный череп захрустел, пустотелые кости раскололись. Обезумевшие глаза леги Харибди заволокла пелена крови. Демон снова поднял ее и швырнул в дальнюю стену. Хрусталь треснул. Как и ее позвоночник.

Она не могла двинуться с места. Не могла дышать. Ее тело переполняла боль, хрупкие, как фарфор, кости превратились в острые осколки. Кинжал выпал из сломанных пальцев. Демон поднялся на дыбы и вогнал когтистый кулак в живот, отчего ее захлестнула горячая волна агонии.

Она слышала стрельбу Насильников и боевые кличи атакующих врагов. Она слышала, как кровавый прилив бьется об основание крепости, и как трещит камень очередной падающей башни. В эти последние несколько мгновений ее обостренные чувства услышали, как утирает город, как рушится грандиозный

храм. И запахи тоже нахлынули на нее — горящие руины и всепоглощающая вонь сгущающейся крови. Жаркий ветер страдания дул над ней, и она видела бледный свет смерти, поднимающийся над ее городом.

Это было финальное ощущение, величайшее благословение, обещанное Слаанешем. Даже утирая, его последователи должны были почтить его переживанием своей смерти. Но в этом не было ничего благочестивого — была боль, и внезапный холод, и ощущение полной ничтожности. Леди Харибдия не оправдала ожиданий Слаанеша, и в наказание ее смерть стала не предельным восторгом, но жалкой вспышкой боли, за которой последовала темнота.

Леди Харибдия все еще страдала за предательство своего бога, когда демон начал пожирать ее.

Для тех, кто умел чувствовать подобные вещи, смерть леди Харибдии была столь же громкой, как и пробуждение С'лла Ш'Карра. Это был жалкий, далекий,

отчаянный плач. Волна, которая пронеслась по Торвендису от ее смерти, несла с собой крик брошенного, страдающего существа, а затем тишину.

Далеко на юге, в глубине джунглей, его услышал Крон. Он отметил уход леди Харибдии с некоторым удовлетворением, что ее постигла не героическая смерть. Потом он перестал об этом думать, потому что у него были свои дела, требующие размышлений.

Вокруг простирались густые джунгли. Двигаться сквозь них было все равно, что протискиваться через стену — у каждого растения были шипы, а у каждого животного — жало. Тело Крона усеивали царапины и следы укусов, и хотя он мог их достаточно быстро залечивать, боль оставалась болью, и все джунгли как будто вознамерились причинять ее в максимально возможных количествах.

Он рискнул применить колдовство и выставил вперед лагерь, окутанный черным пламенем, от которого злокозненные растения сторжились и убегали перед ним, открыв проход на поляну.

Сусклый звездны свет сочился сквозь
крону и пятнал круґлы катенистый
участок.

Эта поляна была ему знакома.
Конечно, когда Крон видел ее в последний
раз, джунгли еще не приползли сюда, но
сомнений не было. Катенистая земля
спускалась в углубление, в котором Крон
узнал кратер от удара. Он пробрался среди
ломаных камней и направился вниз. Из-под
босых ног ускользали похожие на ящериц
создания. На дне углубления был клочок
почвы. Крон начал копать ее руками и
наконец почувствовал холодный металл.
Чародейское слово унесло землю и открыло
изогнутую металлическую поверхность,
покрытую обожженной краской, с
маленьким круглым люком в ней.

Крон провел руками над люком. Под
поверхностью загудели генетические
сенсоры, защелкал, стесаясь, запорный
механизм. Люк раскрылся внутрь, и
наружу хлынул старый воздух, пахнущий
машинами и топливом. Внутри
включился свет, озарив одно
гравитационное сиденье с колпаком

жизнеобеспечения, привинченное перед
множеством приборов управления и
экранов показаний, забитых в крошечное
пространство, едва способное вместить в
себя одного человека.

Крон улыбнулся. Приятно видеть, что
спасительная капсула все еще там, где он
ее оставил — как будто Торвенгис, почуяв
в капсуле посторонний объект, отказался
глотать ее и оставил у поверхности.

Крон расслабил свое старое тело,
протиснулся в люк и занял сиденье. С
шипением гидравлики над головой
опустился колпак, люк закрылся. Начали
показывать показания приборов —
температура, состав воздуха,
целостность корпуса. На одном экране
появилась топографическая карта
окрестностей, на другом — вид ночного
неба прямо над головой. Крон проверил
счетчик горючего и убедился, что его еще
много. В те времена, когда создавали эту
капсулу, работа делалась на века. Капсула
все еще была пригодна для полетов в
космосе, и хотя это, по сути, была
одноместная спасательная шлюпка, ей

схватало ускорения, чтобы унести
маленький груз обратно на орбиту.

Его было недостаточно, чтобы снова
спуститься вниз. Но Крон уже достиг
точки невозвращения — события, которые
он запустил, приближались к
кульминации, и он не мог их остановить,
даже если бы захотел.

Из центральной консоли поднялся
рычаг управления. Крон схватил его,
включил единственный большой двигатель
и почувствовал, как капсула выходит из
пог земли. Еще один рывок, и она взлетела
в воздух, пробила панцирь полога и
рванулась вверх, к ночному небу.

Атакир наблюдал, как горит город.
Уже было ясно, что силы леги Харибдиги
обречены. Неожиданная атака с океана
крови разделила армию защитников на
части, изолированные и сокрушенные
мобильными отрядами варваров, которые
нападали со всех направлений
одновременно. Лидеры варваров, судя по
всему, оказались куда сообразительнее,
чем предполагала леги Харибдиги — они

одолели даже Насильников. В Мальстриме не было лучших солдат (не считая, разумеется, Несущих Слово), и нужно было быть гением тактики, чтобы заставить их ввязаться в заведомо проигрышную битву. Слл Ш'Карр сломал все препятствия, которые не могли преодолеть варвары, и захватчики продолжали подавлять сопротивление города, пока крепость не оказалась в их руках. Последние бои завершатся, быть может, лишь через несколько недель, но сейчас, когда опустилась ночь, было очевидно, что град Слаанеша пал.

С гребня, поднимающегося к северу от города, ковен Несущих Слово видел, как битва разворачивается во всей своей красоте. Но их основная цель не была исполнена — здесь было много взрывов колдовства, но ни одной улицы, которая могла бы привести ковен непосредственно к Карнүлону. Они даже не были уверены, что он вообще в городе, и даже если он там находился, то найти его в таком месте представлялось совершенно невозможным.

Брокс восседал на выступе неподалеку и постоянно осматривал периметр, контролируя его своими многочисленными пушками. Скарлан, Феоркан и Пракордиан пребывали в полусне, Фаздос и Маркелос стояли на страже. Амакир сидел на камне, глядя на пожары, когда вдруг пришло сообщение.

В воксе вдруг возник шум. Не голоса, но жуткий, глубокий, булькающий звук, похожий на предсмертный хрип какого-то огромного существа.

--- Макело? --- позвал Амакир.

--- Капитан?

--- Разбуди Пракордиана.

Повисла пауза, пока Макело слезал со своего наблюдательного поста. Он потряс Пракордиана и пробудил его от полусна. Когда заблестела его рюха подтверждения, Амакир проиграл последовательность шумов из своего коммуникатора.

--- Это «Мультус», --- воксировал Пракордиан, когда запись закончилась. Колдун был единственным в ковене, кто мог перевести сообщения машинного духа без использования приборов на мостике

корабля. -- Он что-то увидел.

Атакир оставил безумному духу «Мультус Сангвис» приказ следить за небесами, на случай, если Карнүлон попытается покинуть Торвендис на костическом транспорте. Его слегка удивило, что корабль на самом деле вел наблюдение и сохранил достаточно техноута, чтобы проинформировать ковенов.

-- Скажи ему, чтоб дал подробную информацию о цели. У нее траектории.

Пракордиан передал эти слова не по воксу, но через связь собственного разума с гниющим психическим вздутием, который представлял собой дух «Мультуса».

-- Это костический корабль, вероятно, одностный, -- воксировал Пракордиан через несколько мгновений. -- Внешний вид незнаком. Несколько минут назад он вылетел из южных джунглей.

-- Может ли «Мультус» проследить за ним?

-- Корабль не защищен. Можно последовать за ним.

-- Хорошо. Сообщи «Мультусу».

чтобы он подобрал нас в этом месте, и мы отправимся в погоню. Если это Карнүлон, то мы не можем себе позволить упустить его.

Атакир переключился на частоту отделения.

— Несущие Слово? — пять рун подтверждения затерцали на его голос. — Выходите из полусна, готовьтесь выдвигаться. Возможно, Карнүлон сбежал, и мы последуем за ним на орбиту.

— А мы можем спрятать «Мүльтүс»? — спросил Феоркан. — Если мы не должны быть здесь...

— Карнүлон наверняка знает, что мы здесь. Скорость важнее, чем секретность.

Атакир знал, что хитроумный Феоркан предпочел бы таиться, а не объявлять всему Торвендисү, что Несущие Слово присутствуют на планете, снова запустив «Мүльтүс». Но поилка Карнүлона была важнее всего остального, и, в любом случае, теперь, когда леги Харибдия мертва, на планете было немного сил, способных что-либо сделать с Несущими Слово, даже если бы захотели.

Атакир трүсцой спустился с гребня к остальным членам ковена, которые уже проверяли свое снаряжение и были готовы подняться на борт. Макело все еще стоял на часах, а Врокс тяжело спустился вниз и вместе со Скарланом и Феорканом приступил к прочесыванию зоны посадки. Пракордиан сидел, скрестив ноги и закрыв глаза, и психически общался с «Мультүс Сангвис».

— Он будет здесь в ближайшие два часа, — сказал говорящий-с-мертвыми, внезапно открыв глаза.

— Хорошо. На него можно положиться?

— У «Мультүса» ясный ум, когда он захочет, — ответил Пракордиан. — Если ему есть на что охотиться, он может быть весьма расположен к сотрудничеству.

— Он проследил траекторию цели?

Пракордиан улыбнулся.

— О да, капитан. Она движется к Песне Резни.

Некоторые еще сражались. Но

большинство уже начало отмечать победу.

Крепость леги Харибдгия превратилась в пустую оболочку себя прежней. Пленные духи исчезли, живые витражи были разбиты, и их корчащиеся изображения больше не могли гипнотизировать нарушителей. В некоторые участки все еще нельзя было обратиться из-за усыпляющего тумана и галлюциногенных благовоний, висящих в воздухе, но вскоре они должны были проветриться, и для празднующих хватало места.

Голгоф направлялся напрямик к крепости, когда узнал, что она захвачена. Похоже, леги Харибдгия либо сбежала, либо погибла, и ее тело исчезло. Голгоф мечтал разорвать ее на части голыми руками, но, по крайней мере, он мог утешиться, сдвигая со стен бесценные gobelены и веселясь рядом со своими братьями-воинами.

Звуки хриплого пения эхом отдавались по всей крепости. Голгоф, пошатываясь, взобрался по большой лестнице с бутылкой какого-то трофейного

вина в руке, погрузившись в туман
опьянения после дня, полного резни.
Крепость была огромна, здесь еще многое
предстояло разведать и разграбить, и
большая часть пока оставалась
нетронутой. Кроме того, Голгоф все еще
надеялся найти сжавшуюся в каком-нибудь
алькове леги Харибдию или, по крайней
мере, ее останки, чтобы их можно было
прибить к шесту и носить, как свой
личный штандарт.

Он вышел в бальный зал, обширное
помещение с таким высоким потолком,
что по его углам собирались облака. Пол
был сделан из полированного черного
дерева твердой породы, гипсовые стены
покрывала лепнина в виде изгибающихся,
смысленных узоров. В стены были
встроены сотни часов, все — с различными
наборками цифр, и каждое устройство
работало на бьющемся человеческом
сердце, вставленном в корпус. Все часы
остановились.

Голгоф побродил по бальному залу,
спустился по ступенькам в оркестровую
яму, где лежали брошенные странные

инструменты, и перешел в грузую комнату. Это был холодный как ледвинный погреб с бочками жидкого несчастья и дистиллированной боли. Голгоф прошел по галерее картин, которые стали черными и тусклыми, и на них выгнулись лишь слабые извивающиеся следы прежних живых изображений. Тучи светящихся насекомых, заточенные в магических клетках, свисающих с потолка, освещали картины бледным неверным светом.

Здесь был небольшой зверинец с клетками и вольерами не более человеческого кулака, где содержались крошечные, украшенные драгоценными камнями насекомые и идеально уменьшенные звери. Голгоф узнал несколько маленьких версий горных хищников, которых съежили магией до такой степени, что они стали похожи на игрушки для детей, слишком трусливых, чтобы выслеживать настоящих животных. Очень немногие из этих существ были еще живы. Голгоф проигнорировал их и двинулся дальше.

отдавая себе отчет, что пенie пьяных
воинов становится все глуше.
Периодически раздавался отдаленный
грохот чьего-то краденого болтера ---
Голгоф и сам нашел себе болтнустолет,
но выкинул его вскоре после того, как из
деталей начал вытекать гурно пахнущий
гной. Все в городе казалось испорченными.
Он знал, что надо сделать воинам,
захватившим это место. Они должны
разорить его и завалить карьеры под ним.

Дальше тянулся коридор, вдоль
которого стояли статуи, оказавшиеся
окаменевшими пленниками. Сколько из
них были горцами, отданными в качестве
дани своим подкупленными вождями?
Говорили, что ниже верхних ярусом
находятся темницы, где заключены
тычащие звери, раньше принадлежавшие к
человеческому роду. Сколько хороших и
сильных людей встретили здесь судьбу,
что хуже смерти --- людей, благодаря
которым Узлрудный Меч мог бы
сохранить свое могущество и
воинственность?

Что-то привлекло взгляд Голгофа.

Это было живое существо — птица, которая беззвучно порхала по коридору навстречу ему. Голгоф сначала подумал, что она вылетела из зверинца. Она села на плечо ближайшей статуи и наклонила голову набок, любопытно разглядывая его. Оперение птицы было радужного синезеленого окраса, а глаза — маленькие и яркие.

Одну ногу охватывало кольцо для писем. Голгоф протянул руку, и птица позволила ему снять его. Он вытащил из кольца полоску пергамента и подумал про себя, жив ли еще Тарн, который мог бы прочитать ему письмо.

Слова на пергаменте закрутились, и вдруг Голгоф понял, что может прочесть их, как будто кто-то читал письмо прямо у него в голове. Он не любил, когда вмешивались в его разум, и стянул пергамент в комок, но сообщение осталось. Оно висело перед его глазами и снова и снова повторялось в его голове: Стрельчатый Пик. Зал Старейшин.

Внезапно к словам добавился образ — огромный, темный, пыльный зал, тихий

как могила, с клубками паучьих сетей, свисающими с потолка, и... чем-то... в середине -- далеким и размытым, так что он не мог сфокусироваться на нем.

Потом он исчез, и перед глазами снова возник коридор.

Последний клочок сообщения всплыл в его мозгу -- это была подпись. Крон.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

«Мультус Сангвис» беспокоился. С нижних палуб доносились странные стонущие звуки, приглушающие отдаленный рев двигателей, освещение на мостике тускнело и отбрасывало на пол и стены тени, похожие на пятна и потеки крови. Палубных рабов стало меньше, и они жались на краю мостика. Пракордван объяснил, что «Мультус Сангвис» призывал их в камеру машинного духа и поглощал, пока Несущие Слово отсутствовали. Старый корабль становился хуже, как будто его заразила та же злоба, что охватила весь Торвендис.

Капитан Амакир видел с орбиты, как горит город. Система голопроекторов воспроизводила в воздухе в середине мостика яркое изображение поверхности планеты, на котором явственно виднелись клубы дыма, окутывающие инкрустированную рану в земле. Вскоре город превратится в разрозненные выгоревшие останки.

Феоркан был у навигационного штурвала и надзирал за вычислениями машинного духа. Пракордиан находился где-то наверху в наблюдательном куполе и с восторгом созерцал далекие разрушения, открыв свой разум отзвукам мертвых голосов. Все Несущие Слово отдыхали по-своему, потому что знали, что встреча лицом к лицу с Карнулоном может стать самой суровой схваткой за их долги жизни.

--- Мы кое-что нашли, сэр, --- сообщил Феоркан. --- Машинный дух только что увидел это в телескопы.

--- Дай изображение, --- сказал Атакир. Образ Торвендуса затерцал и исчез, стенившись видом звездного неба снаружи. Над одной, особо яркой звездой начал мигать курсор.

--- Ближе?

Феоркан несколько мгновений пытался убедить сенсоры «Мультуса» дать приближение. Потом изображение снова поменялось.

На сей раз оно демонстрировало костический корабль. Он был окутан

светом, отраженным от многочисленных солнц и лун Торвендуса, но это явно был корабль. По измерениям, которые потоком шли по нижней границе голографического образа, Атакир мог сказать, что он огромен, гораздо крупнее, чем «Мультус». Под массивным изогнутым корпусом висели мощные двигатели, зияющие ловители частиц тянулись от носа к расширяющимся трубам двигателей. Вперед торчали пучки сенсорных антенн. По сегментированному корпусу тянулись узкие окна, покрывая весь корабль точками света.

--- Есть сигнал?

Феоркан покачал головой.

--- Насколько может сказать «Мультус», корабль мертв.

Когда Пракордиан сказал, что Карнүлон движется к Песне Резни, это казалось бессмыслицей. Одноместный корабль не потянул бы путешествие до звезды. Но теперь, конечно же, все было совершенно ясно: они нашли, куда направлялся Карнүлон, и это была вовсе не звезда. Его цель ярко и холодно горела в

небе, отражая свет солнц Торвенгуса.

На обшивке костического корабля огромными буквами было выведено его название — «Неснь Резни».

Атакир подошел к аппарату связи и переключился на систему вокс-оповещения корабля. Его голос громом разнесся по «Мультусу».

— Несущие Слово, готовьтесь. Мы нашли его. Угел на абордаж.

Если бы Сс'лл Ш'Карр обладал разумом, хотя бы приближенным к разуму смертного, он мог бы утолить свою жажду. Он мог бы пресытиться кровью и убийствами, когда океан крови впитался обратно в землю под городом. Зловоние раздутых трунов, оставленных отступающими волнами, и гавящая телена дыла, зависшая между башнями, могли бы удовлетворить его страсть к разрушению.

Но Сс'лл Ш'Карр не был смертным. У него не был он простым демоном — он был князем среди демонов, с душой, откованной из воли самого Кровавого Бога. Для Сс'лла

Ш'Карра никогда не было достаточно крови. Если можно было свершить убийство, то он совершал его. И при бледном свете раннего утра, когда варварская орда Голгофа спала после дня веселья и ночи празднеств, он взялся за дело.

Голгоф проснулся от воплей. Он был один в какой-то галерее с колоннами и высоким потолком, где некогда стояли статуи из затверзших слез, растаявшие после падения крепости. В голове шумело от вина, которое он пил целыми кубинами, движения были неуверенными. С трудом взобравшись на ноги, он почувствовал запах выгоревших пепелищ и пота тысяч спящих людей.

Крики, доносящиеся до него, были вызваны болью или страхом. Голгоф подбежал к ближайшей двери и выглянул в коридор за ней. За углом заплесали тени, и он увидел воина, который выбежал оттуда с горящим факелом в руке. Человек был залепан кровью, глаза у него были дикие. Он был из какого-то горного племени.

которое Голгоф не мог распознать. Варвар
увидел Голгофа и закричал было
предупреждение, которое так и не
покинуло его горло.

Огромные силуэты появились за
углом и зарубили человека сзади. Его
талия разделилась пополам, хлынул поток
крови, ноги и нижняя часть туловища
упали под когтистые лапы, а остальная
часть взлетела в воздух от яростной
мощи удара. Факел упал на землю и
затигал. Утирающие языки пламени
отразились в поблескивающих
асимметричных глазах. Демоны.

Голгоф потянулся за спину, безмолвно
молясь, чтобы топор все еще был на
месте. К счастью, он нашел его, но щипать
не было, а голова слишком отяжелела для
колдовства. Он положился на древнейший
из инстинктов — сражаться, и думать
только потом, когда враг будет мертв.

Первый демон бросился на Голгофа и
совсем неслучайно промахнулся, когда тот
отступил назад, в галерею слез.
Мраморная дверь треснула, когда демон
врезался в нее. Голгоф опустил топор и

рубил устрашающих размеров кусок
плоти со спины существа. Брызги жаркой
демонической крови запачкали его кожу.
Голгоф не обратил внимания на
обжигающую боль, потому что второй
демон полез через своего товарища, чтобы
добраться до него.

Барвар яростно рубил по мечущимся
когтистым лапам, надеясь, что защитит
себя, искалечив врагу руки. Но он знал
достаточно, чтобы догадываться, что
демоны не чувствуют боль так, как
смертные, и что даже утрата
конечностей вряд ли сломит упорство
такого противника.

Первый демон уже поднялся на ноги и
мчался к нему, странно изгибаясь из-за
сломанного позвоночника. Он зашел за
спину Голгофу и бешено взмахнул когтями.
— Голгоф пригнулся и с удовлетворением
услышал мокрый хруст, когда один демон
принял на себя всю силу удара второго. Он
рубанул по ноге первого противника,
отделив от бедра мясистый кусок, и
побежал.

Сейчас он просто не мог сражаться с

подобными созданиями. В любой момент могла появиться еще дюжина.

Наверное, это были отступники, которые нарушили приказы Ш'Карра и пошли питаться по собственной прихоти. Даже князь демонов должен был признавать святость этой победы, когда человек и демон объединили силы, чтобы свергнуть прогнившую власть разврата.

Голгоф все еще твердил это себе, когда наткнулся на балкон, торчащий сбоку крепости. Здесь когда-то выращивали пышную флору, но теперь растения увяли и умерли. Голгоф видел отсюда город, простирающийся внизу и окружающий крепость, и стены, где столько людей погибло, бросаясь на ряды Насильников.

Демоны пировали на кучах трупов. Люди сбились в испуганные толпы, окруженные демонами, которые по очереди кидались на них и утаскивали добычу, чтобы пожрать ее. Кровь текла среди укреплений, как вода, и демоны слизывали ее с камней или пили, как вино, в тех местах, где она скапливалась. Стоял

чуждовищный шум — бессвязное бормотание демонов, утоляющих жажду, вопли утирающих и отважные вызывающие кличи воинов, еще стоящих на ногах.

Те же звуки доносились с нижних уровней крепости, и те же сцены повторялись на далеких башнях и мостах, где воины-победители праздновали свой триумф и заснули потом.

Это было ужасающе — Голгоф слышал, как одновременно утирают тысячи людей.

Громадный силуэт Селла Ш'Карра взобрался по одной из стен, окружающих крепость. Металлический череп был запятнан кровью и кусками плоти. Демоны собрались вокруг него и восторженно завизжали, когда он схватил полную горсть тел и втиснул их в тесноту бронзовых жвал.

Голгоф был ошеломлен масштабом предательства. Ш'Карр использовал его воинов, чтобы победить ненавистную леди Харибдию, а потом низвел их до статуса обычной пищи. Ненависть, нахлынувшая на Голгофа, грозила уничтожить его, как это

едва не случилось, когда он узнал об измене
Трика.

Понадобились могучие усилия, чтобы
подавить гнев. Контроль взяла на себя
рассудительная часть разума, которая
почти не давала о себе знать до обучения у
Крона. «Время для ненависти настанет
позже, — сказала она. — Пока что ты
должен выжить».

Голгоф развернулся и снова побежал,
слыша позади неотступное царапанье
когтей демонов-преследователей. Из
крепости должен быть какой-то выход,
канализация или туннель для сброса
отходов, или, может быть, можно
сбежать даже через главные ворота, пока
демоны слишком заняты пиршеством,
чтобы обратить на него внимания. Ямы
под городом достаточно велики, чтобы
спрятаться. Он ясно знал, куда пойдет,
когда выберется из города.

Стрельчатый Ник. Зал Старейшин.

Прошло несколько дней с тех пор, как
«Мультус Сангвис» подобрал Несущих
Слово с поверхности Торвенгуса. Древний

корабль выжимал всю скорость, поднимаясь на орбиту, но определить точное положение «Песни Резни» оказалось нелегко, и она была дальше, чем предполагали показания сенсоров. Странные помехи сделали навигацию практически невозможной. Самым точным указанием на местоположение «Песни Резни» был визуальный ориентир, ее белое свечение, и, ко всеобщему разочарованию, понадобился не один день, чтобы достичь ее. Как будто корабль знал, что они идут, и пытался спрятаться. Но постепенно «Мультус» приближался, и Несущие Слово достигли своей цели.

Зеленый индикатор на ауспикс-сканере показывал, что воздух внутри «Песни Резни» пригоден для дыхания. Капитан Амакир снял шлем и ощутил запах этого места — механический, металлический, чистый и старый. Очень, очень старый.

«Песнь Резни» была древней, но иначе, чем «Мультус». Она была светлой и чистой, под светополосами сверкали полированные хромированные поверхности.

каждая изогнутая стена выглядела
гладкой и незапятнанной. Пол из
блестящей серебряной решетки, стены из
зеркального металла. Все костические
корабли, на борт которых когда-либо
ступала нога Атакира, были сто раз
перестроены, имели внушительную,
массивную архитектуру, и их покрывала
пatina и копоть. «Песнь Резни» же была
настолько стара, что выглядела новой.

Атакир махнул ковену, чтобы они
двигались вперед. Краткий жест сказал
им, что они должны выстроиться в
поисковом порядке — Феоркан во главе,
Макело сразу за ним, следом Атакир,
Пракордиан, Фазгос и Врокс со Скарланом
как замыкающие. Феоркан легко побежал
вперед, не снимая шлем, чтобы сохранять
преимущества авточувств.

Абордажный челнок с «Мультус
Сангвис» доставил их в пространстве
между внутренним и внешним корпусом
«Песни Резни». Этот промежуток был
полон технических туннелей и проходов,
которые вели к сенсорным антеннам на
обшивке и оружейным платформам, и

отсюда можно было обратиться до любой точки корабля, если сохранять чувство направления.

Алакир хорошо понимал, что на корабле может быть что угодно. Как долго он находился здесь, на орбите демонического мира? Песнь Резни светиланаг Торвендисом столько, сколько помнили легенды, так давно, что мудрецы планеты включили ее в свои невероятно сложные гадания по звездам. И откуда она взялась? Как вообще она прибыла на Торвендис?

--- Капитан, на ауснике пусто, --- донесся из voxа голос Феоркана. --- В этой области нет ничего живого. Куда мы идем?

--- Нет смысла прочесывать это место. На корабле есть спасительные капсулы и челноки, Карнүлон может использовать их, чтобы сбежать. Мы должны найти его как можно быстрее, и это наш главный приоритет. Движется к мосту.

Феоркан согласился, и ковен быстро двинулся по корнүсу. Коридоры и двери имели округлую форму, всюду в них висели

пустые экраны показаний, и все было одинаково освещено яркими светополосами, тянувшимися по потолкам. Улучшенный слух Атакира улавливал тихое, ровное и гладкое урчание механизмов, скрытых в глубине корабля.

Капитан слышал рассказы о том, что до начала истории, до того, как проклятый Империя Человечка засеял звезды слабостью и невежеством, до ужасной Эры Раздора, из которой возник Империя, было время, когда технология правила человечеством. Многие секреты Темной Эры Технологий были утрачены, и остались лишь жалкие крохи информации. Возможно, этот корабль — реликвия темной эпохи? Может ли он быть настолько стар?

Конечно, это невозможно. Рано или поздно Мальстрим поглощал все. Ничто не могло просуществовать в нем настолько долго. Но идея была соблазнительна — подумать только о силе, которую получит Атакир, захватив его, и о том, как будут уважать его за это. Несущие Слово.

«Действительно, привлекательная мысль», -- заключил он, проходя по коридору мимо огромной прозрачной стены, за которой виднелась огромная оружейная система, размером больше, чем любой костический корабль. Но у ковена было задание. Первым делом -- Карнунон.

-- Вот он, его план, -- воксировал идущий спереди Макело, -- так ведь? Этот корабль. Карнунон, видно, нашел его и понял, насколько это мощное оружие. Теперь ему надо только включить его.

Амакир видел впереди алый силуэт Макело, крадущегося мимо переборок и механизмов.

-- Возможно. Мы узнаем наверняка, когда он умрет, -- Амакир переключился на частоту Феоркана. -- Нашел направление на мостик?

-- Аусник-сканер показывает, что энергетические потоки исходят из одной центральной точки, -- донесся ответ. -- Где-то в сердце корабля. Много помех, но видно, что центр у них один. Энергии здесь много.

-- Войдем в следующий же проход,

который найдет, — сказал Амакир.

Освещение слегка затмгло, урчание энергетического центра корабля стало немого выше. По полу распространилась легкая вибрация.

После бесчисленных лет сна «Песнь Резни» начала пробуждаться.

Голгоф не заметил, что холодный жесткий свет звезды над ним стал ярче. Все ночное небо как будто жестоко скалилось на него, туманности плевались звездами, а облака звездного газа уносились черными дырами, словно отворачивая от него лица. Ломаная линия гор Канис, окутанная нилбом звездного света, казалась ухмыляющейся пастью, готовой проглотить его.

Голгоф прополз по пологому склону и соскользнул в каменную расщелину, где легяной ветер, несущийся с равнин, не мог его достать. Предгорья казались как никогда холодными и суровыми, бесплодными и безжизненными, как будто все места, куда ступал Голгоф, были обречены на прикосновение смерти. Он лег

на землю, чувствуя, как ноет усталое тело, и попытался заснуть, но сознание, все еще заполненное ужасами, которые он узрел, продолжало бодрствовать.

Это был кошмар. Крепость кишела жаждущими демонами, которых не могли удержать немногочисленные отряды воинов, не заснувших и достаточно трезвых, чтобы обороняться. Голгоф смог обратиться на подземные уровни, прошел через целые акры, заполненные камерами, бойни, где пленников вскрывали и перерабатывали, и ямы для отходов, где тухлая кровавая жижа скрыла его запах от демонов Ш'Карра. Он слепо извивался, плывя по грязи, иногда нырял в глубину и не знал, сможет ли всплыть за воздухом, и порой яростно сражался с ползучими когтистыми тварями, которые лязгали зубами у его ног.

Карьеры под городом оказались еще хуже. Сверху падал дождь из частей тел. Там бродили слепые стаи выживших рабов, скорее хищников, чем бандитов, и Голгофу снова пришлось сражаться за свою жизнь. Он пытался забыть, как ел тех, кого убил.

и даже тех, кого нашел, чтобы сохранить
силу, ибо часы превращались в дни. Но он
не мог забыть ничего.

Он переплыл реку крови. Он
вскарабкался на гору трупов. Насекомые-
пагальщики отложили яйца в его лагонях
и ступнях, и прожорливые личинки проели
ходы наружу, оставив после себя открытые
кровоточающие раны. В его слезах
корчились белые черви, какие-то твари
змеились под ногтями. Некоторые из них
еще оставались там.

Он с трудом помнил, что делал после
того, как вылез из шахт по склону из
трупов. Наверное, большую часть пути он
пробежал, зная лишь то, что он должен
идти на восток, к горам и Стрельчатому
Никю. Теперь горы были в пределах
видимости. Голгоф осознал, что понятия
не имеет, что будет делать, когда
доберется до них. Может быть, в Зале
Старейшин его встретит Крон? Где
вообще этот зал? Голгоф о нем никогда не
слышал, хотя стоило признать, что все
известное о Стрельчатом Нике было лишь
обрывками легенд из дней до его падения.

Но сообщение Крона гало Голгофу его единственную цель. Это было все, что у него осталось — его армия погибла, плетя было вырезано, честь предана врагом, с которым он не мог сойтись лицом к лицу. Только истощение не давало гневу вскипеть и снова полностью завладеть им.

Почему? Почему боги не могли лишь однажды даровать ему свою благосклонность? Почему за каждым его триумфом следовали отчаяние и измена? Не успел он вообразить, что добился великой победы, лучший союзник истребил его воинов во сне. Голгоф никогда еще не доходил до столь низкой точки, даже когда он обнаружил, как Трикс эксплуатировал Изумрудный Меч, или тогда, под восточными стенами, когда его атака расшиблась о непреодолимую оборону.

Если бы Голгоф мог взять весь этот мир и раздавить его, то так бы он и сделал, если бы это означало возмездие. Если бы он мог сойтись в бою со Ш'Карром сейчас, будучи сломленным и усталым, то сделал бы это, чтобы умереть во имя

месту. Но он ничего не мог сделать. На Торвендусе для него не осталось ничего.

Под светом звезд проскользнула тень. Кто-то шел позади него через гребень. Голгоф повернулся, но слишком поздно --- слышит, очерченный плачущим небом, уже приблизился и стоял прямо за ним.

--- Голгоф, --- сказал он знакомым хладнокровным голосом. --- Я знал, что если кто-то из нас и смог выжить, то это должен быть ты.

--- Тарн, --- ответил Голгоф. --- Я думал, что я остался один.

Тарн перескочил через гребень и приземлился рядом с Голгофом. Тонкие пальцы убийцы были окровавлены и покрыты струпами. На ладонях виднелись следы укусов --- видно, он голыми руками пробивался из города. Лицо было бледное и искаженное, но глаза, окруженные красной каймой бессонницы, были широко открыты и внимательны.

--- Тебе не хватает веры, Голгоф. Нужно большее, чтобы убить меня.

--- Есть другие выжившие?

--- Может быть. Я их не видел. Если и

есть, то они пошли не этой дорогой. Ты единственный, кого я смог выследить на востоке. И это вызывает у меня вопрос, почему ты направился именно туда. Это же очевидно, что Ш'Карр направится сюда охотиться за выжившими.

— Крон передал мне сообщение. Я думаю, он встретится со мной в Стрельчатом Пике, если я смогу до него добраться.

— Хотя это и неправильно, думаю говорить о своем вожде, — сказал Тарн, — я готов поспорить, что тебе надо передохнуть, прежде чем продолжать путешествие. Я найду нам еды и воды. А вы спите.

С этими словами Тарн исчез в темноте. И Голгоф, зная, что еще остался по крайней мере один человек, готовый убивать ради него, постепенно заснул.

На одном экране солнца, поднимающиеся над горами Канис, окутывали зубчатые пики золотой дымкой и окрашивали долины в молочно-серый цвет. На другом виднелись океаны, все еще

окруженные тьмой, и звездный свет играл на поверхности воды, взбалтываемой морскими чудовищами, которые поднимались из глубин, чтобы кормиться мелкими существами верхних слоев. Можно было увидеть дюжину различных сцен, заснятых сенсорными системами «Песни Резни» и транслируемых на плоские экраны, которые парили в центре мостика.

Крон наблюдал, как разгорается новый день и утирает старый. Он смотрел на город и мельком видел демонов, дико носящихся по улицам, заваленным трупами. Он созерцал бродячие толпы беженцев, мирных жителей, на которых напали сбежавшие рабы и воины, спасающиеся от демонов Ш'Карра. Сам Торвендис выглядел ленивым и насытившимся кровью. Но Крон знал, что демонический мир скоро снова будет жаждать. Одной битвы всегда недостаточно.

Мостик «Песни Резни» представлял собой сияющую бронированную сферу в несколько сотен метров в поперечнике, где

парили круглые платформы, ярко
светящиеся изнутри. Все приборы
выглядели как призрачные световые линии
в воздухе, создаваемые скрытыми
голопроекторами, и сканеры передавали
информацию на широкие плоские экраны,
которые висели повсюду и следовали по
приказу.

«Песнь Резни» выглядела так, как
будто состояла из серебра и света. По
сравнению с урогством Мальстрима, где
было лишь безумие и кровопролитие, это
был совершенно другой мир.

Крон стоял на центральной
платформе и наблюдал за горами Канис и
гвүтя крохотными фигурками, которые
шли по верхним предгорьям к ломаным
долинам среди гор. «Скоро, --- сказал он
себе. --- Скоро».

Один из экранов издал гудок.
Изображение на нем было подернуто
статикой, и Крон по опыту знал, что это
означает. Внутренние сканеры должны
быть замутнены психической силой или
колдовством. Экран был настроен на один
из сканеров в технических переходах и

фиксировал движение — размытые
силуэты, похожие на людей, но гораздо
крупнее, которые осторожно крались к
мостик-сфере.

Военное отделение. Он уловил
тусклый намек на алый цвет — значит,
это Несущие Слово. Следовало ожидать,
что им удастся проследовать сюда за ним.
Жаль, что этому прекрасному кораблю
придется узреть насилие, прежде чем все
завершится. Но если так суждено, то Крон
додоведет дело до конца.

Крон взмахнул рукой, и дюжина
экранов собралась вокруг него,
демонстрируя подходы к мостик. Их было
много — каждый корабельный коридор в
итоге приводил сюда. Постепенно по ним
распространялись потехи, означая, что
Несущие Слово, по всей вероятности,
привели колдуну. Походило на то, что
Несущие Слово представляли собой ковен,
состоящий из специалистов, способных
справиться с любой ситуацией. У них
должен быть командир, один-другой
разведчик, кто-нибудь с тяжелым
оружием. Хорошо натренированные и более

целестрепленные, чем любые другие войска в Мальстриме, они должны быть твердо намерены исполнить свою миссию. Крон хорошо понимал, что эта миссия, скорее всего, включает в себя его убийство.

--- Готов? --- тихо спросил Крон.

Огни «Песни Резни» затигали в ответ.

--- Хорошо. Открой арсенал и готовься.

--- Стойте, --- приказал Амакир. --- Вперед пойдут тяжелые орудия.

Феоркан послал по воксу подтверждение, и они вместе с Макело и Фаздосом встали по бокам закрытого круглого портала впереди, поджигая остальных. Амакир и Пракордиан двигались следом за неуклюже шагающим Броксом, стараясь издавать как можно меньше шума. Крупнокалиберные пушки выросли из предплечий, рта и глаз облитератора, и под его кожей начали извиваться тяжелые ленты боеприпасов, похожие на толстые темные вены.

Он стоял перед дверью на мостик.

широко расставив бронированные ноги для лучшей устойчивости. По жесту Амакира Макело и Феоркан сняли с ремней на поясах фугасные крак-гранаты и прикрепili тусклые металлические диски по краям двери. Фаздос достал взрывозакладки цилиндрические мelta-бомбы и присоединил их магнитами к двери, чтобы ультравысокая температура взрывов заставила сработать крак-гранаты.

Амакир начал безмолвно отсчитывать секунды на пальцах. Три. Два. Один.

Гранаты одновременно сработали, превратив дверь в вихрь металлических осколков. Брокс тут же открыл огонь, каждая пушка извергала тяжелые снаряды, выбрасывая фонтаны докрасна раскаленных гильз. Воздух прорезали потоки пуль, яркие горящие точки встретились в хорошо освещенную сферическую комнату перед ним, и воцарился по-настоящему чудовищный шум.

Брокс шагнул в помещение. Видно было, как напрягаются мышцы под

пластинами его брони, пока он с трудом
шел вперед, борясь с отдачей пушек.
Фаздос, пригнувшись под потоками огня,
боком вошел в комнату, опустив ценной
меч и держа перед собой болтистоле,
готовый стрелять во все, что еще
шевелилось. Феоркан последовал за ним,
Макело сжался в дверном проеме, поводя в
стороны своим снайперским болтером.
Последним в комнату ворвался Амакир.

Помещение было залито светом. Его
испускали круглые платформы, которые
плавали в воздухе, как листья на воде и
выглядели полностью состоящими из
света, который снова и снова отражался
от полированных стен сферической
комнаты. Усиленные чувства Амакира
немедленно выявили единственного
потенциального врага: высоко наверху, на
центральной платформе, стоял человек.

Отсюда он выглядел практически
безобидным, ибо был стар, худ, борогат и с
всклокоченными волосами. Одет он был в
многослойное, просторное пыльно-бурое
одеяние, чистое, но поношенное. И все же
выражение его лица было очень и очень

знакомо Атакиру — он выглядел как человек, который, как и сам капитан, прожил так долго и видел так много, что его уже с трудом можно было назвать человеком.

Карнунон сбросил с себя доспехи, и чародей его могущества способен был принять любую форму, какую только хотел. Это не впечатляющее обличье было как раз таким телом, которое он должен был носить, чтобы действовать на Торвендусе незамеченным. К платформе уже летели яркие вспышки болтов Макелоса и Фазгоса, Атакир добавил к ним и свой болтер. Старик сделал жест, и платформа устремилась вверх и вбок. Фазгос вскочил на ближайшую платформу, намереваясь подняться и встретиться с врагом лицом к лицу.

Старик был не вооружен. Атакир переключился на вокс-канал отделения.

— Прекратить огонь! — закричал он. Трохот оружейного огня Врокса затих и сменился жестяным лязгом гильз, все еще падающих на пол.

— Я могу застрелить его, капитан, —

прошентал в вокс Макело.

--- Удержи свою руку, Несущий Слово, --- приказал Амакир. Потом он уже громко окликнул далекую фигуру.

--- Собрат по легиону заслуживает достойной казни! --- прокричал он. --- Не такой смерти животного. Мы пришли убить тебя, Карнунлон, но ты получишь выбор в том, как это произойдет.

Старик поднял руку, и одна из нижних платформ подплыла к ногам Амакира. Капитан ступил на нее и медленно вознесся вверх.

Темнота начала поглощать свет. Одна за другой серебряные стены чернели, и Амакир понял, что они проецируют изображение Мальстрима всюду вокруг. Как будто корабль целиком стал прозрачным или исчез и оставил людей на просторном пространстве подвешенными в космосе.

--- Мы знаем, что ты покинул легион, Карнунлон, --- продолжал Амакир. --- Мы знаем, что ты забрал свой корабль и убежал из-под власти Лоргара и командующих Несущими Слово. Ты проигнорировал все переданные тебе

приказы. Ты скрылся от кораблей преследователей и вынудил нас проследовать за тобой на Торвендис. Мы не знаем одного -- почему. Если ты расскажешь, что тебе нужно на Торвендисе, то смерть твоя не будет ни безболезненной, ни быстрой, но на этом все закончится. Но если не ответишь, то мы будем вынуждены исторгнуть из твоей души, что сможешь, а потом передать то, что останется, самому благословенному Лоргару и архичародеям легиона.

Атакир поравнялся со стариком. Тот был явно не вооружен и стоял в усталой, изможденной позе. Он знал, что побежден, и что отпущенный ему срок теперь теряется секундами. Жалкий конец глупости человеческого десантника, который так долго служил пантеону Хаоса, но это было все, чего он заслуживал за козни против собственного легиона.

-- Я прожил десять тысячелетий, -- Атакир не останавливался, твердо намеренный сломить Карнулона, прежде чем покончить с ним. -- Я видел бесконечное множество ужасов, которые

могут постичь недостойных. Но даже я не
в силах представить невероятные муки,
которые они тебя подвергнут. Я только
видел двор Лоргара и слышал вопли тех,
кого он осудил, но мне не дано понять, как
они страдают. Но ты узнаешь это,
Карнүлон, если заставишь нас. Я могу
забрать твою голову, и Пракордиан
допросит твою душу, но и легион получит
свою долю. Ты можешь остановить это,
если захочешь. Расскажи нам о своих
планах против легиона, поведай, какая
сила заставила уйти тебя из под
командования Лоргара, и покончим с этим.
Ты будешь страдать, но боль закончится с
твоей смертью. Расскажи, и сможешь
утереть, по крайней мере, сохранив честь
и зная, что братья понимают твое
наказание. Выбирай, Карнүлон.

Человек выпрямился, и его лицо
посуровело. Стоя на фоне клубящегося
Мальстрима, очерченный бледным светом
звезд, он выглядел совсем не таким
хрупким, как секунду назад. Он посмотрел
прямо в глаза Атакиру. Прошло много,
много времени с тех пор, как кто-то

остеливался на это.

--- Карнүлон мертв, --- сказал старик. ---
- Меня зовут Арзүлеон Век.

Голгоф и Тарн вошли в тень Стрельчатого Пика, как раз когда садилось солнце. Путешествовали они в холоде и зачастую мучительно медленно, но ни разу не усомнились, правильно ли идут. Им надо было только следовать за гарпиями.

Они шли через небо широким потоком, массово мигрируя к городу, куда их, без сомнения, вели горы злобной падали. Густая темная лента крылатых тел вела Тарна и Голгофа через темные долины и мерзлые хребты туда, где поднимались горы Стрельчатого Пика, чьи бока были усеяны зияющими гверными проемами и заброшенными пещерными жилищами.

Тарн шагал впереди, периодически останавливаясь, чтобы Голгоф его догнал. Его вождь все еще был сильно изможден, и только неотступное намерение узнать, что оставил ему Крон, заставляло его

продолжать путь.

Тарн остановился у края очередного скального гребня, за которым шумела река. Голгоф вскарабкался следом и посмотрел вниз.

Это была река крови, и там, где камни поднимались над поверхностью, вздымалась розовая пена. Она текла по долине, выходя из пещеры с зубчатым устьем выше по течению, и несла с собой комки и обрывки плоти, которые сбивались у камней. От нее поднималось зловоние, и если бы Голгоф не пробыл так долго среди того же запаха, то его бы стошнило.

— Она, наверное, притекла сюда из города, — сказал Тарн, как будто разговаривая сам с собой. — Слишком много крови, чтобы впитаться в землю. Образовались подземные реки и растеклись по всему континенту. Наверное, пол-Торвендуса истекает кровью.

— Мы сможем перебраться через нее?

Тарн показал на место ниже по течению, где несколько больших валунов противостояли напору реки.

--- Вероятно. Я точно смогу.

Голзоф посмотрел вверх, на вершины Стрельчатого Пика, где, возможно, его уже ожидал Крон. На обход реки могут понадобиться дни.

--- Перейдем.

Двое мужчин пробрались по берегу к валунам, возле которых кровь текла бурным стремительным потоком. Тарн шел первым, прыгая с камня на камень с ловкостью, не притупленной недавними испытаниями. Голзоф пытался делать так же, но чувствовал себя тяжелым и неуклюжим, ибо усталость еще не покинула его тело после побега из города. Ему не нравилось, что Тарн, который подчинялся ему, когда существовал Узмрудный Меч, теперь вел его, как родитель ведет ребенка.

Голзоф добрался до дальнего берега, но, когда он перелезал через последний камень, руки соскользнули, и он скатился в мерзостную жидкость. Ноги подкосились на дне реки, и он упал лицом в кровь, так что густая ледяная жижа попала в рот и нос. Он с трудом поднялся на колени и

затряс головой, протирая от крови глаза и волосы.

Тарн стоял на берегу. Он посмотрел на него сверху вниз и ничего не сказал.

Голгоф побрел к берегу. Взяв камень, он заметил, что два белесых камня возле его руки на самом деле — не камни, а череп. Может, их принесло сюда из самого города?

Возможно. Наверное, Торвендис поглотил их и отрыгнул здесь.

Он подобрал один череп. Он не принадлежал человеку. Верхняя часть слегка сужалась, как и крупные глазницы. Нижняя челюсть была тонкая и заострялась к подбородку, сильно выделялись скулы. Лицо, видимо, было узкое, изящное, с большими зоркими глазами и маленьким тонким носом. Может, это был череп одного из тех странных существ, что топились в подземельях леги Харибди? Голгоф бросил его в реку и последовал за Тарном вверх по склону. Он забыл о черепе и теперь пытался вытряхнуть свернувшуюся кровь из ушей.

У края долины начали появляться первые крутые склоны, где среди помет гарний все еще лежали кучи тряпья. Между скалами скопились фрагменты скелетов, упавших сверху во время битвы за вершины. В склоне были вырублены грубые каменные ступени, ведущие к более широким улицам в горной высоте. Вскоре они пройдут под арками, которые обозначали власть различных племен, и мимо святилищ на обочинах, посвященных героям-варварам из тех времен, когда горные народы действительно правили своим собственным суровым миром.

В первый раз за великое множество веков люди племен вошли в Стрельчатый Пик.

В глубине корабля вспышка серебряного света вылетела из арсенала и устремилась прямо в руку Века. Несущий Слово впереди него только начал поднимать болтер, но сознание Века уже переключилось на холодный, расчетливый боевой режим. Человек, которого огни называли Кроном, а другие — Карнулоном,

теперь был намерен называть себя своим
первым и величайшим именем — Арзүлеон
Век.

Серебряный меч, посланный «Несней
Резни» по немоту приказу Века, источал
тепло и гудел в его пальцах. Как будто и
не было всех прошедших тысячелетий. Век
и «Неснь Резни», столь близкие друг другу,
что человеку стоило лишь подумать,
чтобы корабль ответил на его приказ,
вступили в еще одну битву, чтобы
победить. Клинок был тяжел и хорошо
знаком ему, и, дернув за пояс, он
разрубил оружие Несущего Слово пополам.

Он видел порченые искры их душ,
когда они вошли на мостик. Он знал, что
этот воин — Атакир, капитан, чья
преданность легиону провела его через весь
Мальстрим по пятам Века.

Пробуждение Ш'Карра ослабило его,
но теперь, на своей территории, Арзүлеон
Век чувствовал себя таким же сильным,
как всегда. Атакир уклонился назад и
предпочел упасть с платформы, чем
встретиться с клинком Века, выкованным
из сердца звезды и нестерпимо горячим

для всех, кроме своего владельца.

Снизу раздался оружейный огонь. Век отбил в сторону два десятка пуль облитератора, еще три поймал свободной рукой и с проклятьем бросил их на полостика. Молодой, самый опасный, хорошо прицелился и выстрелил ему в висок, но Век дернул головой в сторону, и приглушенный болт прошел мимо него.

Век сделал два шага и прыгнул, пролетев сквозь переплетение трасс от пуль и приземлившись прямо перед облитератором, который в упор палил в него из всех орудий. Звездный меч рассекал воздух, столкнулся с каждой пульей и разбросал во все стороны искрящиеся веера отраженного огня.

Грохотный	облитератор
отшатнулся,	когда несколько его
собственных	пуль вонзились в
биомеханическое тело. Плоть одной руки потекла, вытянулась и застыла в виде костяного клинка со скрежещущими зубами на лезвии. Век уклонился от первого удара, парировал второй и рассекал клинок навое. В тот миг покрытый	

шипати бич, оканчивающийся ртом, как у
тиноги, вылетел из второй руки
облитератора. Век схватился за бич,
натотал его на кулак и рванул.
Облитератор с силой врезался в стену
возле двери, его броня треснула и
разделилась, из-под нее потекла
оскверненная кровь. Век затеделлся,
уклоняясь от болтерного огня других
Несущих Слово, которые отступали в
коридор.

Облитератор попытался встать на
ноги, но Век был намного быстрее. Один
взмах меча отрубил ему руку. Другой
вскрыл чудовище от горла до живота, и на
пол вывалились полумеханические кишки.
Серебристые змеящиеся внутренности
заняли собой прозрачный пол, сквозь
который был виден бурлящий Мальстрим.

Век слишком хорошо знал, что нельзя
считать облитератора мертвым. Яркая
линия сверкнула в воздухе, и искаженная
бионическая голова покатила по полу.

Один убит. Самый медленный и
самый глупый. Теперь за остальными.

Стрельчатый Ник был хладен и пуст. Его внутреннюю часть вырезали поколения гордых горцев, чьи племена, кланы и семьи постоянно стремились превзойти друг друга во внушительности и масштабе своих творений. Ввысь взмывали сводчатые потолки. Вручную вырубленные пронасти соединяли амфитеатры с тронными залами. Искусственные гавани возвышались на берегах озер, скопившихся в сердце горы. По стенам стекали нечистоты гарний и покрывали землю под их гнездовьями, как одеяло, но ничто не могло принизить холодное величие этого города. Его архитектура была пронизана ощущением силы и чести. Это было гордое место, и гордость не погибла в племенах, которые построили его.

Зловоние грязи гарний било Голгофа в лицо, но он не обращал внимание. Просторный каменный туннель, куда они вошли, наполнился эхом от их шагов, и камень под ногами был гладко отполирован ногами поколений горцев, которые жили тут до падения города. По сей день там и сям лежали напоядания о

вторжении леги Харибгии — утыканные
стрелами скелеты, брошенные копья и
щиты, импровизированные баррикады,
которые были преодолены и разбиты.

На этот раз уже Голгоф вел Тарна
Оба они ничего не слышали о Зале
Старейшин и не знали, существует ли он
вообще, не говоря уже о том, где он
находится. Они шли целый час вглубь, к
первой горе Стрельчатого Ника, и путь
им освещали тусклые лучи молочно-белого
гневного света, который сочился вниз
сквозь каналы, пробитые для освещения и
вентиляции. Единственным звуком, не
считая их собственных шагов, был вой
ветра снаружи. Походило на то, что они
тут были единственными живыми
существом.

Они подошли к перекрестку, большому
круглому залу, где соединялась дюжина
путьей, а на полу были вырезаны стертые
от времени символы племен. Когда-то это
было место торговли и переговоров, и в
центре зала кругом стояли потемневшие
золотые троны, на которых раньше сидели
вожди с суровыми взглядами, обсуждая

дела Стрельчатого Ника. Теперь с
высокого потолка, подобно знаменам,
свисала густая паутина, и на высоких
тронах никто не сидел, кроме одинокого
скелета.

— Куда теперь? — спросил Тарн.

Голгоф не ответил. Откуда ему
знать? Намерение найти Крона и, быть
может, начать мстить Ш'Карру довело
его до этого места, но как он мог найти
то, о чем никогда не слышал, в городе, куда
нога человека не ступала уже сотни лет?
Он злился на себя. Здесь можно было легко
погибнуть. Все, что он прошел,
закончится здесь, в гробнице
Стрельчатого Ника или в слепом
блуждании среди гор.

Он пнул стену. Вырвал топор из-за
спиной и швырнул через зал. Тарн наблюдал
за ним с непроницаемым выражением
лица.

Какое-то движение привлекло его
взгляд, что-то маленькое и быстро
двигающееся. Голгоф понадеялся, что это
крыса, чтобы он мог растоптать ее и
частично выпустить гнев. Или, еще

лучше, гарпия, чтобы он схватил ее за
крылья и оторвал их. Но это было ни то,
ни другое. Это была птичка, крошечная, но
стремительная, со сверкающими и
переливающимися зелеными перьями. Та
же птица, которую Голгоф видел в
крепости, та, что принесла послание
Крона.

Блестящая птица порхнула через зал
в один из боковых туннелей. Голгоф
устремителся за ней, в темноту, и Тарн
толча последовал за ним, перейдя на бег.

Туннель вел вниз. Голгофу
периодически казалось, что он отстал от
птицы, но всякий раз он снова слышал
хлопанье крыльев и видел вспышку зелени в
слабом свете. Теперь свет исходил от
стен и пола — тусклое свечение,
испускаемое неким странным
флуоресцирующим веществом, которое
липло к камню бело-голубыми пятнами.
Туннель вился все глубже, и Голгоф решил,
что он описывал спираль, которая
штопором вкручивалась в недра горы.

В конце концов он вышел в огромную
подземную полость, воздух в которой был

спертый и жаркий. Сверху свисали похожие на клыки сталактиты, с которых капала вода, собиравшаяся в ручейки и утекала в невидимый водоем далеко внизу. Стены и потолок были слишком далеки, чтобы их увидеть, как будто под горой находился целый мир со своим небом. Эхо от шагов Голгофа, казалось, доносилось до него через целый век.

Пол переходил в мост, который изгибался вниз через всю пещеру к громадной неправильной сфере, похожей на каменное сердце, повешенное в сердце пустоты. Мост вел к арке, вырезанной из скального катня, за которой простиралась темнота.

Маленькая сверкающая зеленая точка мелькнула сквозь арку. Голгоф последовал за ней, осторожно ступая по мокроту катню, чтобы не упасть, а мост тем временем становился все уже и уже. В воздухе слышался очень тихий стук, как будто они прошли так глубоко вниз, что смогли услышать бьющееся сердце Торвендуса.

— Ты знаешь это место? — спросил Голгоф.

— Нет. И племена, которые жили

здесь, тоже не знали, — ответил Тарн. —
Иначе они защищали бы это место от
леди Харибди.

— Если только они не предпочли
сражаться с ней наверху, чем оказаться
запертыми здесь, внизу.

Перед ними нарастало каменное
сердце. Приблизившись к порогу, Голгоф
смог различить лишь слабое фосфорное
свечение впереди.

Он с осторожностью ступил в арку,
зная, что Тарн держится рядом, позади.
Внутри, у самого входа, птичка
нетерпеливо прыгала по полу, все время
оглядываясь крошечными темными
глазами. Голгоф наклонился, чтобы
посмотреть, нет ли у нее другого письма,
но та взлетела, протелькнула через всю
просторную пещеру и исчезла из виду.

Голгоф выпрямился, набрал в грудь
воздуха и вошел в Зал Старейшин.

На потолке густо рос светящийся
лишайник, заливая все помещение
призрачно-бледным серо-голубым светом.
Это был круглый зал величиной с самым
просторный пиршественный чертог, и в

центре его возвышалась огромная четырехугольная плита, похожая на саркофаг великанского размера. Бледный свет как будто сгущался вокруг него. Постепенно из свечения выросли человеческие силуэты, целая толпа, стоящая в нескольких футах вокруг саркофага. Появилось больше деталей, и вскоре Голгоф смотрел на лица и одежды светящихся призраков мужчин и женщин. Они повернулись, глядя на вошедшего. Это были высокие, широкоплечие люди в тех же мехах и кожах, которые носили горные народы с самой зари существования гор Канис. Угадать их возраст было невозможно, ибо кожа у них была гладкая, но глаза — изможденные, абсолютно черные и лишенные зрачков.

— Еще один, — сказал один из мужчин.

— Не говори так, будто устал, — ответил другой голос, женский. — Сколько времени прошло с тех пор, как приходил последний?

— Все будет точно так же, — сказал еще кто-то, и Голгоф понял, что каждую фразу говорили разные голоса. — Они

всегда одинаковые. Почему бы не спросить
его? Видишь, его лицо побледнело.

Призрак мужчины подошел к Голгофу.
Он был совершенно прозрачен.

--- Ты. Знаешь ли ты, что это за
место?

--- Зал Старейшин.

Мужчина выглядел молодым и
сильным, с волосами до плеч и луком за
спиной. Может, это был погибший воин
Узуррудного Меча, юноша, убитый в
каком-то древнем сражении?

Призрак улыбнулся.

--- А достоин ли ты здесь находиться?
Если нет, Торвендис проглотит и
выплюнет тебя в виде камня или дерева.
Ни разу еще не случалось иначе. Когда был
основан этот мир, нас поместили здесь,
чтобы мы несли стражу. Мы --- первые из
Узуррудного Меча, и наша цель --- сделать
так, чтобы лишь тот, чья душа --- чистая
ненависть, мог увидеть это место и
выжить.

Голгоф ухмыльнулся.

--- Ненависть? Я ничего не знаю об
этом месте. Но о ненависти я знаю все.

Если бы я мог разгадать этот мир, я бы сделал это, только чтобы дать выход своей ненависти. Если бы я мог осушить Мальстрим, то сделал бы и это. Я бы сразился с богаты Хаоса, если бы это дало ей отдушину.

Призрачный мужчина повернулся к толпе привидений, наблюдающих за ним.

--- Умек?

К Голгофу подошла женщина. Это была воительница, каких возвращал Узлмрудный Меч, прежде чем ослабеть. Волосы были коротко подрублены, и, несмотря на то, что ее меч состоял из того же клубящегося тумана, что и она сама, Голгоф видел, что он зазубрен и выщерблен от использования. Женщина положила ладонь на грудь Голгофа. Прикосновение было холодным.

Затем оно стало болезненным. Он почувствовал, будто его погрузили в лед, и чистый мучительный холод пронизал его до самых костей. Вдруг зал исчез, и он оказался высоко в небе и полетел над горами Канис. Поле зрения исказилось и показало ему долину далеко внизу, где

бүшевало жестокое сражение, и полдюжины племен сошлось в кровавой схватке. Громадный воин размахивал алебардой и с каждым ударом снимал голову. Голгоф увидел алую, грубую ненависть в душе этого человека, который отказался от человечности и посвятил свою жизнь резне.

«Нет», — сказал голос где-то в голове Голгофа. — «У этого ненависть куда глубже, чем у него».

Сцена изменилась. Хватка холода снова соткнулась на нем и потащила через небеса Торвендуса, пока в поле зрения не затерцали пронизанные болезнями южные острова. Зрение Голгофа устремилось вниз, и он увидел темную хижину из искаженного тропического дерева. Там была женщина, и она закатала тело мертвого мужчины под единственную кровать в доме. Каким-то образом Голгоф понял, что эта женщина уже убила многих в отместку за какое-то зло, причиненное ей, и убьет гораздо, гораздо больше в бесплодных попытках заглушить вой ярости в своей голове. Ненависть

поглотила ее душу целиком и управляла каждым ее поступком.

«Нет. Не достаточно», — сказал далекий голос. — «У этого ненависть воистину глубока».

Еще одна перемена. Легендарные Багровые Рыцари в красных мантиях с капюшонами, закрывающими лица, стояли в кругу и рассуждали, как сотворить еще больше злодеяний, прежде чем народ Торвенгуса соберется с духом, чтобы восстать против них.

Нечто огромное и разумное, живущее в море, построило великий черный риф, сокрушающий проходящие мимо корабли, чтобы оно могло затягивать их экипажи вниз и чувствовать, как жизнь утекает из них в глубины мира. Оно сделало это, потому что хотело, чтоб мир страдал.

Могущественный волшебник вознамерился направить чудовищной силы в океан, и тот закипел. Его гнев был столь велик, что лишь искоренение жизни могло его утолить.

«Нет», — донесся голос. — «У него больше ненависти, чем у любого из них».

Она глубже и смертоноснее. Она привела бы его к еще более ужасным деяниям, чем те, что свершили они, если бы только у него была власть».

С'лл Ш'Карр из отдаленного прошлого Торвендуса, когда он впервые воцарился над ним, сидел на троне из костей, свалив у ног кучи из тысяч тел, пил кровь измученного мира и чувствовал, как ненависть Кровавого Бога пульсирует в его жилах.

Холод был ужасен. Он как будто пронизал все тело Голгофа и заморозил саму душу. Полностью обнажив его, они открыли его разум для изучения. С него сорвали все, что можно: воспоминания, слои личности, даже чародейство Крона, которое позволило ему пережить столько много испытаний.

Осталась лишь одна его часть. То, что билось в его сердце и сохраняло жизнь, когда все вокруг говорило, что он должен умереть.

Его ненависть.

Холод отпустил его. Он снова был самим собой и лежал, хватая ртом воздух.

на полу зала, а призрачные фигуры старейшин Узутрудного Меча возвышались вокруг него. Воительница, стоявшая рядом на коленях, убрала холодную руку с его груди.

Ее черные глаза расширились от отвращения.

--- Это... отвлечение... насилие... предательство... это чистейшая ненависть. Она глубже, чем у любого другого живого существа на Торвендисе. Ты потерял все. Твоя ненависть чиста и рождена из предательства. Арзүлеон Век сказал нам, что подобный тебе однажды придет в Зал Старейшин. Прошло так много времени, что мы и не ждали тебя...

--- Это он? --- спросил мужчина.

--- И никто иной.

Вдруг фигуры начали таять и превратились в клубы дыма, который поднялся к потолку и исчез. Голгоф остался один. Если, конечно, призраки вообще здесь были. Дыхание стало хриплым и прерывистым, а от воспоминаний об ужасном холоде и чудовищных деяниях, которые показали

ему старейшины, кружилась голова и
угрожало тело.

И этот зал действительно был здесь
с самого рождения племени Узутрудного
Меча? А Голгоф — первый, кто пережил
испытание? Он подумал, что, возможно,
сможет найти здесь то, что позволит
отомстить и начать восстанавливать
племя. Это странное чувство в сердце
было надеждой, но надеждой ожесточенной,
искаженной ненавистью и гневом. Он
заставит Ш'Карра истечь кровью. Он
завладеет Торвендисом, неважно, чем
придется пожертвовать. И тень от
отометов Узутрудного Меча ляжет на весь
мир.

Огромный саркофаг затрясся, и его
крышка со скрежетом отъехала в сторону.
Голгоф поднялся на ноги, взгляделся внутрь
и увидел что-то зеленое, сверкающего.

Это был глиняный, тонкий клинок с
рукоятью на две руки. Он полностью
состоял из кристалла живого зеленого
цвета, блистающего в молочно-белом
освещении.

То самое оружие, которое когда-то

держал в руках Арзүлеон Века. О нем
слагали легенды, которые Голгоф еще
ребенком слышал у костров племени,
вспоминающего о прошедших днях воинской
славы. Это — Узүтрүдный Меч.

Он был нереален. Его не могло
существовать. Узүтрүдный Меч — легенда,
ушедшая вместе с эпохой Арзүлеона Века
и Последнего. Но он был здесь, прямо перед
ним, и в тот миг Голгоф был абсолютно
уверен, что это — действительно тот
самый меч. Его соображенное и униженное
племя было основано, чтобы охранять меч
по приказу самого Века. Голгоф был
последним в своем племени, и поэтому ему
было суждено поднять оружие и свершить
возмездие над теми, кто пошел против
слов Века и уничтожил племя. Голгоф
потянулся вглубь саркофага. Внутри
пахло пылью веков, и воздух был так сух,
что, казалось, высасывал влагу из кожи.
Его рука соприкоснулась на холодной
кристаллической рукояти меча, и он
почувствовал покалывание в пальцах.

Он был легок и настолько идеально
сбалансирован, что как будто хотел,

чтобы ил взмахнули. Голгоф провёл переливающимся клинком по воздуху, наблюдая за сверкающим зеленым следом, который он оставлял за собой, как падающая звезда.

Скальная порога под ногами загрожала. Тусклый свет затерцал, как утирающий костер. Внезапно стены зала начали двигаться вовнутрь и снова расходиться, словно живые, и издавать глубокий, хриплый, низкий звук.

Голгоф побежал к выходу и выскочил на мост, где Тарн уже пятился назад, готовый к побегу. Убийца бросил взгляд на меч в руке Голгофа, потом на огромный округлый валун, повернулся и бросился к другой стороне пещеры.

Голгоф оглянулся, прежде чем последовать его примеру.

Каменное сердце Торвендуса начало биться.

Фаэдос сопротивлялся успешнее, чем Врокс. Он был быстр и обучен тысяче различных приемов за те годы, что служил в рядах Несущих Слово. В

бесконечных галереях генераторов
неоплазмы, где гигантские
цилиндрические турбины висели в
паутине подвесных мостков, Фаздос
повернул назад и встретился с Аргүлеоном
Векот лицом к лицу.

Это было храбро, настолько,
насколько можно было назвать храбрым
все, что делали Несущие Слово. Этот
поступок демонстрировал его преданность
легиону, а она была для них типична.
Аргүлеон Век уже давно преисполнился к
таким, как они, большим отвращением,
чем к кому-либо еще. Немыслящие
проповедники, которые прикрывали
собственное своекорыстие и коварство
ширмой фальшивой религии. С их кафедр
провозглашалась ненависть, как будто это
нечто священное, и они истребляли все,
что стояло на пути, просто чтобы
доказать, что они выше тех несчастных,
которых растаптывают в прах. Вот что
мог сделать Хаос — сгноить то, что есть
человеческого в человеке, и жестоко
заставить его верить в то, что он все еще
чего-то достоин.

Фазгос, прижавшийся спиной к перилам за углом, прыгнул на приблизившегося Века в надежде взять врага врасплох. Век перехватил своим клинком ценной меч Несущего Слово, втиснул его между зубцами и крутанул, вырывая оружие из хватки Фазгоса. Тот выпустил рукоять и перекатился по рукою Века, выпустив в него очередь болтов снизу вверх. Век уклонился и почувствовал, как воздух стал обжигающе горяч, когда болты промелькнули мимо его плеч, достаточно близко, чтобы опалить одежду.

— Доспех, — сказал Век, и пластины брони, вылетев из глубин «Песни Резни», промелькнули в воздухе и с грохотом сошлись вокруг его тела. Многие элементы древнего снаряжения Века попали в руки пророков и тиранов Торвендисе, но «Песнь Резни» сохранила меч из сердца звезды и доспехи глубин в безопасности своего арсенала.

Броня была вырезана из костистых экзоскелетов гигантских морских существ, которые чистили дно океанов

Сорвендуса. Жесткие ребристые пластины из костей и хрящей упали на верхнюю часть его тела и руки, а кольчуга из метеоритного железа, словно шелк на ветру, протекла по воздуху и обмоталась вокруг живота и горла. Твердые шины вытянулись вдоль спины, и боевые перчатки из зачарованной акульей кожи скользнули на пальцы.

Фаэдос поймал падающий цепной меч, но следующий удар отразили поножи из плотной и прочной, как железо, кости, которых еще секунду назад не было. Свободной рукой Век схватил Несущего. Слово за ворот госнеха и швырнул в бок ближайшей турбины. Его пронзило электричество, выпустив фонтан белоголубых искр, и он тяжело упал на пол.

Фаэдос боролся до последнего. Ноги горели внутри силового госнеха, и рука уже двигалась медленно. Ударом сапога Век отвел цепной меч в сторону, выбил его из рук, поймал и вознал в поясицу врага. Цепные зубы вгрызлись в платель и кость. Фаэдос задержался, как насекомое на булавке, хватая ртом воздух.

и утер.

Век не мог отрицать, что это ему понравилось. Он чувствовал почти такое же удовольствие, как тогда, много лет назад, когда он укрощал Мальстрим во имя Хаоса, штурмовал города и вырезал армии раги голосов в голове, которых называл богатыми. Он хотел утонуть в океане крови, наслаждаться в водовороте плоти, восторгаться распадом и властью силами перемен, как оружием. Он сделал все, что они просили, и попросил взамен лишь, чтобы они даровали ему честь быть их величайшим чемпионом. Век полностью отдался Хаосу, и понадобилось десять тысяч лет, чтобы вернуть себя обратно.

Он оставил дымящееся тело Фаздоса на мосту и пошел дальше, охотиться на оставшихся.

Занятный факт, но почти все легенды были истинными. Арзүлеон Век действительно мог быть высотой с гору, когда хотел — но это было редко, потому что он давно запомнил, что меньшая цель

живет дольше. Он ходил по дну океанов и охотился на тварей, что жили там. Он сорвал с петель врата Обсидианового города и сломал спину Сверхдemonу, который в нем правил. Он выступил против армии инопланетных дикарей и убил их всех голыми руками. Он свершил все деяния, которые, как гласили легенды, произошли до прибытия на Торвендис, и многое из того, что было сделано после. И прежде всего, он сражался с Последним.

Конечно, никто на Торвендисе на самом деле не знал, чем был Последний. Если кто-то и отгадал правильно, но его ответ потопили другие, выжившие теории. Те, что говорили, будто Последний был громадным могущественным демоном, или богом, повинным в заговоре против бесчисленных иных божеств варна, или древней таинственной боевой машиной, оставленной чужаками. Век нашел бы всю эту ложь забавной, если она не прикрывала куда более страшную истину.

Истина состояла в том, что эту область космоса не всегда занимал

Мальстрим. Тот факт, что Мальстрим вообще был здесь, частично был виной Века, и за это он никогда себя не простит. Скоро, сказал он себе, скоро станет известна правда, и тогда он, возможно, немного искупит все, что сделал. Этого будет недостаточно, и даже близко не хватит, чтобы уравновесить содеянное им зло. Но даже если его поступок — не более, чем жест, то все равно это будет больше, чем все, чего он добился до этого.

Арзүлеон Век бился с Узүрнатором зеленокожих варваров и сжег Бессмертную Библиотеку Девяноста Сети Чародеев. Он рождал при дворах богов, когда Империя Человека еще только рождался, и смотрел на вселенную столь много повидавшими глазами, что мог взглянуть в лицо самого Варна и не сойти с ума. Он видел суть Хаоса, и то, что Хаос сделал с ним и чего потребовал взамен, и теперь знал, что ни один его прошлый поступок не стоил и доли того почтения, с которым люди относились к его памяти.

И причиной тому были вовсе не благие намерения в его сердце. Вряд ли

Век мог найти в своей душе место для
тех неисчислимых несчастных, из
которых состояли уничтоженные им
армии, и миллионы обитателей
Торвендуса утерли раги того, чтобы
привести в жизнь его план. Нет, не добро
глотало его запятнанную скверной душой.
Это был гнев.

В кои-то веки Голгоф оказался
быстрее, чем Тарн. Он призвал все
колдовские связи, которые оставил ему
Крон, и скакал вниз со скоростью
антилопы, неистощимой энергией
морского кракена, не дающей устать
ногам, выискивая кратчайший путь из
Стрельчатого Ника глазами ястреба.
Изумрудный Меч в руке освещал склон
горы живым зеленым сиянием, а вокруг
бегущих людей, словно град, падали камни.
Снизу доносился такой звук, словно там
бушевала сотня гроз, похожий на рев
подземного бога.

Тарн отставал, хотя тоже бежал.
Двое выбрались из туннелей
Стрельчатого Ника скорее благодаря

удаче, чем памяти, ибо никто бы не смог воспроизвести их путь в глубины, когда коридоры грожали, как наполненные кровью артерии, и стены залов пульсировали. Теперь их разделил каменный ливень и чудовищные конвульсии горы, по которой они спускались.

Голгоф рискнул быстро оглянуться. Он мельком увидел Тарна, который споткнулся и схватился за руку, сломанную падающим камнем. Горный склон над ним бешено содрогался, и огромные каменные плиты отделялись, сползали и обнажали древние, белые как кость слои породы. Пики окружающих гор тряслись, выползая из каменных ножен, из них поднимались сверкающие острия и устремлялись в небо. Никогда еще горы Канис не были так похожи на зубы Последнего, зубы, усеивающие челюсти, что тянулись по всей глине континента.

Небо над головой зависло тяж дном и ночью, искристый черный бархат. Мальстрима пронзали яростные вспышки дюжины мрачных солнц, собравшихся взирать на разрушение.

Голгоф добрался до конца склона и
попал по долине. Какие-то часы назад
здесь текла бурная река крови, но теперь
ее края растрескались, и поток
превратился в бурлящую густую массу
глубиной по колено, приобретающую темный,
почти пурпурный цвет из-за грязи,
сброшенной трясущимися подножиями.
Весь хребет как будто угрожал, и с
шумом, подобного которому Голгоф
никогда не слышал, земля вздыбилась, как
океанская волна, поднимая его все выше и
выше, пока перед ним не раскинулись все
горы, от северного побережья и западных
предгорий.

Весь хребет ломался, и гладкие
белые пики поднимались из серого камня.
Там и сям открывались глубокие разломы,
и фонтаны лавы брызгали в воздух.
Лавины сметали все на своем пути.
Наполненные льдом долины трескались,
как разбитое стекло. Подобно копьям, вниз
били разноцветные молнии из тяжелых
черных туч, принесенных яростными
ветрами.

Земля прекратила вздвигаться и снова

обрушилась. Толгоф не знал, где Тарн, и даже где он сам. Он чувствовал, что сдвинувшаяся земля несет его к западным равнинам, где должно быть менее опасно, но всюду вокруг открывались пропасти, рушились огромные куски скал, и сверху прямо на него катились валуны.

Горы Канис разрушились вдоль хребта, уступая место чему-то куда более древнему и ужасному. Сердце, скрытое под высочайшими пиками, забилося еще сильнее, и Последний снова вырвался на Торвендис.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Многие легенды претендуют на истину о рождении Торвенгуса. Мифы о творении — одни из самых древних историй, которые рассказывали в свитах пророков и вокруг варварских костров, и у каждого народа, когда-либо обитавшего на Торвенгусе, есть своя версия того, как появилась планета. В ангаре «Песни Резни» размещалась стая истребителей, огромных хромированных хищников с дельтовидными крыльями и излучателями частиц, торчащими из фюзеляжей. Седьмидесят машин, выстроенных аккуратными рядами, залитых ярким светом прожекторов высоко на потолке, ждали, когда их запустит приказ хозяина корабля, как ждали они все время с тех пор, как летали на бой с Последним.

Есть те, что говорят, будто планета — яйцо, отложенное во времена до богов, и однажды из него вылупится новое божество, которое покорит варн и начнет

последнюю войну между всеми силами, после которой останется лишь Хаос. Другие считают, что Торвендис — сердце Мальстрима, превратившееся в камень, когда Хаос заразил собой эту варп-бурю и захватил ее, подобно личинкам, наполняющим труп. А есть и те, что утверждали в защиту иной идеи: этот мир дарован реальной вселенной богатым варпа, чтобы служить мостом, чрез посредство которого безумие Хаоса может просвещать невежественную реальность.

Арзулеон Век слышал большую часть этих легенд, и, возможно, лишь ему, если не считать самих богов Хаоса, известна правда. Потому что Мальстрим существовал не всегда. Однажды, бесчисленные тысячи лет назад, это был лишь участок реального пространства, усеянный звездами и горсткой пригодных для жизни миров. Разумные виды, как свойственно им, заселяли эти миры сами или рассеивали по ним свое потомство. Когда ткань реальности слишком тонко растянулась, и сквозь нее просочился варп, бесчисленное множество живых существ

погибло или сошло с ума на протяжении тысячелетий, пока законы реальности отменялись. Звезды проваливались внутрь себя, взрывались или тупировали в нечто иное. Барн поглощал планеты, переплавлял и тучительно превращал их в демонические миры. Их население либо погибало все как один, либо спасалось бегством, либо приветствовало демонические силы как спасителей или богов. Это было время чудовищного безумия и завоеваний.

Некоторые миры выжили. Были виды, слишком крепкие, чтобы сдаться без боя, как зеленокожие орды или ночные рептилии, коим заражены астероидные пояса. Другие были умнее.

Арзүлеон Век не был единственным, кто знал, что некогда на Торвендисе жили эльдары. Но между тем, он был единственным, помню богов, кто знал, насколько давно они здесь обитали. Когда-то Торвендис был жемчужиной павшей империи чужаков, принадлежавших к виду, который более всего ценил знание и власть над собой, и в дни расцвета повелевал

технологиями, граничащими с самой
могущественной магией. Торвендис был
прекрасным миром с зелеными лесами,
сияющими морями и высокими городами
из стекла и слоновой кости. Это был мир
знаний и культуры, место, ревностно
охраняемое эльдарами, ключевое звено
Паутины, которая связывала их империю
воедино.

Но Торвендис оказался в сердце
прорыва варп-пространства. Планетарные
системы вокруг него были растерзаны, а
их население — порабощено. Торвендис
выстоял. Сначала его защищал флот
боевых звездолетов, потом — щит из
колдовских энергий, а в конце концов —
лишь вера и изобретательность самих
эльдаров. Хотя эльдары и долгожители,
но все же смертны, и здесь они оказались
отрезаны от своих сородичей. Они
вытерли постепенно, один за другим.
Торвендис же остался жить.

Здесь можно было хорошо спрятаться.
Ангар был просторен и полон
истребителей, каждый из которых

предоставлял неплохое укрытие благодаря подвешенным снизу креплениям для ботб и шасси. И именно сюда сбежали двое Несущих Слово.

Арзүлеон Век чүял их -- запах масла и древности на доспехах, пот, зловоние тел, оскверненных варпом. Он не слышал переговоров по воксү, но по тому, как галекони были друг от друга, понимал, что каждый боевой брат теперь сам за себя. Их предводитель и псайкер үшли в одну сторону, эти двое -- в другую, а опасный -- в третью.

Век двигался медленно и тихо, опустив звездный меч, чтобы тот не выдал его сиянием, а доспехи глубин источали соленую жидкость, чтобы трүщиеся друг о друга пластины не издавали звуков. Так приятно было снова идти в хитиновой броне, с клинком в руках, за врагом, с которым можно сразиться. Век знал, насколько соблазнительно может быть это ощущение, которое завлекло его в объятья Хаоса и поработило на тысячи лет.

Меж лесом шасси не было видно ни

единого отблеска красных доспехов. Было время, когда он мог видеть и слышать все, что отважилось двинуться в лиге от него, но теперь он был стар, и дни славы, как он сам признавал, прошли. Придется охотиться на врага по-старому.

Век увидел болт, прежде чем услышал грохот выстрела — будто крошечное стальное насекомое, снаряженное для убийства, прилетело к его голове. Он с удовлетворением отметил, что реакция у него почти так же быстра, как и раньше. Век пригнулся, и болт вонзился в корпус истребителя позади него. Стрелок же снова исчез в укрытии.

Чертовски хороший стрелок. Наверное, это разведчик.

Век перешел на бег и позволил себе ощутить некоторое удовольствие, когда его бегство заставило грубого костяного десантника обрушиться на него бурю болтерного огня. Взрывчатые снаряды, выпускаемые на полном автоматическом режиме, загрохотали вокруг. Миниатюрные взрывы осыпали бок ближайшего истребителя, но Век прыгнул.

оттолкнулся ногами от борта и перескочил на крыло стоящей напротив машины.

Несущий Слово был практически прямо под ним. Он пытался проследить за Веком, одновременно опустошая в него обойму. Век нанес рубящий удар вниз и отсек крыло истребителя, выпустив полуметра искр, так что оно обрушилось на пол и заставило десантника Хаоса отскочить в сторону.

Рука с клинком рефлекторно рванулась вверх, чтобы отразить болтеразведчика, выпущенный в тот же миг, как Век оставил себя открытым. В эту долю секунды второй космический десантник нырнул под истребитель.

--- «Песнь Резни», дай контроль над истребителями! --- закричал Век. Он спрыгнул с корабля, а болтерные снаряды раскололи кабину позади него.

--- Да, мой повелитель, --- ответил металлический голос древнего корабля прямо в ушах Века, и тут же в кабинах семидесяти кораблей засветились приборные панели.

Враги едва не достали его. Долей секунды раньше или позже, и они бы попали ему в голову или сбили с ног выстрелом в тупловище. Он был стар и медлителен, а против него была пара десантников-предателей, которые сражались так долго, что действовали как один. Разведчик лучше стрелял, но другой десантник был более несдержан, и вместе они могли его убить.

Арзүлеон Век был величайшим чемпионом на памяти Мальстрима, и он бы не добрался до таких высот, если бы не узнал, как опасно недооценивать врага. Он поднял руку, и один истребитель внезапно рванулся с места, испуская синее пламя из реактивных двигателей. Машина поднялась в воздух, открыв прячущегося под ней костического десантника. Когда Век опустил руку, истребитель рухнул, разбился о пол ангара и разметал повсюду клочья металла. Десантник отчаянным перекатом ушел из-под удара. Век взмахнул рукой в сторону, и еще один корабль врезался в первый, расшиб бак с горячим и поднял столб пламени в воздух.

Несущий Слово бежал к ближайшему укрытию, объятый огнем. Век знал, что благодаря силовым доспехам тот мог не обращать внимания на пламя. Но он горел, как яркий маяк, а Век не пропускал подобных возможности.

Он ринулся к нему, отталкиваясь от фюзеляжей кораблей и кувыркаясь в воздухе, чтобы уклониться от болтов, которые выпускал в него разведчик. Век добрался до истребителя, под которым пытался укрыться пылающий костический десантник, заскочил на него, перекатился по крыше и прыгнул в пространство под брюхом, рубя на лету мечом из сердца звезды.

Звездный клинок не питал ни малейшего уважения даже к самой древней силовой броне. Костический десантник даже не успел понять, что Век рядом, когда меч прошел сквозь середину его шлема и ворот брони, рассек грудь, живот и пах. Чисто разделенное на две тело костического десантника распалось, испуская струи крови и мерзкое зловоние внутренностей.

Боль вспыхнула в свободной руке Века. Благодаря быстрой реакции тело не пострадало, но выстрел разведчика все равно задел его, болт зарылся в хитин доспехов и взорвался глубоко внутри. Мышцы были повреждены, и Век почувствовал, что треснула кость.

Глупый, медлительный старик.

В нем поднялся гнев, и он приказал дюжине истребителей подняться в воздух, пометаться по ангару и обрушиться дождем из металла, круша корабли повсюду вокруг. Запустилась цепь красочных взрывов. Он превратил еще больше машин в горящие обломки и разбросал по металлическому полу пылающие корабли. Летящие осколки разбили прожекторы на потолке. Волна жаркого воздуха наполнила ноздри Века всепоглощающим запахом топлива и огня.

Нито протчался шальной болт. Разведчик был в панике. А чтобы заставить костического десантника запаниковать, нужна была серьезная причина — должно быть, он заперт где-то посреди горящих обломков и надеется

убить Века выстрелом наугад, чтобы можно было выбраться на открытое пространство и потушить огонь.

Никому за много тысяч лет не удавалось попасть в Века выстрелом наугад. К куче металлолома добавилось еще несколько истребителей, принесших с собой массу ящиков с боеприпасами, которые взорвались в огне, как огромные батареи фейерверков. Один угол ангара полностью забился останками кораблей, наваленных до середины стены и окруженных кольцом топлива, пылающего синим пламенем.

Поразительно, но разведчик еще был жив. С безвольно висящей рукой, объятый огнем, он пытался поползти от кучи обломков. Его болтер был сломан, но здоровой рукой он снял с пояса болтнистолет.

Век зашагал по горящему полу, и огонь потрескивал на гонимых глубинах. Разведчик выпустил в него весь магазин болтнистолета, но тот выгел каждый снаряд, несущийся к нему, и отбил их все в стороны. Шлема на костическом

десантнике не было, и Век видел незащищенное, покрытое волдырями лицо. В его глазах горела решимость, а то, что осталось от губ, исказилось в оскале. Он выронил пистолет и вытащил боевой нож.

— Стоишь до конца, — сказал Век почти что с жалостью. — Что они сделали с твоей душой, что ты столь слеп?

Разведчик не ответил. Возможно, губы сплавились воедино, или же ему выжгло горло. Возможно, он просто не желал отвечать тому, кто столь яростно противостоял всему, во что верили Несущие Слово.

Век поднял клинок из сердца звезды и отрубил ему голову.

Поверхность Торвендуса переливалась, словно в жаркой дымке. Пески и скалы извивались, внезапно освободившись от своих оков. Изумрудный Меч был вынут. Последний вышел на волю. Торвендис знал, что настал конец всему, и так как Торвендис и Последний были одним и тем же, он был этому рад.

Сверкающие зѹбы погрѹзились в землю, оставив лишь обломки своих каменных ножен там, где когда-то возвышались могѹчие горы Канис. Земля застонала, когда они ѹшли на глубину, промчались сквозь мантию планеты и окружили город, где раньше правила ледяная Харибдия, а теперь пировала воющая орда демонов.

Поднялся новый горный хребет --- это челюсти Последнего кольцом охватили город, раскрыв огромную круглую пасть в тысячу километров поперек. Сс'лл Ш'Карр поднял взгляд от трупов, наваленных у его ног, и уставился на белые, как кость, пики, вздыбившиеся над городом и начавшие стыкаться.

Ни один смертный не в силах понять, что за мысли живут в сознании демона. Но если Сс'лл Ш'Карр вообще способен был чувствовать страх, то он почувствовал его именно в тот момент, когда перед избранным Кровавого Бога поднялся враг, которого даже он не мог одолеть.

Океаны бурлили в экстазе или от боли, и от их судорог на северные берега

обрушивались высокие волны, а южные архипелаги проваливались под воду. Титанические кракены, которые на протяжении эпох не покидали океанское дно, поднялись, сами похожие на огромные живые острова, чтобы один лишь раз взглянуть на небо Торвенгуса, прежде чем умереть.

А небо тоже утирало. Кроваво-красные полосы, подобные воспаленным рубцам от плети, вырвались из-за горизонта. Внезапно налетевшие бури разорвали надвое толстые черные покрывала облаков и открыли в небесах чистое, текучее великолепие Мальстрима. Разломы в тверди изрыгали фонтаны лавы, что взметалась высоко в воздух и падала обратно черным каменным дождем.

Там, где когда-то были предгорья хребта Канис, Голгоф и немногие оставшиеся в живых люди племен сжались в укрытиях, спасаясь от густого кислотного дождя. Гордость уже не мешала Голгофу броситься под узкий скальный выступ, спрятать голову в руках

и молиться любому богу, который готов был услышать, чтобы погибель, обрушившаяся на мир, не забрала и его. Он все еще держал Узлтрүдный Меч — хотя, несомненно, обречение меча навлекло на Торвендис все эти разрушения, оружие было единственным, что у него осталось. Даже ярость уже не поддерживала его. Он видел, как огромные каменные плиты поднимаются там, где раньше были топи, и расплавленная порода, пузырясь, поднимается из обломков гор и покрывает их огненной паучьей сетью.

Никогда еще он не видел подобного опустошения. Его размах был столь велик, что даже Голгоф забыл о глубинах своей ненависти.

Он не мог знать, что именно его ненависть сделала все это возможным, и что племя Узлтрүдного Меча, которое он практически уничтожил, было ключом к катастрофе. В отчаянии он вопрошал себя, не Последний ли это, пришедший снова завладеть этим миром, как на протяжении всей истории Торвендиса предсказывал не один пророк. Вряд ли его

бы утешило знание о том, что он прав.

Джунгли корчились, и густые деревья шумели в восторге от ужаса, даже когда молнии врезались в них и разжигали пожары, от которых в небо поднимались громадные столбы дыма. Отдаленные места, что за последние несколько сотен лет не принимали участия в истории Торвенгуса — ледяные шапки, извивающиеся коралловые отмели, занимающие половину океана, титанические скелеты с городами, выстроенными в черепках — тоже страдали. Некоторые оживали там, где жизнь невозможна. Другие погружались под волны или улетали высоко в небеса.

Торвенгус дергался и выл. Даже танция и ядро, пульсируя в туках, вышвыривали фонтаны лавы из поверхности. С орбиты это выглядело так, будто Торвенгус истекал кровью.

Самый молодой и самый опасный из Несущих Слово был последним, с кем должен был сразиться Век. Он знал, что их лидер все еще на корабле, но, пока он

шел от горящего ангара к ядру, где обитал машинный дух, «Песнь Резни» доложила, что капитан Несущих Слово находится на техническом уровне. Это означало, что он пытается сбежать вместе с псайкером, вернуться через абордажный шлюз боевого челнока, на котором прилетел ковен, и отступить на собственный корабль.

Но ему не удастся. Сбежав, он предпочел окончить свою жизнь в побеге, а не в схватке, и обрек псайкера на ту же участь. Молодой Несущий Слово был умнее своего капитана в одной очень важной области — он знал, как утирать, и это было редкое, ценное качество, с которым Век редко встречался, хотя и повидал немало смертей.

Машинный дух «Песни Резни» был, наверное, даже старше, чем остальной корабль. Век нашел этот звездолет в начале своего восхождения в Мальстриме и еще тогда понял, что он особенный. Это был, вне всякого сомнения, реликт Темной Эры Технологий, и лучшим доказательством этому служил его машинный дух. Ядро напоминало арену,

окруженную высокими серо-черными хранилищами памяти размером с дома, на поверхности которых играла легкая световая рябь. Широкий круг из темного стеклянистого камня между ними был полон призрачных огоньков, образующих сложные формы и закрученные узоры, которые распагались и появлялись заново так же быстро, как мысли «Песни Резни». Совершенно разумный корабль был компаньоном в той же мере, что и транспортом, а также советчиком и адъютантом, как и оружием. Несущий Слово выбрал это место, потому что считал, что можно взять «Песнь Резни» в заложники и пригрозить Веку битвой в средоточии сознания корабля. Умно. Единственное решение, которое могло дать ему шанс. Хранилища памяти содержали больше информации о жизни Века, чем тот помнил сам. Никакой пиротехники здесь не будет.

Век вышел на арену, купаясь в свете. Было время, когда он владел оружием, стреляющим очередями разумных плотоядных личинок, которые выискивали

все живое, или мог выпустить
демонических рвущих гончих, способных
выследить врага только по запаху. Но его
снаряжение было по большей части
утрачено в бою с Последним или
превратилось в священные реликвии на
Торвенгисе, поэтому придется обойтись
мечом и утом.

--- Ты знаешь, что не можешь просто
застрелить меня, --- грозно сказал Век. ---
Я видел тебя на мостике. У тебя
облегченный болтер старого образца с
заглушенными боеприпасами и
оптический прицелом. Без
автоматического огня, только один
выстрел за раз. Ты достаточно умен, чтобы
понимать, что это не может мне серьезно
навредить. Так что за трюк ты припас?

Ответа не было. Но Век чувствовал
запах Несущего Слово, пряностей,
используемых в ритуалах обслуживания
госпехов, и хитикаты из выхлопов ранца.
Он ощущал незваное присутствие в святой
святых машинного духа.

--- Я знаю, через что ты прошел, ---
Век говорил почти так, как будто

сгрудился беседовал. — Когда-то я был таким же. Совсем таким же. Я родился с сильным телом и еще более сильным умом. Я хотел стать кем-то, но вселенная столь обширна, и в ней всегда есть кто-то сильнее. Может быть, некий незнакомец сказал тебе, что ты — больше, чем ты? Или это была какая-то старая книга или стершийся от времени слух? Может быть, ты сам искал силу, потому что был уверен, что ее можно найти. Думаю, Несущие Слово нашли в тебе добровольца. Может, ты встретился с ними. Они рассказали тебе о могуществе, которое можно получить, и показали, и ты им поверил. Ты сильнее, ты отважнее, ты можешь сразиться с чем угодно. Боги лишь попросили, чтобы ты забыл кое-что из того, во что все равно никогда не верил. Хаос — безграничный источник силы, из которого можно черпать и не платить практически ничего.

В тених раздался приглушенный выстрел. Век увидел рябь, которая тянулась за снарядом, рассекающим воздух, шагнул в сторону, уходя от него, и

позволил ему пробороздить уродливый
шрам на полу.

— Нервничаешь, Несущий Слово? Не
можешь больше слушать, да? Теперь
нашелся тот, кто может на самом деле
знать, во что ты превращаешься.

Век проследил за траекторией
болта, но тени поглощали те немногие
движения, которые он мог бы увидеть.
Несущий Слово находился на проводниках
энергии, которые соединяли башни
памяти, двигался быстро и тихо, а после
каждого выстрела менял позицию. Так
могло продолжаться, пока у костического
десантника не кончатся боеприпасы, или
пока он не решит исполнить угрозу и
разрушит душу «Песни Резни» осколочной
гранатой.

Век медленно двигался кругами. У
него не было стрелкового оружия, и самые
мощные из его инструментов были
рассеяны вдалеке. Ему придется
использовать наиболее могущественное
оружие из тех, что он имел.

Правду.

Макело осторожно занял позицию за серо-черной башней, и его хорошо спазанные доспехи не издавали ни звука. Он выглянул из-за укрытия и увидел, что Арзүлеон Век ищет его взглядом и держит меч наготове.

Правда ли это? Действительно ли они преследовали легендарного Век, а не Несущего Слово Карнүлона? Это безумие. Но все же, готовясь к путешествию на демонический мир и во время пути, Макело прослушал множество легенд Торвендуса и так и не узнал ни одной, повествующей о смерти Арзүлеона Век. Чемпион Хаоса мог прожить неисчислимые годы — так, капитан Атакир сражался в Ереси десять тысяч лет назад. Может быть, и вправду именно Век сошелся с Макело в ядре духа «Песни Резни».

Часть разума Макело обдумывала эту загадку. Остальное сознание, впрочем, сфокусировалось на главной задаче. Неважно, Век это или нет, он враг, а врага нужно победить, без разницы, кем или чем он является. Именно так Несущие Слово

поклонялись богам.

Макело прищурился, глядя в прицел болтера. Облегченный ствол следовал за его взглядом, а тот, в свою очередь — за движениями Века. Он был прав — снайпер не убил бы его одним выстрелом, как любую другую цель. Если, конечно, он выберет очевидную мишень — голову, горло, торс.

Он может попасть ему в ногу. В ту долю секунды, пока противник будет в боли и стягивании, последует другой, более опасный выстрел — возможно, в артерию в запястье или в область почек. Потом еще один, и еще, и каждая рана будет еще более тяжелой, пока, наконец, каскад снарядов не закончится смертельным выстрелом.

Если так подумать, то у Макело были все преимущества. Как он понял из стешавшегося вокс-траффика, который сопровождал убийства Фаздоса, Скарлана и Феоркана, Веку не было равных в ближнем бою. Но у него не было стрелкового оружия, и он не мог пользоваться разрушительным

колдовством, рискуя навредить шедеврам
«Песни Резни». Макело мог удерживать
Века на глине руки и вгонять в него
болты, пока тот не утрет.

Он знал, что он хорош в своем деле.
Один из лучших воинов ордена, чистый и
необработанный талант, готовый стать
великим лидером в будущем. Это был не
конфликт с внушающим ужас и
стертоносным врагом, а загадка, которую
нужно было разрешить, и Макело знал
ответ.

Век пытался сбить его с толку
еретическими проповедями о Хаосе. Это
знак отчаяния. С тех самых пор, как его
нашли Темные Апостолы Несущих Слово и
показали ему, что он алчет силы варна,
Макело изучил Хаос внутри самого себя и
ни разу не усомнился в нем. Хаос был
силой, но силой разумной, и не раскрывал
себя сразу. Хаосу следовало учиться,
показывать почести и порой подчиняться,
чтобы использовать его и стать более
великим, чем раньше. Очень просто.

Макело еще раз прицелился.
Подыжка, потом колено, потом плечо.

горло, голова и сердце. Легко.

— Если ты удачлив, то утираешь в неведении, так и не поняв, что тебя использовали с первого дня, когда ты посмотрел на небеса, — в голосе Века звучала легкая насмешка и презрение. Это пустые речи, подумал Макело. Громкие слова человека, который привык побеждать, а теперь оказался в ловушке. — Но ты можешь и выжить. Ты завоевывал великие победы и думал, что сделал это сам ради себя. Но все, что ты делаешь, это прихоть богов, переданная твоим командиром и просочившаяся в твою душу. Они знают, как ты будешь вести себя в любой возможной ситуации. И ничто из того, что ты делаешь, не принадлежит тебе.

Макело никогда и никого не боялся — ни человека, ни демона, ни бога. Легенды он тоже не страшился. Заглушенный снаряд скользнул в патронник, и палец Макело нажал на спуск.

Арзулеон Век шагнул в самую яркую часть арены, озарившись тысячами «Песни

Резни» и став самой открытой и измученной.

— Потом, в один день, — продолжал он, — ты понимаешь, что сражаешься, потому что не можешь этого не делать. Ты занимался этим всю свою жизнь. Это все, от чего ты способен получать удовольствие. Тебе становится все равно, что Хаос тебя просто использует. Пока ты можешь убивать и умирать этой силой, ты говоришь себе, что у тебя есть все, что можно пожелать.

Век почувал пульс, прежде чем увидит или услышать ее, ощутив легкий сдвиг в атмосфере, который встревожил мысли корабля. Он ударил вниз острием меча и отбил болт, прежде чем тот врезался в ступню. Старый трюк среди тех, кто мог упасть куда угодно — отвлечь врага болью и шоком, выстрелив в ступню, руку или колено, прежде чем сделать убийственный выстрел. На нем это раньше пробовали. И это почти сработало. Век уже давно и твердо вознамерился извлекать как можно больше знаний из каждой попытки убить его, и это значило,

что он выучил все трюки.

--- Рано или поздно ты начинаешь понимать. Сила, которой ты владеешь, вовсе не сила. Можно убежать на миллион километров, но ты по-прежнему останешься собственностью богов. Можно сражаться, пока все в галактике не утрет, и все равно они найдут войну, которая пожрет тебя.

Век знал, что в его голосе слышна горечь. Желчь поднималась в нем всякий раз, когда он думал об этом.

--- Это ли сила? Нет. Это зависимость. Сила --- это то, что можно использовать, чтобы зарабатывать собственные победы. Но ничто из того, что ты когда-либо сделал, не принадлежит тебе. Слишком поздно. Боги смеются над тобой. Они владеют твоим телом и душой, и что ты можешь сделать? Ты никогда не сможешь жить обычной жизнью. Ты наполнен ненавистью. Галактика для тебя закрыта. Ты лишь пустая оболочка существа, которое убивает по приказу. Я --- величайший чемпион Мальстрима, Несущий Слово, и

мне понадобились тысячи лет, чтобы
освободиться. А теперь я лишь беглец,
ничего больше, не свободный и не
порабощенный. Я опустился до этого, до
массовой бойни во имя возмездия, потому
что больше ничего не осталось. Моя жизнь
тогла чего-то стоит, но все, чего я
добился -- целая жизнь, полная смертей.
Если я когда-то и побеждал, то победой
этой было обретение правды. Подумай об
этом, Несущий Слово. Что такое Хаос?
Хаос -- это ложь.

Он легко отбил в сторону еще один
выстрел. Слишком легко. Век
инстинктивно пригнулся, и боевой нож
рассек воздух над его головой. Темно-
красный силуэт Несущего Слово спрыгнул
на него с башни. Костический десантник
тяжело врезался в пол, перекатился и
открыл огонь с близкого расстояния.

Век успел взглянуть на атакующего,
ныряя назад и спасаясь от очереди
приглушенных снарядов. Моложе, чем
остальные, без шлема, как разведчик, но с
молодым лицом, острым носом и
холодными глазами. Кожа очень бледная,

волосы белого цвета и коротко обрезаемы. На обоих висках вытатуирована скалящаяся голова демона, символ легиона Несущих Слово. Глаза снайпера казались старше, чем его лицо, из-за едва различимых хирургических шрамов, которые расходились от них, как морщинки старика.

Несущий Слово бросил болтер и выхватил с пояса еще два ножа. Они были длиннее и тяжелее, чем тот, который он метнул — мощные, brutальные клинки, предназначенные для использования в паре и прорубания брони.

Костический десантник взмахнул ножом, и Век парировал со скоростью толпы. Его клинок прошел над противником и срезал одну из выхлопных труб ранца силовой брони. Век нанес колющий удар, но костический десантник поймал меч между ножами, отвел в сторону и вынудил Века открыться, после чего вознал ему колено в бок живота.

Доспехи глубин приняли удар на себя. Но это было не главное. Несущий Слово бился с силой фанатика — отрицание

Хаотических господ костического десантника затанило его в ближний бой, но вместе с тем дало ему более значительную причину сражаться, чем просто выживание. Несущие Слово в своей безумной преданности пантеону Хаоса забывали о физических ограничениях собственных тел, когда тестили ереси, направленной против Варна.

Век припал к полу, выбросил вперед ногу, выбив опору из-под костического десантника, крутанулся и ударил мечом вверх. Звездный клинок провел раскаленную добела борозду посередине живота.

Острое вошло достаточно глубоко, чтобы причинить простому смертному болезненную смертельную рану. Однако Несущий Слово был наделен опытом костического десантника и решимостью человека, бьющегося за все, во что он верил. Нужно было нечто большее, чтобы сразить его.

Несущий Слово снова рубанул, и клинок прошел сквозь наплечник Века. Вспышка боли добавилась к ноющей ране от болта, полученной в ангаре. Век нырнул

вперед и врезался плечом в тяжелый
бочкообразный нагрудник костического
десантника. Несущий Слово, все еще не
вернувший равновесие, неловко отшатнулся
на шаг, и тогда Век со всей силы вонзил в
него меч.

Клинок из сердца звезды рассек грудь
костического десантника, пройдя сквозь
внутренний нагрудник из сросшихся ребер и
одно из двух сердец, и вырвался наружу
сквозь ранец. Век провернул клинок,
почувствовал, как тот застрял в толстой
кости, подтянул Несущего Слово к себе и
мощно ударил лбом в лицо.

Несущий Слово, чей нос теперь
превратился в кровавое пятно на лице,
обмяк и охватил ногой колено Века,
пытаясь уронить его на спину. Век
поддался движению, подтянул Несущего
Слово под себя и упал прямо на него. Под
его весом звездный меч вошел еще глубже,
и расширяющийся к концу клинок прорезал
внутренние органы. Костический
десантник дергался, словно застрявшее
животное, пытаясь скинуть Века, но тот
тупо стискивал рукоять, глядя прямо в

лицо врага.

Век почувствовал, как разделяется грудная клетка и рвутся внутренние органы. Несущий Слово истекал кровью.

--- Я не верю тебе, --- выдохнул он вместе с каплями красной слюны. --- Я умираю не потому, что твои слова --- правда, но потому, что должен умереть, сражаясь. Ничто меня уже не спасет. Хаос требует, чтобы я сражался.

Руки и ноги костического десантника не двигались. Клинок из сердца звезды прошел сквозь его позвоночник. Век встал и медленно вытащил меч, на жарком клинке которого потрескивала кровь.

--- Почему ты думаешь, что непременно умрешь? --- спросил Век. --- Ты можешь сбежать. Ты можешь разбить дух машины и спастись.

Несущий Слово у его ног горько улыбнулся, и кровь заструилась из угла его рта.

--- Ничто не выживет, --- прохрипел он. --- Ты пробудил Последнего.

Век нанес еще один удар и пронзил второе сердце костического десантника.

Несущий Слово содрогнулся, и жизнь покинула его вместе с кровью, растекающейся по полу.

--- Догадливый парень, --- сказал Век, вытирая клинок.

Челнок был маленький, тесный и вонял древностью и потом рабов. В него было забито слишком много оборудования, словно кто-то взял большой корабль и сплющил его до таких размеров. Черное кованое железо врезалось в потемневший хром, мерцающие сигнальные голоогни мешались с мутными плоскими экранами. Мостик представлял собой клинообразную полость, направленную острием к носу челнока, с его потолка свисали толстые черные трубы, а на неровном полу были вырезаны болезненные руны.

Капитан Алакир промолчал по мостику, пригнул голову, чтобы не задеть потолок, который понижался в передней части помещения, к рабу, который лихорадочно пытался разобраться со сложным управлением челнока.

Он отбросил раба в сторону и сам

взялся за навигационные устройства. Челнок все еще был прикреплен к «Песни Резни» рукавом из ребристой стали, через который ковен пробрался в корабль. Его орудиам достаточно торгнуть, чтобы превратить Атакира, Пракордиана и самого челнок в большой шар плазмы. Пора было уходить.

--- Я это чувствую, --- произнес Пракордиан с задней части мостика. --- Я чувствую, как она просыпается.

Атакир оглянулся. Он вбивал в навигационный штурвал, координаты, по которым челнок должен был отнести их обратно к «Мультус Сангвис».

--- «Песнь Резни»?

--- Планета.

Атакир повернулся к ближайшему рабу, который вжимался в угол тесного мостика, пытаясь исчезнуть.

--- Подними телескоп! Сейчас же!

Раб на пинке подлетел к сенсорной станции, утопленному в полу углублению, окруженному вычурными терминалами показаний.

Покатый потолок озарился

изображением глубин Мальстрима, вдоль одной стороны которого вытянулся корпус «Песни Резни». Картина расширилась и включила в себя диск Торвендуса, и тогда Атакир увидел, что Пракордиан имел в виду.

Моря бурлили. Поднимались волны обжигающего кипятка, на берега обрушивались цунами. Горы Канис исчезли, на их месте осталась ломаная паутина наполненных лавой трещин. Южные острова тоже пропали из виду, степенные фонтанирующими паровыми гейзерами.

Город — открытая рана — был окружен зубами, словно лакомство в огромном рту. Странно окрашенные облака тчались над поверхностью Торвендуса, оставляя на земле шипящие, выжженные кислотой следы. Многочисленные луны обращались вокруг планеты с такой скоростью, что ползли по изображению на глазах Атакира, как будто были настолько возбуждены разворачивающимся разрушением, что не могли стоять на месте.

Атакир снова перевел взгляд на

навигационные данные. Челнок все еще был нацелен на «Мультус Сангвис», но связь оказалась слабой и ненадежной. Крошечный встроенный экран демонстрировал искаженное изображение «Мультуса», злобеще подсвеченного снизу отраженным светом солнц Торвенгуса. Помехи, исходящие от планеты, вскоре подавят сигнал стареющего челнока.

--- Пракордиан! Отсоединяется! --- крикнул Атакир. Колдун с остекленевшими глазами,двигающийся будто во сне, нажал на квадратную панель в консоли перед ним. Сквозь корабль прошла дрожь, заряды для запуска детонировали, рукав оторвался от челнока и, кружась, улетел в космос.

Атакир потянулся к рычагу ускорения над головой и запустил двигатели челнока на полную мощность. Гравитационные датчики не смогли полностью компенсировать внезапный рывок, и полетчик пошатнулся, когда челнок рванулся вперед.

--- Что он натворил, Пракордиан? --- потребовал Атакир. --- Как он все это

устроил?

--- Не думаю, что Век сделал все это сам, командир, --- Пракордиан, похоже, полностью погрузился в транс. Глаза запали, щеки провалились. Должно быть, на нем сказывалось давление психической ударной волны с планеты. --- Я считаю, это сделали за него. Кто-то на поверхности выполняет его волю и, скорее всего, сам этого не осознает. Он, должно быть, планировал это с тех пор, как победил Последнего, он заронил на этот мир семена, которым понадобились тысячи лет, чтобы взойти.

--- Звучит так, будто ты восхищаешься еретиком.

Пракордиан улыбнулся.

--- Из него бы получился хороший Несущий Слово.

Атакир решил пока проигнорировать это кощунство. Легион может наказать Пракордиана, когда захочет, если только они оба доживут до этого.

Атакир переключил смотровой экран, чтобы тот показывал пункт назначения челнока. «Мультус Сангвис» представлял

собой беспощадно далекий яркий отблеск, почти невидимый среди туманностей и красных гигантов Мальстрима. Атакир не питал ни малейших иллюзий по поводу того, что случится, когда с Торвендисом произойдет глобальная катастрофа, если он потеряет кусок коры или его сорвет с орбиты то, что содеял Век — что бы это ни было. В любом случае, ближняя орбита будет слишком густо набита обломками, чтобы на ней мог остаться какой-либо корабль. Единственный вариант — убежать в варп, а для этого надо было обратиться до «Мультуса».

Миссия не провалилась. Ковену дали приказ узнать, что случилось с Карнүлоном. Атакир выполнил эту цель: Карнүлона убил Арзүлеон Век, вероятно, ради его костического корабля, чтобы Век мог добраться на нем до Торвендиса. Дезертирства из легиона не произошло, честь Несущих Слово не пострадала. Вот что Атакир доложит командованию легиона, и Несущие Слово будут чувствовать его за выполнение долга.

От сенсорной станции донесся

пронзительный визг — сканеры челнока уловили крупный выплеск энергии. Атакир сразу увидел его причину. Это была обжигающе яркая полоса, несущаяся через экран.

Из борта «Песни Резни» появилось огромное блестящее оружие и выпустило луч сплошного бело-голубого света.

— Состояние «Мультуса»! — заорал Атакир на раба за сенсорами, но тот был уже мертв: его мозг изжарился под мощным потоком данных.

Если бы «Песнь Резни» стреляла в них, они бы уже погибли. И насколько знал Атакир, на орбите Торвендиса была лишь одна другая цель. «Мультус Сангвис».

Ослепительный луч исчез. Вместо него на фоне тьмы безмолвно расцвел клуб разноцветного пламени. Лопнувшие плазмогенераторы выпустили в космос синие языки огня. Древний сутасшедший дух машины взорвался в оранжевой буре гибельного безумия. Торпеды исчезли в вишнево-красных вспышках.

— Век! Еретик! Предатель! — закричал Атакир.

К тому времени, как сенсоры челнока
пришли в себя, на месте «Мультуса»
осталось лишь облако остывающих
обломков.

Больше всего Атакир ценил железную
дисциплину. Это не помешало ему ударить
кулаком по навигационной консоли.
Пракордиан просто смотрел в
иллюминатор, как загипнотизированный,
и детская улыбка блуждала по его лицу
при виде истерзанной поверхности
Торвендуса.

Атакир знал, что попал в ловушку.
Все, что он мог -- активировать
тревожный маячок челнока и ждать, пока
их не подберут Несущие Слово. Если
только то, что Век уготовил Торвендусу,
не погубит их раньше.

Он всеми фибрами души ненавидел
слабость. И хуже всего -- свою собственную.
Это само по себе было кощунством --
сидеть в ловушке, абсолютно бессильным,
отданным на милость врага.

-- Все эти мертвые... -- рассеянно
произнес Пракордиан. В уголке его рта
поблескивала слюна. Он протянул руку,

чтобы прикоснуться к сверкающему образу
Торвендуса над собой.

Амакир выхватил болтнустолет и
выстрелил Пракордиану меж глаз. Тот
покачнулся и перевел взгляд на Амакира, и
водянистая кровь заструилась из раны и
потекла по лицу.

— Но... это прекрасно. Они говорят
мне. Мертвые. Он запланировал все это
так давно, он использовал столь многих из
них, чтобы это произошло. Оно так и не
умерло, говорят они... оно не умерло, оно
было здесь все время, плененное,
обезумевшее...

Впервые Амакиру захотелось, чтобы
костических десантников было проще
убить. Он стрелял в Пракордиана, пока от
его головы не осталось ничего, кроме
обломков костей да лохмотьев. Тело
медленно покачнулось, как будто не
понимая, что его убили. Потом оно
рухнуло на пол мостика.

Рабов, которые могли бы убраться, не
осталось. Придется ему пока полежать
здесь. Амакир поднял взгляд к экрану, где
утирал искореженный шар Торвендуса, и

скрежеща зубами, стал ждаться, когда закончится это богохульство.

Век не был уверен, почему вообще он это сделал. Отнять жизнь Последнего — этого он не хотел. Нельзя убить нечто, подобное Последнему. Нельзя убить целую планету, если ты хочешь преподнести ее в дар своим хозяевам. Но Арзүлеон Век часто задавался вопросом, почему он оставил для себя возможность пробудить его снова.

Может быть, причиной было ощущение власти. Это вполне походило на то, чем он мог руководствоваться. Просто навеки искалечить Последнего было бы менее приятно, чем знать, что он может освободить его, и все же не делать это. Да, вполне возможно, что именно поэтому он основал племя Узүтрүдного Меча, чтобы охранять оружие, которое можно было вырвать из сердца Последнего и разбудить его.

Конечно же, он был очень осторожен и предусмотрел, чтобы никто не вынул Меч случайно. Племя было связано его

колдовством и силой воли, чтобы они
могли допустить в сердце только одного
из их числа, а хранители и Меч должны
были уничтожать всякого, чья ненависть
не была столь же глубока, как гнев самого
Последнего на Хаос.

Понадобились некоторые усилия,
чтобы найти того, чья врожденная
склонность к насилию и гордость были
настолько сильны, как у Голгофа, а потом
так тщательно уничтожить эту
гордость разрушениями и
предательствами, что в его сердце не
осталось ничего, кроме ненависти.
Сказать по правде, в то время как
Арзүлеон Век всегда был в силах
предсказать поведение леги Харибдии и
С'лла Ш'Карра, он не знал наверняка, как
Голгоф отреагирует на измену сначала
Трика, а потом Ш'Карра. Довольно
рискованно было даже предполагать, что
он вообще выживет — Век научил Голгофа
нескольким трюкам из тех, что попроще,
но никогда не был до конца уверен, что
тот останется жив.

Риск был огромен. Все это могло

превратиться в очередной цикл войны и кровопролития, и боги Варна могли заметить истинные намерения Века, и тогда бы он ничего не добился. Но, как ни невероятно, это сработало. Хотя он и был бесконечно стар и давно уже пережил свой расцвет, Аргүлеон Век все еще имел власть создавать легенды.

Возвращаясь на мостик «Песни Резни», Век позволил себе некоторое удовлетворение при этой мысли. Корабль все еще оставался прозрачным и открывал великолепный вид на корчащийся в тучах Торвендис.

--- Прошло так много времени, друг мой, --- сказал он.

--- Очень много, --- ответил корабль. --- Я начал думать, что вероятность твоего возвращения настолько мала, что ей можно пренебречь.

Век мог его понять. Когда он впервые засомневался в авторитете повелителей Хаоса, он оставил «Песнь Резни» на орбите Торвендиса и отправился бродить по Мальстримү, чтобы взглянуть на него новыми глазами, полными сомнения.

Бесчисленные годы он созерцал кровопролитие, пытки и рабство и пришел к выводу, что жаждет отомстить тем силам, что сделали его частью всего этого.

--- Надеюсь, ты не чувствовал себя одионоко.

- - - У меня была возможность развлечься. Эта планета представляет большой интерес.

--- Скоро она станет еще интереснее. Торвендис побывал всем, чем только может быть планета, но мертвым миром он еще не был. Ты готов?

--- Я уже давно готов, мой повелитель.

--- Хорошо. Унеси нас в глубины атмосферы. Хочу поговорить с другим старым другом.

Когда за Голгофом пришла смерть, она оказалась совсем не такой, как он ее представлял. Он никогда не сомневался, что умрет в гуще битвы, среди бури мечей и секир, с вмятым щитом и тысячей ран на теле. Так наступала смерть, последний шаг на дороге воина.

Вместо этого его гибель стала жалким падением в темноту. Твердь под ним разорвало на части землетрясением, и открылась бездна. Колдовство Крона сделало его сверхчеловеком, но не могло победить гравитацию. Под руками осыпались комья земли, ноги били по пустоте. Он выпустил Узурпудный Меч, и тот, сверкая и кувыряясь, полетел вразлом, к булькающей и светящей красной лаве, что пульсировала внизу.

И тогда держаться стало не за что. Толгоф падал вниз, к нестерпимому жару.

Что было бы, если б он никогда не покидал поселение Каменных Клинков? Что, если бы он продолжал сражаться, а не стал вождем? Он мог бы жить. Он мог бы закончить свои дни как мужчина, не как жалкое несчастное создание, погибшее после того, как ненамеренно уничтожило все, чем мечтало править.

Его окутал обжигающий жар, пожрал ноги, растопил кости. Что, если бы он остановился в предгорьях и решил восстановить племя? Что, если бы он отправился обратно в горы, как только

появился Ш'Карр? Почему он хотел
вступить в столь безумный союз человека
и демона, результатом которого могла
быть только бойня?

Голгоф погиб в огне под поверхностью
Торвенгуса, так и не узнав, почему он
умер, и не догадавшись, что именно ради
этого он и родился.

Арзүлеон Век смотрел вниз, на город
прямо под собой, где стыкалась пасть
Последнего. Башни раскалывались под
сокрушительным давлением зубов. Демоны
умирали в рушащемся городе, и их
чудовищный рев поднимался среди облака
обломков. Век видел Ш'Карра, который
держался за вершину Крепости Харибди,
неистово бесновался, источая дождь крови,
и размахивал стальными когтями,
пытаясь отбиться от приближающихся к
нему клыков. Весь город исчез,
раздавленный и скрытый под покровом
подобных скалам зубов, и видел был только
князь демонов. Его тело в дюжине мест
пронзали и прочно удерживали на месте
клыки, утопающие в плоти и выходящие с

другой стороны. И все же он был и тряс от гнева бронзовым черепом, пока часть погружалась обратно.

Ш'Карр был еще жив, насколько демона можно назвать живым, когда земля сошлась над ним.

«Песнь Резни» зависла над самой поверхностью. Часть снова появилась, и зубы уже были чисты от демонской плоти. Землетрясения и бури прекратились, ибо Последний узнал корабль и разум его хозяина.

Последний не умел говорить, но его наделили сознанием эльдары, что в дни расцвета освоили мастерство психического конструирования, и он мог общаться с душой напрямую.

Он был в агонии. Он страдал с того самого дня, как Век победил его сто жизней назад. Его осквернили силы Хаоса, забрав планету в качестве символа своего могущества, заразили своими мертвецами и пропитали порченой кровью. Его камни были истолчены и пущены на строительство ужасных храмов и бастионов, которые звенели от воплей

пытаясь, на сам город, который он только что вновь вообрал в собственное тело. Он испытал чудовищные мучения и от этого сошел с ума.

Торвендис, последний из эльдарских девственных миров, желал возмездия так же, как Арзүлеон Век. Возмездия Хаосу, столь огромной и всепоглощающей силе, что только самые великие деяния могли как-то ранить его богов. Они могли заметить лишь столь значительную потерю, как утрата символа --- Торвендиса.

Когда-то Век и Последний сошлись в самой ужасной битве за долгую историю Мальстрима, но теперь, когда оба столько времени провели в раздумьях о том, что случилось, они понимали. Последний ненавидел Века, хотя Век пленил его и подверг этой мукe. Он ненавидел Хаос. Век же, со своей стороны, знал, что Последний по-прежнему был девственным миром, который эльдары наделили сознанием, чтобы он был настолько прекрасен и плодороден, насколько возможно. Он все еще ценил красоту и

справедливость и понимал ценность самопожертвования пред ликом зла. Мир обезумел, но эта вера так и не покинула его.

Он мог навредить Хаосу лишь одним способом — самоуничтожением. Арзүлеон Век, уже не тот, кто победил его, выпустил его на волю, чтобы он мог это сделать. Но крайней мере, за это в его ярости нашлось место благодарности.

Он также понимал, что Арзүлеон Век не надеялся и не особенно хотел выжить. Поэтому без лишних церемоний, испустив последний рев гнева из самого ядра, Торвендис разорвал себя на части.

Смотровой экран на мостике челнока вырубился, когда начали разваливаться континенты. Алакирүхватило времени, только чтобы увидеть, как моря превращаются в тучи перегретого пара, а главный континент отрывается от основания, словно короста. Он увидел фонтаны лавы, бьющие в космос, ледяные шапки, в мгновение ока обращающиеся белыми башнями пара, невероятно яркие

алые брызги там, где порога лантии, внезапно избавленная от давления коры, превратилась в жидкость и рванулась наружу.

Смерть Последнего разметала по Мальстриму хлещущие волны высвобожденного гнева. Распаг Торвенгуса стал, вероятно, величайшим событием, которое когда-либо видел древний варп-шторм: символ власти Хаоса, средоточие мощи, взорвался кипящей сферой ядерного огня и разлетелся во все стороны, одновременно высвободив все могучие энергии планеты.

Из земли вырвало давно засыпанные гворцы и вышвырнуло в космос. Испарившиеся океаны унесли с собой в вакуум громадных кракенов и подводные царства. Куски коры в тысячи километров длиной и в сотни глубиной обратились в кипящие облака сверхгорячей пыли.

Вой Последнего сотряс сами звезды, ворвался в сознание каждого живого существа в Мальстриме, так что и люди, и демоны узнали о его смерти. В эти последние несколько мгновений разрушения

даже боги оглянулись, чтобы увидеть, как их добыча исчезает в облаке бушующего пламени.

Ударные волны врезались в челнок Атакира и бешено закрутили его. Гравитационные системы отключились, капитана швыряло по стенам и потолку. Он услышал вопль умирающего мира.

Потом буря из раздробленного камня и высвобожденной силы расколола челнок пополам, и он успел мельком увидеть ослепительный свет взорвавшейся планеты, прежде чем испариться в гигантской волне жара и ярости.

Из всех легенд Торвенгуса та, что чаще всего повторяется по всему Мальстриму — лучшая и последняя. Это история о том, как некогда прекрасный девственный мир эльдаров был завоеван чемпионом Хаоса, который потом обернулся против темных сил. Она повествует о том, как он пробудил дух девственного мира, который к тому времени сошел с ума, и позволил ему уничтожить себя, чтобы демонический

мир был навеки потерян для Хаоса.

Когда рассказчики историй собираются вместе и пытаются превзойти друг друга, они неизбежно приукрашивают, и потому того, о чем согласно говорят все легенды, появляются новые детали. Чаще всего они задаются вопросом, действительно ли погиб Арзүлеон Век, великий предатель Мальстрима. Некоторые говорят, что, возможно, Последний оставил его в живых в качестве последнего акта возмездия за свое заточение. Может быть, боги сохранили ему жизнь, лишь чтобы мучить его воспоминаниями о злодеяниях, которые он свершил в их славу, как это свойственно богам. Или, быть может, Арзүлеон Век был попросту слишком могучим воином, чтобы умереть таким образом.

И, возможно, они правы. Может быть, Арзүлеон Век по сей день бродит по Мальстриму, в ярости от того, что у него отняли собственную смерть, и вечно ищет новые способы навредить пантеону Хаоса, чтобы боги пожалели о том дне, когда они настолько обратили его душу,

что она перестала ему принадлежать.

Но это, конечно, уже совсем другая история.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Когда я начал подбирать идеи для своей второй книги, в чем-чем, а в идеях недостатка не было. Я хотел отойти от костических десантников, героев первого романа, и обратился к некоторым из наиболее интригующих уголков вселенной Warhammer 40,000. Сестры Бумвы! Имперские ассасины! Инквизиторы! Ксеносы! И вот как-то я сказал, «А как насчет книги, где дело происходит на демоническом мире?»

Мой любимый аспект Warhammer 40,000 — Империя, поэтому демонический мир, пожалуй, был для меня довольно странной идеей, потому что в фокусе там вовсе не Империя. Фактически, в книге Империя практически не упоминается, и Торвендис находится во многих световых годах от ближайшей имперской планеты. Но вторая моя любимая сторона, не слишком отстающая от первой — это Хаос.

Хаос --- захватывающая тема, потому что это не просто плохой парень, которого можно легко понять. Он непознаваем, а когда люди пытаются его познать, они сходят с ума. Даже простой вопрос «Что такое Хаос?» довольно сложен. Хаос --- это сила, которая каким-то образом существует в параллельном измерении варна и воплощается в виде четырех (а может, больше --- гораздо больше) Темных Богов. Это субстанция демонов, магических существ, которые служат этим богам и так же часто --- самим себе, ведут себя как хищники или вмешиваются в дела смертных. И это растлевающая болезнь, недуг души, который червем вползает в невинных или выдающихся людей и уничтожает их моральные качества, пока они не превращаются в монстров, служащих силам варна. Ко всему прочему, у него есть собственный символизм и особенность, свои трюки, хитрости и персоналии, но при этом он постоянно меняется, как и положено истинному Хаосу.

Самой сложной задачей в процессе

написания «Демонического мира» было
сделать его «Хаотическим». Я не хотел
сделать так, чтобы книга просто
включала в себя все детали Хаоса, с
которыми знакомы любители Warhammer.
40,000 — классифицируемые по цветам
демоны, магические заклинания, которые
им известны, даже отсылки на
малоизвестные частицы бэкграунда. Это
элементы настольной игры, и хотя многие
из них все же присутствуют, от
«Демонического мира» требовалось
отображать Хаос в более чистом виде,
чем привычно фанатам игры. Еще одно
отличие — точка зрения. В играх и
предыдущих романах Хаос в основном
рассматривался с перспективы тех, кто с
ним борется, кто видит его злую суть и
пытается остановить его планы. Я хотел
посмотреть, каков Хаос с точки зрения
того, кто завяз во всем этом, одной из
миллиардов душ, живущих на мирах,
контролируемых Хаосом. Такие миры
существовали в бэкграунде и раньше, но
редко подробно изучались, а поскольку они
все разные по своей природе, то со своим

миром я мог делать все, что угодно.

Таким образом, местом действия стал Торвендис, лоскутное одеяло мало сочетающихся меж собой ландшафтов со своими туземными народами (для которых Хаос — буквально способ существования) и силами у власти (включая королеву, правящую в огромном городе странностей и грехов). Начали формироваться зачатки сюжета, но нужен был злодей, пугало, которое призраком витает в истории и открывается в самом конце. Сначала Последний был просто очень могущественным демоном, но это выглядело не слишком многообещающе, потому что книга и так должна была кишеть демонами. Рассматривались и другие варианты (включая Ктана, которых только недавно реализовали в настольной игре), но потом некто из студии дизайна предложил вариант эльдарского девственного мира. Это планета, которая жива и наделена собственным духом, возвращенным чужаками-эльдарами. Что, если один из таких миров потерялся в варпе и был

заселен демонами? Что, если он сошел с ума?

Второй элемент — главный герой истории. Я с самого начала знал, что этот протагонист — не герой, на самом деле, потому что я не хотел, чтобы откуда-то извне пришел рыцарь Космического Десанта или безупречный инквизитор — должен быть так же загадочен, как все, что происходит на Торвендусе. Он будет легендой, на него будет лишь намекаться в течение сюжета, а в конце он выйдет на передний план. Я назвал его Арзүлеон Век, потому что мне нравилось, как это имя скатывается с языка, и он стал кукловодом, стоящим за планом, который стал очевиден только в самом конце.

Век был средством, через которое я мог проиллюстрировать кое-какие аспекты Хаоса. Первый принцип Хаоса, как я его понимаю, в том, что каждый, кто связывается с ним, становится порченым. Хаос — как духовная кислота, которая разъедает все, с чем соприкасается. Никто и никогда не

поклонялся ему, потому что желал
осквернить себя -- это делают потому,
что Хаос обещает силу, или милосердие,
или освобождение, или исполнение
заветных желаний. Порча начинается
сразу же, но становится видна лишь
потом, а тогда уже слишком поздно.
Таким образом, Хаос, если его можно
выразить одним понятием, это ложь.

Арзүлеон Век знал это. Он знал,
потому что был чемпионом Хаоса,
который победил Последнего и завоевал
Торвендис. Но потом он пришел к
пониманию того, чем стал, и решил
отомстить самому Хаосу. Многие герои
сорок первого тысячелетия выходили на
бой с демонами, зная, что это -- зло. Век
был другим. Он хотел воевать с Хаосом,
потому что тот превратил его из
потенциального героя в злодея, и хотел
отплатить за то, что его заставили
вести существование, полное ненависти.
Его поиски возмездия стали основой для
сюжета «Демонического мира». Самое
веселое было работать над тем, как это
все в конечном итоге развернулось.

Большая часть «Демонического
мира» посвящена вовсе не Веку, а порченым
обитателям Торвендуса, которыми
манипулируют и ведут к вражде или
уничтожению. Все они иллюстрируют
определенные аспекты того, как Хаос
оскверняет своих последователей ---
всеобъемлющий гнев варвара, который не
знал ничего, кроме грубости и
жестокости, бесконечное высокомерие
королевы-слаанешитки, жалкое
прислужничество наслаждающихся
горожан и красочная брутальность Сс'лла
Ш'Карра. Некоторые из них более
симпатичны в сравнении с другими, но все
равно они все заслужили смерть. Несущие
Слово были вовлечены в тот числе для
того, чтобы предоставить более надежную
связь с бэкграундом Warhammer 40,000, но
также и чтобы показать, что это сам
Хаос собирает людей, а не только
Торвендис. Несущие Слово, хотя и лгут
себе, что это они находятся у руля, на
самом деле --- такая же опустившаяся
кучка рабов, как и самое низкое отребье
города. Кроме того, я не мог отказаться

от возможности забросить в эту смесь
немного космогосантников, чтобы
посмотреть, какие сцены боев из этого
получатся, а облитератор позволил мне
также использовать тяжелые орудия.

В «Демоническом мире» я дал себе
волю, натворив всевозможных странных и
напряженных сцен, которые возможны
только на таком мире, где обычные
правила, вроде гравитации и логики, не в
счет. Это самое яркое воспоминание о
написании этой книги — как я подчинялся
совершенно безумным выдумкам моего
воображения и создавал сцены, входящие в
число самых странных из всего, что я
писал. Морской бой в океане крови, князь
демонов размером с титан, город, висящий
над пропастью и посвященный созданию
непристойных удовольствий. Пробуждение
самого Торвендуса, планетарному
воплощению всего этого безумия, стало
неизбежным завершением. Хорошо, что
это было частью плана Века, иначе мне
пришлось бы искать какую-нибудь другую
причину, чтобы Торвендус в конце
превратился в костянского хищника.

Очень раскрепощающий опыт — делать наброски тех кусков книги, в которые я хочу втиснуть столько сумасшествия, сколько получится, и с головой нырять в великоление и ужас, которые не вместились бы в большинство иных сюжетов.

Я очень горжусь «Демоническим миром», и отзвуки его Хаотического своеобразия проявляются практически во всем, что я пишу. Мне понравилось его писать, особенно моменты ближе к концу, когда становятся понятны различные детали плана Века, и завершение шло быстрее, чем я мог писать. К сожалению, сиквел маловероятен, потому что все персонажи мертвы, включая и самого демонического мира, так что история Торвенгуса, определенно, завершена. Но «Демонический мир» продолжает жить — всякий раз, когда демон у меня превращается во что-нибудь неизмеримо ужасное, всякий раз, когда варп učinяет безумие в реальном пространстве или когда ломаются законы реальности. И Век тоже поныне жив, как урок о том, чем на

самом деле является Хаос и что он может
сделать даже с самыми доблестными
людьми.

Бен Каунтер, 2008